

АННЕ-КАТ. ВЕСТЛИ

Каос
и
Бьёрнар

Блауг
и
Пончик

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

АННЕ-КАТ. ВЕСТЛИ

Хаос и Бьёрнар

ПОВЕСТИ

Блауг и Пончик

Перевод с норвежского

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1988

ББК 84.4Нр
В38

Anne-Cath. Vestly
KAOS OG BJØRNAR
Med Tegninger av Johan Vestly
Tiden Norsk Forlag, 1982.

Anne-Cath. Vestly
LILLA OLAUG OG LUBBEN
Med Tegninger av Johan Vestly
Tiden Norsk Forlag, 1983.

Перевод с норвежского Л. Горлиной

Художник Юхан Вестли

Оформление Е. Карелиной

В начале 50-х годов норвежские малыши впервые услышали по радио рассказы о жизни мальчика, которого звали Уле-Александр. Автором этих рассказов была будущая известная писательница Анне-Кат. Вестли.

После истории про Уле-Александра Вестли стала рассказывать истории про большую дружную семью, состоящую из папы, мамы, восьми детей и грузовика. Сначала норвежские дети слушали о них по радио, а потом уже прочитали и в книгах.

Всего Анне-Кат. Вестли выпустила сорок книг. Кроме уже названных, у неё есть книги про Малыша, про девочку Аврору, про Гюро и про мальчика Каоса и его друзей. Некоторые из них знакомы и советским детям, а также детям разных стран, потому что книги Вестли переводятся на многие европейские языки.

Анне-Кат. Вестли пишет о жизни обыкновенных норвежских детей, но мир, в котором они живут, не совсем обычный: предметы в нём одушевлены и обладают человеческими чувствами, им бывает грустно или весело, у каждого из них своё лицо, свой голос, свой характер. В книгах Вестли нет плохих людей. Её герои добры и внимательны друг к другу и всегда готовы прийти на помощь тому, кто в ней нуждается. И ещё одна особенность книг Вестли: дети и родители в них всегда понимают друг друга, и потому её книги неназойливо учат родителей быть хорошими папами и мамами.

Рисунки ко всем книгам Анне-Кат. Вестли делал её муж — художник Юхан Вестли. Его рисунки читатели увидят и в этой книге про Каоса и его друзей.

Л. Горлина

4803020000—258
В М101(03)-88 445—88

ISBN 5—08—001236—6

© TIDEN NORSK FORLAG, 1982, 1983

© Перевод. Оформление.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1988

Каос и Бьёрнар

Маленький голубой автобус

Жил в Норвегии маленький мальчик, звали его Кáос. Вообще-то его настоящее имя было Карл Óскар, но когда он был совсем маленький, ещё меньше, чем сейчас, ему было трудно выговорить такое длинное имя, и он назвал себя Каосом. Это было немного похоже на Карл Óскар, по крайней мере, ему так каза-

лось. Вскоре и мама стала звать его Каосом, а за ней и папа, и наконец все знакомые, которые жили с ним в одном городе.

Город был не большой, но и не очень маленький. Назывался он Вётлебю, по-норвежски это и значит «небольшой город». Как и во всех городах, в Ветлебю была Главная улица. Она тянулась через весь город, и на ней были всякие магазины, аптека, библиотека, сберкасса и почта. Были в городе и неглавные улицы и даже переулки, но на них магазинов почти не было.

У города были две достопримечательности, и он очень гордился ими. Первой — была гора. Только не подумайте, будто город стоял у подножия этой горы. Нет, он раскинулся по её склонам, и на верхние улицы жители попадали не без усилий. Но они любили свою гору и не жаловались.

Второй достопримечательностью был водопад. С вершины горы стекало множество ручьёв и ручейков, они сливались в реку, и река текла в город. Кое-где она текла медленно и спокойно, а кое-где яростно бросалась со скал и уступов, встречавшихся ей на пути. Это и были водопады.

Самый большой водопад находился в центре города. После этого водопада река снова становилась рекой и мирно впадала в озеро, лежавшее за городом.

Жители города любили водопад и, чтобы лучше им любоваться, построили над ним мост. Мост был такой высокий, что брызги не долетали до него. Каос жил рядом с этим мостом. Дом, в котором он жил, назывался

Газетным, потому что в нём выпускали газету. Здесь работали журналисты, художники, фотографы и печатники. Газету выпускали на втором и на третьем этаже, а на первом был склад и рядом с ним небольшая квартира — две комнаты, кухня и ванная.

В этой квартире и жил Каос. В типографии гудели печатные станки, за окном грохотал водопад, но Каосу они не мешали. Это был свой, привычный шум, и Каос относился к нему как к старому другу. Впрочем, водопад грохотал не всегда: зимой он превращался в простой журчащий ручей. Зато весной и осенью это был настоящий большой водопад.

Сейчас стояла осень, водопад грохотал всю, но Каос и папа с мамой легко засыпали под его шум, радовались ему по утрам и весь день помнили о нём.

Газетный дом стоял на площади, тоже довольно шумной, потому что через неё проезжало много машин и мотоциклов. Машины сердито ревели, давая газ, чтобы преодолеть крутой подъём, начинавшийся сразу за площадью. К их шуму Каос тоже привык. Он всегда точно знал, какая машина едет мимо его дома: легковая, грузовик или автобус, и среди них всегда различал шум одной машины — маленького голубого автобуса, который возил пассажиров из города в гостиницы, находившиеся у самой вершины горы. Этот автобус так и назывался Горным, и водителем на нём был папа Каоса. Когда вечером Горный автобус возвращался из рейса, Каос подбегал к окну и кричал:

— Мама! Мама! Это папа!

И если мама не готовила ужин, она тоже подходила к окну и они вместе с Каосом смотрели, не остановится ли голубой автобус возле их дома. Случалось, он останавливался, даже если путь был свободен и никто из пассажиров не собирался выходить на площади. Автобус давал короткий сигнал и чуть подавался назад — это был особый автобусный танец, который он исполнял только перед Каосом и его мамой. Потом автобус снова продолжал путь. Он спешил доставить пассажиров до места и вернуться на автобусную станцию, где был его дом. Перед сном автобус тщательно мыли и внутри и снаружи, чтобы завтрашним пассажирам было приятно в нём ехать.

Если было не слишком поздно и не слишком темно и была не слишком плохая погода, мама разрешала Каосу пойти встретить папу. Но она сама переводила его через площадь, на которой грозно ревели машины и танцевал голубой автобус, если у папы было хорошее настроение.

Сегодня настроение у папы было отличное, автобус исполнил свой танец и даже два раза погудел. Каос сразу понял, что папа торопится домой. Но мама жарила форель, и Каос не знал, сможет ли она перевести его через площадь. А вдруг из-за этой форели он не пойдёт встречать папу? Каос взглянул на маму.

— Не волнуйся, сейчас я провожу тебя,— сказала мама.— Я как раз только что перевернула рыбу и убавила огонь.

Мама надела куртку, а Каос — свитер. От

спешки он никак не мог попасть головой в ворот. Наконец его голова вынырнула наружу, и Каос с мамой выбежали из дома на площадь.

Вот уж где было шумно! Водопад грохотал, типография громко кашляла, машины ревели. Каос взял маму за руку, посмотрел налево, потом направо, выждал минутку и пошёл на другую сторону. Там он остановился и посмотрел, как мама пойдёт обратно, — ведь он тревожился за неё ничуть не меньше, чем она за него.

Перейдя площадь, мама помахала Каосу рукой. Теперь он мог один идти на автобусную станцию, больше ему не нужно было переходить улицу.

Станция была недалеко. Каос прошёл через зал ожидания и вышел на двор, где стояли автобусы. Их было много. Одни готовились к последнему вечернему рейсу, другие отдыхали — они уже достаточно наездили за день.

Голубой горный автобус стоял в самом углу двора, и папа рядом с ним, но Каос знал: бежать к папе нельзя, надо ждать на крыльце — во дворе было опасно, туда приезжали всё новые и новые автобусы.

Каосу каза-

лось, что он ждёт слишком долго. Папа как будто не замечал его, он разговаривал с одним из водителей, потом влез в автобус за сумкой, потом снова заговорился. Но вот он взглянул на крыльцо и улыбнулся Каосу.

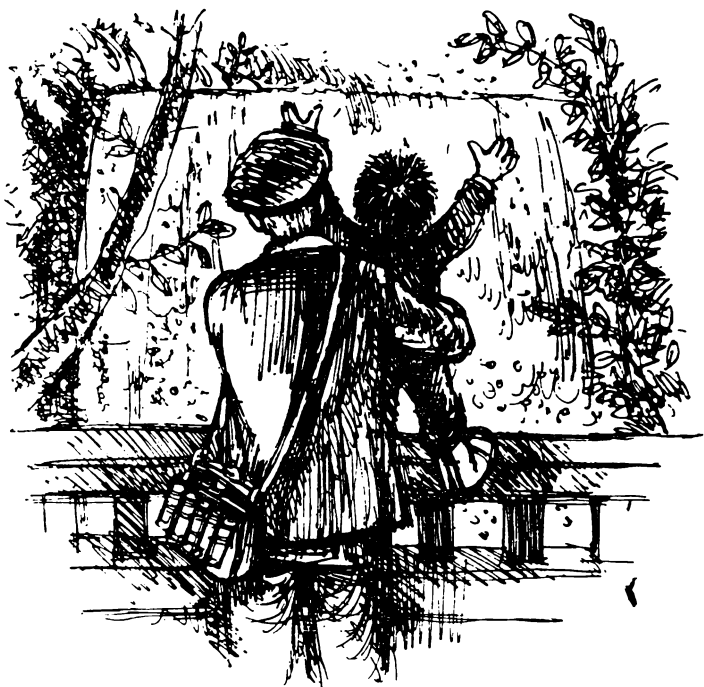
Теперь Каос мог ждать сколько угодно! Тут было на что посмотреть, тем более что Каос знал в лицо каждый автобус. Тот, который ездил в долину, устал и запылится, его рабочий день уже кончился, и он ждал, когда его вымоют. Тот, который ездил к подножию, тоже изрядно устал, но ему предстояло совершить ещё один, последний, рейс — перед ним толпились люди и кое-кто уже поднялся внутрь.

Самый важный вид был у городского автобуса. Да как же ему было не важничать, если он целый день ездил по асфальту и почти не запачкался! Впрочем, когда Каос присел на корточки, он увидел, что и у городского автобуса под крыльями полно пыли.

А вот и папа! Но Каос даже не шелохнулся, хотя у него внутри всё так и подпрыгнуло от радости, папа мог быть спокоен — его сын не выбежит на автобусную площадку.

Наконец папа взял Каоса за руку, они рядышком прошли через зал ожидания, вышли на улицу и направились к дому. Каос старался делать такие же большие шаги, как папа, а папа — такие же маленькие, как Каос, и потому они шли почти в ногу.

На площади они остановились. Здесь, беря разгон перед подъёмом, машины ехали особенно быстро. Перейдя площадь, Каос с папой

пошли не домой, а поднялись на мост. Папа помог Каосу встать на нижнюю планку перил, чтобы он, держась за верхнюю, мог лучше видеть водопад.

Водопад бесился и яростно пенился, в воздух летели брызги, и было видно, что с этим водопадом шутки плохи.

— Ишь набрал силу! — крикнул папа Каосу в ухо.

— Э-ге-гей! — крикнул Каос водопаду.

Тум-тара-тум-тара-тум! — прогрехотал водопад ему в ответ.

Каос так обрадовался, что замахал руками, хорошо, папа крепко держал его, а то бы он непременно свалился в воду.

— Ну, нам пора,— сказал папа.

— Посмотрим ещё!

— Идём, идём, пора.

— Не хочу! — Каос ещё сильнее замахал руками, радость так и бурлила в нём.

Папа рассердился, снял Каоса с перил и встряхнул за плечи.

— Если ты будешь так бесноваться, мы больше не придём сюда!

Каосу стало обидно, он даже заплакал про себя, но папе ничего не сказал. От радости не осталось и следа. Папа заметил, что Каос притих.

— Не сердись на меня,— сказал папа.— Я ведь испугался. Мне показалось, что ты уже себя не помнишь.

Но Каос всё помнил и вовсе не собирался прыгать в водопад, как показалось папе. Просто ему было весело, а теперь стало грустно. Впрочем, ненадолго, ведь день всё-таки был хороший, и папа рано вернулся с работы.

— Угадай, кого я видел сегодня в лесу, когда ехал наверх? — спросил папа.

— Лося! — выпалил Каос, он был почти уверен, что не ошибся.

— Верно,— сказал папа,— и не одного, а сразу трёх, целую семью. Сперва на дорогу вышла лосиха с лосёнком, а потом и сам лось.

— И ты чуть не задавил их? — испугался Каос.

— Нет, что ты! По горной дороге я еду не спеша и внимательно смотрю по сторонам. Но лосёнок оказался уж очень неосторожным, так и лез под колёса. Пришлось мне остановиться. Пассажиры были рады неожиданному развлечению. Простояли мы минут десять, а лоси всё не уходят. Тогда я включил мотор — никакого впечатления. Я зажёг фары, свет очень понравился лосёнку, он подошёл совсем близко к автобусу и стал чесать бок о радиатор. Я уже не знал, что делать, как вдруг вспомнил один старый способ.

— Какой? — От любопытства Каос даже забыл, что немного обиделся на папу.

— Я вспомнил, что в таких случаях надо петь, и запел. Я пел все песни подряд. Потом мы открыли окна и стали петь хором. Представляешь себе такую картину? Лоси послушали, послушали и на всякий случай скрылись в лесу. Кто их знает, что у них на уме, у этих людей, которые зачем-то горланят во всю мочь.

— А им, наверно, и в лесу тоже было слышно, как вы поёте?

— Возможно, — согласился папа. — На прощание мы спели им ещё несколько песен, похлопали друг другу и не спеша поехали дальше.

Папа и Каос уже подошли к дому. Папин рассказ произвёл на Каоса сильное впечатление, ему казалось, что это он сам ехал в голубом автобусе, пел вместе с пассажирами и любовался лосями, которые слушали их песни.

— О-хо-хо, хорошо вернуться домой! —

сказал папа, глубоко вздохнув и потянувшись.

— О-хо-хо, хорошо вернуться домой! — повторил за ним Каос.

На кухне аппетитно пахло жареной форелью, Каос очень её любил. А ведь было время, когда он вообще не ел рыбы, и не потому, что она ему не нравилась, а потому, что боялся подавиться рыбьей костью. Однажды у него на глазах подавилась тётя, папина сестра.

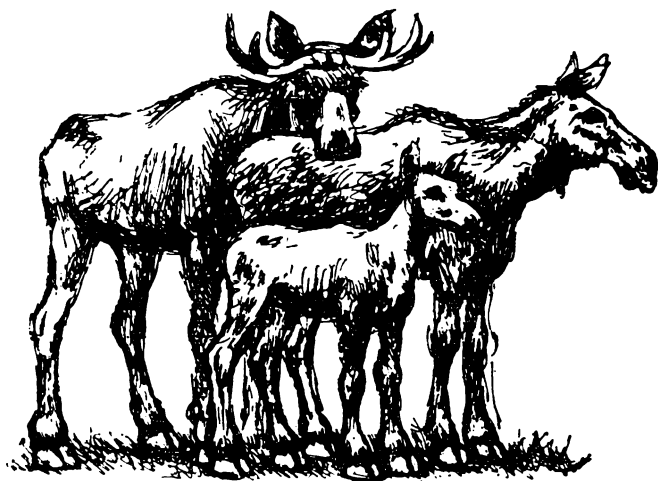
Дело было так: тётя приехала к ним в гости и осталась обедать. На обед была рыба. Тётя ела очень быстро, но за едой она любила поговорить. Вдруг она испуганно замолчала и начала кашлять.

«Ох! — выдавила она с трудом. — Кажется, мне в горло попала кость». Лицо у тёти побагровело, на глазах выступили слёзы. «Поешь скорей картошки и проглоти корочку хлеба, тогда кость пройдёт», — посоветовал папа. Тётя так и сделала. Каос очень испугался. «Кажется, прошло», — сказала наконец тётя, перестав кашлять, и все вздохнули с облегчением.

С тех пор Каос боялся есть рыбу. Узнав об этом, тётя привезла ему подарок, хотя день рождения у него уже прошёл, а до рождества было ещё далеко.

Она подарила ему большое увеличительное стекло с чёрной ручкой!

«Вот тебе лупа, Каос, — сказала она. — Теперь можешь не бояться. С этой лупой ты не пропустишь в рыбе ни одной косточки, только смотри повнимательней».

Через несколько дней мама приготовила на обед жареную рыбу. Каос с нетерпением ждал этого, ему хотелось испробовать тётин подарок. И лупа помогла. Сперва обследовал свою порцию Каос, потом папа и мама. Теперь каждый раз, когда они ели рыбу, лупа лежала на столе. Мама даже сшила для неё нарядный чехол.

Вот и сегодня, сев за стол, Каос первым делом схватился за лупу и съел столько форели, что у него чуть не лопнул живот.

Наконец он отправился спать. Спал он в спальне вместе с папой и мамой, только они ложились гораздо позже, чем он. По обыкновению, ему разрешили нарисовать один рисунок, лёжа в кровати. Сегодня он нарисовал

трёх лосей, которые стояли в лесу и слушали, как поют пассажиры маленького голубого автобуса.

Это был удачный день. В такие дни голубой автобус всегда танцевал для Каоса и его мамы. ♡

Эва и Бьёрнар

Вы уже знаете, что папа Каоса был водителем автобуса. А его мама работала продавщицей, но не в обычном магазине, а в аптеке. К маме приходили люди, которые перед тем побывали у доктора, но случались и такие, которые приходили сами по себе, чтобы купить микстуру от кашля, таблетки от головной боли или пластырь, чтобы заклеить царапину.

Папа возил пассажиров в горы на маленьком голубом автобусе, мама отпускала больным лекарства, а Каоса на это время отводили к «дневной маме». Когда ребёнка не с кем

оставлять дома, а родителям надо ходить на работу, они отводят его к «дневной маме». «Дневную маму» Каоса звали Эва, её сын Бьёрнар был для Каоса «дневным братом». Так что Каосу очень повезло, ведь родного брата у него не было. Да и Бьёрнару тоже повезло: у него тоже не было родного брата. Он жил вдвоём с мамой, его папа работал в большом городе и приезжал домой только по субботам и воскресеньям.

Утром Каос проснулся рано и сразу побежал к окну. Он хотел поздороваться с водопадом. Теперь, осенью, по утрам было ещё темно, но возле моста горел фонарь и водопад было хорошо видно. От света фонаря брызги казались золотистыми искрами. Дерево, что росло рядом с водопадом, скрывалось в тени, но Каос был почти уверен, что на нём, как всегда, сидят две сороки, и ему очень хотелось, чтобы они взлетели.

Папа вставал раньше Каоса и готовил завтрак, а мама спала дольше всех. Она просыпалась с трудом и с утра всегда бывала не в духе. Папа с Каосом привыкли к этому и никогда не заговаривали с ней первыми. Они ждали, чтобы она умылась, села за стол, поела, выпила кофе и вспомнила об их существовании. Тогда мама как будто просыпалась во второй раз и говорила:

— Доброе утро!

Папа с Каосом кивали ей, и тут уж они начинали говорить все трое, перебивая друг друга, потому что времени у них оставалось в обрез, а каждому нужно было сообщить что-нибудь очень важное.

Сегодня, например, папа сказал, что у него будет вечерний рейс, и Каос огорчился. Вечерний рейс означал, что Каосу придётся лечь спать раньше, чем папа вернётся домой. Такие дни Каос называл неудачными. К тому же мама проспала, и они почти не успели поговорить.

За ночь похолодало, и мама второпях искала Каосу шапку. Папа схватил пакет с бутербродами и ушёл, не успев вымыть посуду. А Каос бросился к окну, чтобы помахать папе на прощание. Он смотрел, как папа, выждав, осторожно переходит через площадь. Вот он уже на той стороне, и хотя папа очень спешил на станцию, где его ждал голубой автобус, он всё-таки обернулся и махнул Каосу пакетом с бутербродами.

Через несколько минут мама с Каосом тоже вышли из дома. Они спешили, а Каос не любил спешить. Он умел бегать очень быстро и мог легко обогнать маму, но быстро идти рядом с мамой у него не получалось: мама делала один шаг, Каос — два, и тут уж ничего нельзя было поделать. Когда они выходили из дому пораньше, они шли медленно и всегда останавливались, если им на пути встречалось что-нибудь занятное. Сегодня же идти было скучно и даже неприятно. Каос обрадовался, когда они подошли к дому, где жили Бьёрнар и Эва, и тут же позвонил в дверь. Мама стояла как на иголках. Она едва поздоровалась с открывшей им Эвой и пустилась бегом в аптеку.

Сегодня ей было некогда оборачиваться и махать Каосу на прощание. Каосу стало грустно. Но на всякий случай он всё-таки

задержался в дверях и посмотрел ей вслед. И не зря, потому что мама остановилась и махнула ему, при этом она споткнулась, чуть не упала и скрылась за углом. Каос сразу повеселел.

— Проходи, Каос, мы там, во дворе,— сказала Эва, запирая дверь.— Боялись, не услышим твоего звонка.

— А что вы там делаете? — спросил Каос.

— Латаем колесо,— ответила Эва.— Вчера ездили в библиотеку и прокололи шину на правом колесе. И это на асфальте! Идём скорей, посмотришь, какие мы мастера!

Эва с Бьёрнаром прокололи шину, но не у автомобиля и не у велосипеда, а у инвалидной коляски. На этой коляске Бьёрнар ездил потому, что у него были больные ноги, ходил он с трудом, и то на костылях.

Эва провела Каоса через дом на задний двор. Бьёрнар сидел на скамье и держал в руках коробку, в которой хранился резиновый клей, наждачная бумага и кусочки резины для заплаток.

— Сперва мы нашли дырку,— рассказывала Эва,— и, чтобы не потерять её, обвели мелом, потом вымыли колесо и потёрли то место наждачной бумагой. Теперь намажем его клеем и прилепим заплатку. Знаешь, что написано на тюбике с клеем? Видишь, какие большие буквы?

— Подожди, мама, я сам ему прочту,— вмешался Бьёрнар, он был немного старше Каоса и уже умел читать.— Тут написано: «Осторожно! Содержит трихлорэтил. Опасно для дыхания».

— А что это значит? — спросил Каос.

— А то, что парами этого клея опасно дышать, в помещении должна быть хорошая вентиляция.

— Таким клеем лучше всего пользоваться на воздухе,— сказала Эва.— Вот мы и занялись этим во дворе.

— Хранить в местах, недоступных для детей,— продолжал читать Бьёрнар.

— Правильно, от детей его надо прятать. Но хоть Бьёрнар и ребёнок, он должен уметь сам чинить свою коляску. Правда, Каос?

— Правда,— согласился Каос.— А я должен уметь ему помогать.

— Помогай, только осторожно, а после работы я спрячу коробку с клеем в свой тайник.

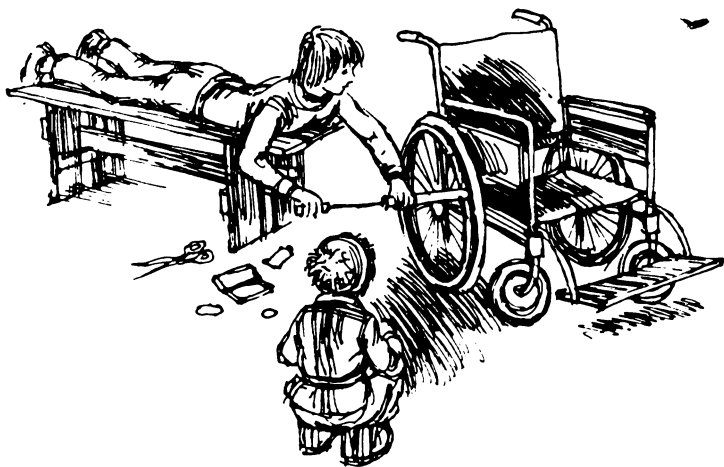
— Значит, в следующий раз, когда я проколю шину, клея мы не найдём! — сказал Бьёрнар.

— Найдём! — засмеялась Эва.— Мой тайник недалеко, тут, в сарае. Ну-ка, Бьёрнар, намажь шину клеем, и пусть он немного подсохнет. Кажется, так сказано в инструкции. Потом надо приложить заплатку, а вот долго ли она должна сохнуть, я не знаю. Наверно, недолго.

Вскоре колесо было как новенькое, но пока его не накачали, вид у него был, прямо скажем, унылый. Бьёрнар приготовил насос и лёг животом на скамью.

— Ну, с этим вы справитесь и без меня,— сказала Эва,— а я займусь другими делами.

— Не забудь, ты обещала, что сегодня мы пойдём на прогулку,— напомнил ей Бьёрнар.

— Я помню. И хорошо, что Каос сегодня оделся потеплее.

— Ну, я качаю,— сказал Бьёрнар.

— Я тоже хочу покачать! Всего пять разиков. Можно? — попросил Каос.

— Можно,— разрешил Бьёрнар.— Я начну, а потом дам тебе. Только ты следи, чтобы насос не соскочил, а то воздух не попадёт в колесо.

Каос очень старался, и колесо росло у него на глазах. Потом насос взял Бьёрнар, и скоро работа была закончена.

Сегодня они собирались совершить дальнюю прогулку. Эва принесла из дому два пледа и рюкзак. Мальчики оживились. Во время прогулок коляска Бьёрнара бывала у них то пароходом, то паровозом, то автомобилем, то чем-нибудь ещё.

— А чем она будет сегодня? — спросил Каос, когда они двинулись в путь.

— Сегодня? — Бьёрнар задумался. — Сегодня мы будем считать, будто гуляем без неё, просто идём рядом и беседуем.

Каосу это понравилось. Он шёл рядом и старался не отставать, чтобы Бьёрнару казалось, будто он тоже идёт, а не едет. Эва сзади толкала коляску. Вообще-то Бьёрнар мог ездить и без посторонней помощи, но только на ровном месте и не очень далеко. Он крутил колёса руками. Правда, это было трудно, и если путь предстоял неблизкий, коляску толкала Эва. Сегодня к тому же дорога шла в гору. Они как раз свернули в боковую улочку, которая круто поднималась вверх. В таких местах Каос обычно помогал Эве, и всё равно они справлялись с трудом. Им встретился знакомый парень, он поздоровался с Бьёрнаром и тоже взялся за коляску.

Когда подъём кончился, парень побежал обратно, но теперь дорога шла уже по ровному месту, и везти коляску было нетрудно. Каос с Бьёрнаром разглядывали встречающих людей, наблюдали за машинами, велосипедами, собаками и птицами. От них не укрылось ничто. Глаза их были заняты одним, а мысли другим. Каос думал: где-то сейчас его папа с голубым автобусом, в горах или уже вернулся в город? А Бьёрнар мечтал о том, чтобы им навстречу попался какой-нибудь человек, пусть даже мальчик, и чтобы этот встречный не спросил у него, как обычно: «Что у тебя с ногами? Почему ты не можешь ходить?» — этого Бьёрнар терпеть не мог, — а остановился бы, посмотрел на Бьёрнара и спросил: «Скажи, пожалуйста, который час?» Потому что совсем

недавно папа подарил Бьёрнару часы. Они красовались у него на руке, и все могли их видеть. Бьёрнар старался, чтобы рукав куртки или свитера не закрывал их. Может, сегодня кто-нибудь спросит у него, который час?

Он даже улыбался, представляя себе, как это будет, но они уже выехали на песчаную дорогу, идущую вдоль реки, и встречные перестали попадаться. Дорога была пологая и хорошо утрямбованная. Вот они и пришли к своему любимому месту — живописной горной террасе у водопада. Это был другой водопад, совсем не похожий на тот, возле которого жил Каос, и голос у него был совсем другой — мягкий, певучий. Сегодня водопад пел такую красивую песню, что они невольно заслушались.

— Отойдите подальше, а то вымокнете,— сказала Эва.

Она присела на пенёк отдохнуть. Каос, как собачонка, бегал, осматривая, всё ли в порядке на их любимом месте. А Бьёрнар взял костыли и начал тренироваться. Сперва он просто стоял, опираясь на них. Ему было приятно стоять, ведь когда человек стоит, мир выглядит совсем иначе. Даже лицо Каоса и то изменилось! Потом Бьёрнар начал ходить по траве. Эва не помогала ему, она знала, что он этого не любит.

Каос, сидя на корточках, смотрел на воду, в лицо ему летели пена и брызги. Наглядевшись на водопад, он пошёл собирать камешки, мох и шишки и, когда Бьёрнар, устав, вернулся к коляске, принёс ему свои находки.

— Этот серый мох называется оленьим,— сказал Бьёрнар.— А ты знаешь, сколько всего на свете видов мха?

— Наверно, пять? — неуверенно спросил Каос.— Олений — серый, ещё есть зелёный и...

— Маловато,— сказал Бьёрнар.— Их очень много, около двадцати шести тысяч!

— Здесь, у нас? — изумился Каос.

— Нет, не у нас, а во всём мире. Ты не забудь взять мох и камешки домой, они нам пригодятся.

Потом они завтракали, и столом им служил большой камень, который Эва накрыла пледом. Бьёрнар сидел в коляске, а Эва и Каос — на земле, всем было очень удобно, и проголодавшиеся Каос и Бьёрнар налегли на вкусные Эвины бутерброды.

Погуляв ещё немного, они собрались домой. Теперь дорога всё время шла под горку, и они

доехали очень быстро. Дома Каос и Бьёрнар так заигрались, что даже не заметили, как за Каосом пришла мама.

— А вот и я! — сказала мама. — И я уже не тороплюсь!

— Придёшь завтра, Каос? — спросил Бьёрнар, ему было жаль прерывать игру.

— Обязательно!

И Каос с мамой пошли домой.

Они шли медленно, останавливались у всех витрин и по пути рассказывали друг другу, как провели этот день.

Каос уже не помнил, каким неприятным было сегодняшнее утро, но мама этого не забыла.

— Завтра я непременно встану пораньше, — пообещала она Каосу.

— Посмотрим, как у тебя это получится! — засмеялся он.

Подготовка к полёту

Утром мама, как обещала, встала первая. Она была очень довольна собой, и настроение у неё было прекрасное. Они завтракали не торопясь, и после завтрака она даже предложила папе:

— Сегодня у меня много времени, мы с Каосом проводим тебя до автобуса, а потом я отведу его к Бьёрнару.

Идти втроём веселее, чем вдвоём, это каждому ясно, тем более когда не надо спешить. Первым делом Каос повёл папу и маму к водопаду. Как всегда осенью, водопад набрал

силу и неистовствовал вовсю. Каосу было странно, что вода падала с уступа всю ночь, но её не стало меньше, и она продолжала лететь с прежней силой.

Мама вытерла с лица брызги, и они пошли провожать папу на станцию. Беседуя с мамой, папа занялся осмотром автобуса, а Каос затеял игру. Он умел играть, даже если был один, и от этого игра не казалась ему менее интересной. Сейчас он играл, будто едет с папой. Он сел на заднее сиденье и стал смотреть в окно.

— Идём, Каос, нам пора! — позвала его мама.

— Не могу, я уехал на автобусе! — крикнул он. Ему не хотелось бросать игру.

— Тебе нельзя с автобусом, выходи! — Мама не поняла, что он играет.

— Я не могу сойти на ходу! — ответил Каос.

— Выходи, Каос! — Папа уже начал сердиться. — Ты поедешь со мной в пятницу, это уже скоро.

Но Каос медлил, ему хотелось, чтобы папа вошёл в автобус и вынес его на руках. Так и случилось, и когда папа вошёл в автобус, он сам прыгнул ему на руки.

— До свидания, Каос! Кланяйся Бьёрнару и Эве, — сказал папа и помахал ему на прощание.

Мама и Каос простились с папой и пошли по Главной улице, на которой было много магазинов. Правда, так рано и магазины были ещё закрыты. Зато витрины они могли разглядывать сколько угодно.

— Так даже лучше,— сказала мама. Это нам обойдётся дешевле.

Сперва они осмотрели витрину, в которой висели платья. Потом подошли к спортивному магазину. В витрине стояли манекены в тёплых свитерах, куртках и с удочками в руках. Каос с мамой переглянулись.

— Такая удочка нужна папе! — в один голос решили они.

Следующим был книжный магазин.

— Давай купим какую-нибудь книжку, и ты мне считаешь,— предложил Каос маме.

— Книги для чтения мы можем брать в библиотеке,— сказала мама.— А скоро ты пойдёшь в школу и научишься читать сам. Будешь читать нам с папой. Осталось ждать всего полтора года.

— А Бьёрнар уже умеет читать, хотя он тоже ещё не ходит в школу.

— Бьёрнар старше тебя. Он уже должен был бы ходить в школу, но врачи посоветовали Эве оставить его дома, пока у него не окрепнут руки и он не научится лучше ходить на костылях. Ведь в школе нельзя пользоваться коляской: в ней много лестниц с высокими ступеньками. Её построили давно, тогда никто не думал о детях, которые не могут ходить.

— Бьёрнару школа не нужна,— сказал Каос,— он и без школы всё знает, а читать и писать он научился сам. Они с Эвой каждую неделю ходят в библиотеку и берут новые книги.

— Да, Бьёрнар много читает,— заметила мама,— но зато он гуляет меньше, чем другие дети. И всё-таки в школу ему хочется, поверь

мне, ведь там интересно и там он познакомится с другими детьми.

— Как ты думаешь, какую игру он придумает сегодня? — мечтательно спросил Каос.

— А по-моему, даже лучше, что ты не знаешь этого заранее,— сказала мама.— Я вот знаю, что меня ждёт в аптеке, и мне совсем не интересно идти туда. Если Эва с утра будет заниматься музыкой, вам придётся самим себя развлекать.

— Уж мы что-нибудь придумаем!

Бьёрнар правда много читал и размышлял, потому что много времени проводил один. И хотя он был старше Каоса, они любили играть вдвоём. Часто им не хватало дня, чтобы поиграть во все игры, какие они придумывали. Каос много ездил с папой и мамой и рассказывал Бьёрнару об этих поездках, а Бьёрнар рассказывал ему всё, что узнавал из книг.

Но в это утро никто не сказал бы, что Бьёрнар обрадовался приходу «дневного брата». Он даже не вышел из своей комнаты, чтобы поздороваться с ним.

— Не обращай на него внимания, он сегодня не в духе,— сказала Эва Каосу.— Мы с тобой знаем, что это скоро пройдёт. Может, у него болит голова, а может, приснился плохой сон.

Каос кивнул и стал махать маме в окно. Он махал так усердно, что чуть не опрокинул горшок с цветами. Сегодня мама не опаздывала и могла ответить ему.

А Бьёрнару и правда приснился сон, но совсем не плохой, а как раз очень даже хороший. Во сне он мог бегать, как все дети,

и они долго бегали по лугу, но вдруг Эва, Каос и все остальные убежали от него, а он долго кричал им вслед: «Подождите меня! Не убегайте! Каос, не беги так быстро!»

Но Каос всё-таки убежал, и теперь Бьёрнар дулся на него, хотя тот и не подозревал о своей вине.

— Ну что ж, Каос, придётся тебе поиграть одному, мне надо заниматься. Придумай что-нибудь, Бьёрнар у себя в комнате.

Да, Бьёрнар был у себя, он сидел неподвижно в своей коляске, а когда Каос поздоровался с ним, повернул коляску так, чтобы сидеть спиной к Каосу. У коляски было четыре колеса — два маленьких спереди и два больших сзади. Бьёрнар легко управлялся с ней, он ездил, останавливался и поворачивался в любую сторону. После вчерашней прогулки колёса были вымыты и блестели.

Бьёрнар был мрачен, и Каос начал играть в одиночестве. Он лёг на пол и принялся строить из кубиков невысокий длинный дом, при этом он тихонько что-то приговаривал себе под нос. Постепенно он увлёкся и заговорил во весь голос, забыв, что Бьёрнар не в духе. В соседней комнате Эва играла на пианино, и чем громче звучала музыка, тем сильнее повышал голос Каос.

Дом получился очень длинный, но в нём был всего один этаж. Широкий коридор делил дом на две половины, и в каждой половине было по квартире. В одной квартире жил Каос, а в другой — Бьёрнар. По коридору Каос мог кататься на роликах, а Бьёрнар — на коляске, к которой был прикреплён электрический мо-

тор. Вообще-то Каос ещё не умел кататься на роликах, а на коляске у Бьёрнара не было никакого мотора, но ведь это была только игра.

Из своей квартиры Бьёрнар мог в любое время приехать к Каосу в гости, но только если у него было хорошее настроение. Кому интересно играть с таким мрачным молчуном? Всё это Каос тихонько говорил самому себе, но Бьёрнар, должно быть, всё-таки услышал его, потому что коляска развернулась и медленно подъехала к длинному дому.

— А на крыше надо устроить аэродром,— вдруг сказал Бьёрнар.— Тогда мы сможем летать на вертолёте. Очень удобно — поднялся на крышу, сел в вертолёт и летишь, куда надо.

— Угу,— буркнул Каос.

— Куда же мы полетим? — спросил Бьёрнар.

— К моей тёте. Давай полетим к тёте Элсе!

— Это какая тётя Элса? У тебя слишком много тётъ, я в них запутался.

— Тётя Элса — мамина сестра, она живёт вместе с бабушкой на берегу фьорда, мы летом ездим к ним в гости. А папина сестра живёт тут недалеко.

— У меня тоже есть тётя, только она живёт далеко отсюда, и мы редко видимся,— вздохнул Бьёрнар.— Ладно, летим к твоей тёте Элсе. Кто поведёт вертолёт, ты или я?

Каос по привычке уже хотел уступить Бьёрнару должность пилота, но вдруг передумал.

— Я поведу,— сказал он твёрдо,— ведь ты

не знаешь, где живёт тётя Элса.— Он опасался, как бы Бьёрнар не догадался, что Каосу его жалко. Пусть лучше думает, что Каос недобрый.

Теперь Бьёрнар стал уже таким, как всегда.

— А у твоей тёти есть лодка? — спросил он.

— Есть, с вёслами. Я летом научился грести. Самое трудное не табанить, когда заводишь вёсла назад.

— А что такое «табанить»? — спросил Бьёрнар.

— Табанить — значит тормозить, — объяснил Каос, очень довольный, что знает что-то неизвестное Бьёрнару.

— Я тоже умею грести, — сказал Бьёрнар. — Мы каждую пятницу гребём на физиотерапии.

— На физиотерапии не то, там нет воды, значит, и табанить нельзя. Вот если мы когда-нибудь поедem вместе к моей тёте, я тебе покажу, как надо правильно держать вёсла.

— Я и так знаю, — сказал Бьёрнар. — Но сейчас мы с тобой плывём не на лодке, а на лесовозе.

Каос притих — про такое судно он слышал первый раз и сам никогда бы не смог так уверенно произнести незнакомое слово. Тут уж лучше помалкивать.

— Или нет, — Бьёрнар уже увлёкся игрой, — мы с тобой плывём на пассажирском лайнере. На таких лайнерах пассажиры только загорают, плавают в бассейне, веселятся и едят всякие вкусные вещи.

— А мне больше нравится плавать на лодке,— робко заметил Каос.— Но если тебе так хочется, я согласен и на лайнер.

— Давай перечислим все суда, какие мы знаем,— предложил Бьёрнар.

— Баржа,— сказал Каос.

— Ялик!

— Глиссер!

— Каяк!

— Каноз!

— Бриг!

— Лесовоз! Нет, это не считается. Его я уже называл.

— Яхта!

— Плавающая база! — сказал Бьёрнар.— Это такое судно, которое снабжает всем необходимым нефтяные платформы, которые стоят в море.

— Рыбацкая шхуна!

— Пиратский корабль!

— А игрушечный кораблик считается? — спросил Каос.

Он вспомнил кораблик, который сам сделал этим летом, заострив один конец дощечки. Папа помог Каосу вырезать в дощечке отверстие и вставить в него палочку — получилась мачта.

К носу кораблика он привязал бечёвку, и когда они с папой плыли на лодке, игрушечный кораблик весело скользил за ними, покачиваясь на мелких волнах. Каосу даже казалось, что он идёт быстрее, чем большая лодка.

— Подводные лодки, миноносцы, канонерки, авианосцы...— затараторил Бьёрнар.—

Нет, это всё не то, я придумал, как мы будем играть.

— Как? — рассеянно спросил Каос, он всё ещё думал про свой кораблик, который так весело плыл за их лодкой.

— Знаешь, вечером я часто слушаю последние известия,— сказал Бьёрнар.— Эва думает, что я лежу и читаю, а на самом деле я слушаю последние известия, которые она смотрит по телевизору.

— По телевизору иногда показывают очень страшные фильмы,— сказал Каос.

— А разве тебе разрешают их смотреть? — удивился Бьёрнар.

— Нет, но ведь у меня в комнате слышно, как там кричат и стреляют!

— Да, они всё время палят. Днём-то не страшно, если хочешь, мы можем даже поиграть в бандитов. Эве тоже страшно смотреть эти фильмы, но она всё равно смотрит. Она говорит, что тогда можно не думать о том, что ещё хуже. О войне, о голодных детях, ну и вообще...

— Я несколько раз даже кричал от страха,— признался Каос.— Но когда мне смешно, я тоже кричу...

— Подожди, я чуть не забыл то, что хотел тебе рассказать!

— Что?

— Я слышал по радио, что придумали такую бомбу, которая может уничтожить сразу половину земного шара,— сказал Бьёрнар.

— Но ведь этого нельзя делать! — воскликнул Каос.— Нельзя уничтожать земной шар!

— Конечно, нельзя! Но они об этом не думают и сделали очень много таких бомб. Вот я и придумал: мы должны построить космический корабль и полететь в космос.

— А ты знаешь дорогу? — спросил Каос.

— Я много читал про космос и всё знаю,— сказал Бьёрнар.— Нам надо попасть за пределы нашей солнечной системы...

— Солнечной системы...— как зачарованный повторил Каос.

— Ну да! Солнечная система — это солнце, луна и планеты, которые вращаются вокруг солнца,— стал объяснять Бьёрнар.— Но кроме нашей солнечной системы, есть другие миры, и у каждого своё солнце, своя луна, свои планеты. И наверно, на них тоже кто-нибудь живёт.

— Конечно!

— Вот мы и попросим их помочь Земле. Может быть, на тех планетах уже научились жить без войны?

— Давай полетим туда,— сказал Каос.— А кто поведёт наш корабль?

— Мы вместе, и ты и я,— ответил Бьёрнар.— На космическом корабле много всяких приборов, он управляется автопилотом, нам нужно будет только следить, чтобы всё было в порядке. Твой стул и моя коляска — это кабина корабля, кубики — приборы. Открой секретер — это будет пульт управления, тут есть ручка, которую можно поворачивать, и выдвижные ящички. Не хватает только каких-нибудь блестящих инструментов. Сбегай на кухню, посмотри, что там есть.

Эва чистила на кухне картошку.

— Можно мне посмотреть, что лежит у тебя в шкафу? — спросил Каос.

— А что тебе нужно?

— Что-нибудь блестящее. Для пульта управления.— Каос проговорил последние слова очень быстро, потому что не был уверен, что правильно их запомнил.

— Понятно.— Эва улыбнулась.— Я думаю, тебе нужно взять формочки для печенья, видишь, как они блестят. А ещё вот этот нож, шумовку и маленькую крышку. Подойдёт?

— Конечно! Спасибо!

Каос отнёс всё Бьернару, и тот остался доволен.

— Пульт готов. Теперь нам нужны ска-

фандры, шлемы и ремни. Перед взлётом и посадкой всегда пристёгиваются ремнями.

— А где же мы их возьмём? — испугался Каос.

— Во-первых, принеси наши с мамой плащи,— распорядился Бьёрнар.— Я надену мамин, а ты — мой, они будут немного велики, но так надо. Потом принеси из ванной шапочки для купания и пояса от халатов.

Каос бегал туда и обратно. Он принёс всё, что просил Бьёрнар, и ничего не перепутал. Они надели плащи, шапочки, и Каос привязал Бьёрнара к коляске поясом от халата.

— Принеси-ка ещё два зеркала, пока ты не застегнул свой ремень,— попросил Бьёрнар.— Одно, с ручкой, лежит в шкафу в ванной, а другое — на столе в прихожей. Оно квадратное и без ручки. Они нам пригодятся.

Каос помчался за зеркалами.

— Ты заслужил зеркало с ручкой,— сказал ему Бьёрнар.

Эта похвала очень обрадовала Каоса.

Мальчики положили зеркала на откинутую доску секретера. Внутри было много ящичков, в которых они разложили свои приборы. Когда всё было готово, Каос привязал к стулу и себя. Бьёрнар был привязан так крепко, что не мог шевельнуться, но говорить он мог.

— Приготовиться к старту! — скомандовал он.— Ты привязался, Каос?

Каос потуже затянул узел на поясе. Резиновая шапочка всё время сползала ему на глаза. Он очень волновался.

— Приготовиться к старту! — повторил Бьёрнар.

В космосе

— Можно, я буду считать по-английски? — спросил Бьёрнар. — Я занимаюсь английским, и мне надо упражняться. Если хочешь, я сперва посчитаю по-норвежски, только это будет не в счёт: десять, девять, восемь...

— А почему ты считаешь задом наперёд? — удивился Каос. — Так считают по-английски? По-норвежски считают — один, два, три... Я знаю.

— Перед стартом секунды считают всегда наоборот, ведь их остаётся всё меньше и мень-

ше, а когда я скажу «зеро», что значит «нуль», ракета должна взлететь. Ну, слушай: ten, nine, eight, seven, six, five, four, three, two, one, zero!

При слове «зеро» Бьёрнар включил свой приёмник на полную мощность и стал быстро крутить ручку настройки. Приёмник грохотал, как настоящая ракета. Потом Бьёрнар сбавил звук и нашёл станцию, передающую музыку.

— Это передают с базы, чтобы нам было приятно,— шепнул он.

— Они хотят, чтобы нам понравился космос,— сказал Каос, он уже вошёл в свою роль.

— Молчи, сейчас нельзя разговаривать,— остановил его Бьёрнар.— У нас большая перегрузка. При старте всегда бывает перегрузка.

— А что это такое? — не удержавшись, спросил Каос.

— Это значит, что космонавт испытывает тяжесть, как будто на нём сидит сразу несколько человек,— объяснил Бьёрнар.— Понимаешь?

Каос не понял и задумался. Бьёрнар тоже задумался. Некоторое время они молчали.

— Сейчас перегрузка пройдёт,— нарушил молчание Бьёрнар.— Первая ступень ракеты уже отцепилась. Скоро мы пройдем земную атмосферу.

— Атос...

— Атмосфера — это слой воздуха, окружающий землю,— объяснил Бьёрнар.— Давай, как будто наша ракета летит гораздо

быстрее, чем ракеты, которые изобрели люди. Мы подлетаем к солнцу! Ой, мы забыли взять зонтики! Когда мы полетим мимо солнца, будет очень жарко. Придётся нам немного отклониться от курса. Ну вот, мы его уже пролетели. Теперь можно смотреть в иллюминатор, отстегнуть ремни и парить по кораблю.

— Я не могу отвязаться,— тихо сказал Каос.

— Я тоже,— признался Бьёрнар.— Тогда берём инструменты и как будто парим.— Бьёрнар схватил своё зеркало и посмотрел в него.— Ты тоже возьми зеркало. Смотри в зеркало на потолок, как будто ходишь по потолку вниз головой. И раскачивайся из стороны в сторону, как будто ты балансируешь.

В комнату неслышно вошла Эва. Ей захотелось посмотреть, во что играют мальчики. Увидев их, она громко ахнула: в комнате сидели два странных существа в купальных шапочках и плащах, крепко привязанные к стульям.

Не заметив Эвы, Бьёрнар сказал:

— Наш полёт продлится много лет. За это время Эва состарится и превратится в седую старушку. Она волнуется за нас, но понимает, что мы совершаем этот полёт ради неё же, ради всех людей на Земле. Мы должны спасти наш земной шар. Правда, Каос?

— Правда,— согласился Каос.— А мои папа с мамой тоже состарятся?

— Конечно. Когда мы вернёмся, твой папа будет ходить с палочкой. А сейчас перестань

разговаривать и будь внимателен, мы уже достигли чужой галактики.

— Ты и про это читал? — удивился Каос.— А я не знаю, что такое «галактика».

— Мне мама читала, и папа тоже. Мы с ним по воскресеньям всегда читаем что-нибудь интересное. А галактика — это звёздная система. У неё есть своё солнце, своя луна, свои звёзды и свои планеты. И там на одной из планет, понарошку конечно, живут живые существа, которые гораздо умнее людей. Они появились раньше людей и потому всё изобрели раньше. Они уже давно перестали воевать, потому что научились, как сделать, чтобы еды и одежды хватало на всех. У них никто не имеет права завоёвывать чужие земли. К ним-то мы и должны обратиться за помощью. Ты мне скажи, если увидишь какой-нибудь космический корабль.

Каос посмотрел на лампу, висящую под потолком.

— По-моему, там летит круглый космический корабль,— сказал он.

— Ты прав! Это они! — воскликнул Бьёрнар.— Эй, стойте! — крикнул он и тут же спохватился: — Нет, это не считается, надо поздороваться как следует: «Здравствуйте!» или «Мы приветствуем вас!» — это более торжественно. Мы приветствуем вас! И от имени всех людей просим помочь Земле. Вы должны полететь с нами на Землю и забрать оттуда всё, что мешает нашей жизни! Включи приёмник, Каос,— как будто они нам отвечают.

Каос начал крутить приёмник, он очень

волновался. Приёмник загремел на всю комнату.

— Они не знают нашего языка, а мы — их, но они нас поняли. Видишь, их корабль развернулся и взял курс на Землю. Только он летит гораздо быстрее нашего, потому что их техника развита лучше нашей. У них есть мощные магниты, с помощью этих магнитов они и увезут с Земли всё атомное оружие. Самолёты, поезда и вообще всё, что необходимо людям, они не тронут. Их магниты притянут всё, что отравляет землю, воздух и воду и убивает людей и растения. Они везут очень тяжёлый груз, но летят всё равно быстрее нас. Видишь?

— Да,— прошептал Каос.— Я вижу, что они уже летят обратно.

— Вот молодцы! — восхитился Бьёрнар.— А теперь держись, Каос, во время посадки очень трясёт. Иногда космические корабли падают в океан, но их вылавливают особые суда. Наверно, люди сейчас очень радуются, что избавились от атомного оружия! Ну, Каос, мы приземляемся, закрой глаза и не двигайся!.. Бах!..

Оба одновременно открыли глаза и оглядели комнату.

— Смотри, Эва пришла нас встречать! — воскликнул Бьёрнар.

— Это она так постарела? — с испугом спросил Каос.

— Да... она постарела...— Бьёрнар не мог опомниться от удивления.

Услышав разговор мальчиков, Эва вышла в прихожую, надела шаль и покрыла голову

платком. И теперь она стояла втянув голову в плечи и действительно была похожа на старушку.

— Неужели прошло так много лет? — Бьёрнар не верил собственным глазам.

— Я думал, что мы только играем, что всё это «как будто», — прошептал Каос.

— Это и было «как будто», — успокоила его Эва, снимая платок и становясь прежней Эвой.

— Мы не можем отвязаться, — сказал Каос. — Я слишком крепко привязал нас.

— Это не беда, — сказала Эва. — Сейчас я вас развяжу. И думаю, вам лучше снять скафандры.

Каос и Бьёрнар с удовольствием разделись — сидеть так долго в плащах и особенно в купальных шапочках было жарко. Волосы у Каоса были мокрые и у Бьёрнара тоже.

— Вот вам полотенца, — сказала Эва, — вытрите волосы и немного остыньте. Сейчас мы позавтракаем и пойдём в магазин.

— Вообще-то сперва нам надо показаться врачу, — серьёзно сказал Бьёрнар.

— У тебя что-нибудь болит? — испугалась Эва.

— Разве ты не знаешь, что космонавты всегда проходят медицинский осмотр, когда возвращаются из космоса? — спросил Бьёрнар. — Правда, мы ещё не вышли из корабля, так что ни для кого это не опасно.

Эва засмеялась и ушла на кухню.

Они поели и, одевшись потеплее, отправились в магазин. Каос был рад, что вернулся на Землю. Перед уходом они, по обыкновению,

составили список того, что должны купить. Список был у Бьёрнара, в магазине он читал его вслух, а Эва с Каосом доставали с полок нужные продукты. То, что лежало на нижних полках, Бьёрнар доставал сам, не вставая с коляски.

Постоянные покупатели знали Бьёрнара, но человек посторонний, увидев его в коляске, иногда спрашивал:

— Что с тобой, дружок, почему ты не ходишь?

Случалось, за Бьёрнара отвечала Эва, но чаще он говорил сам:

— Врождённое ущемление спинного мозга.— Он столько раз слышал эти слова, что давно выучил их наизусть.

Бьёрнар не любил эти вопросы, куда лучше, если с тобой обращаются, как со здоровым человеком. Такое тоже случалось. Однажды в магазин вошёл незнакомец и стал озираться по сторонам. Увидев Бьёрнара, он подошёл к нему.

— Я первый раз в этом магазине, а ты, наверное, знаешь, где тут стоит консервированный горошек. Выручи меня, скажи, где искать.

— Горошек стоит с задней стороны второй полки.

— Спасибо большое,— сказал незнакомец и ушёл за горошком.

Бьёрнар был очень доволен, и Эва с Каосом порадовались за него. Но сегодня ничего такого не произошло. Они купили всё, что им требовалось, и пошли домой, а по пути зашли на спортивную площадку поиграть в мяч, ко-

торый Эва захватила с собой. Бьёрнар играл, сидя в коляске: он ловил мяч и бросал его Каосу, а Каос — Эве. Несколько мячей Каос проворонил, но Эва с Бьёрнаром тоже поймали не все мячи, так что ему было не обидно.

Дома Бьёрнар посмотрел на «пульт управления» и вдруг сказал:

— А ведь они ничего не знают про нас.

— Кто они? — удивился Каос. Об их полёте в космос он уже забыл.

— Инопланетяне, конечно, — ответил Бьёрнар. — Те, что живут в другой галактике. Им неизвестно, что нам грозит война и мы нуждаемся в их помощи.

— Хочешь, я крикну им об этом, когда пойду встречать папу? — предложил Каос. — Если только звёзды не будут закрыты облаками.

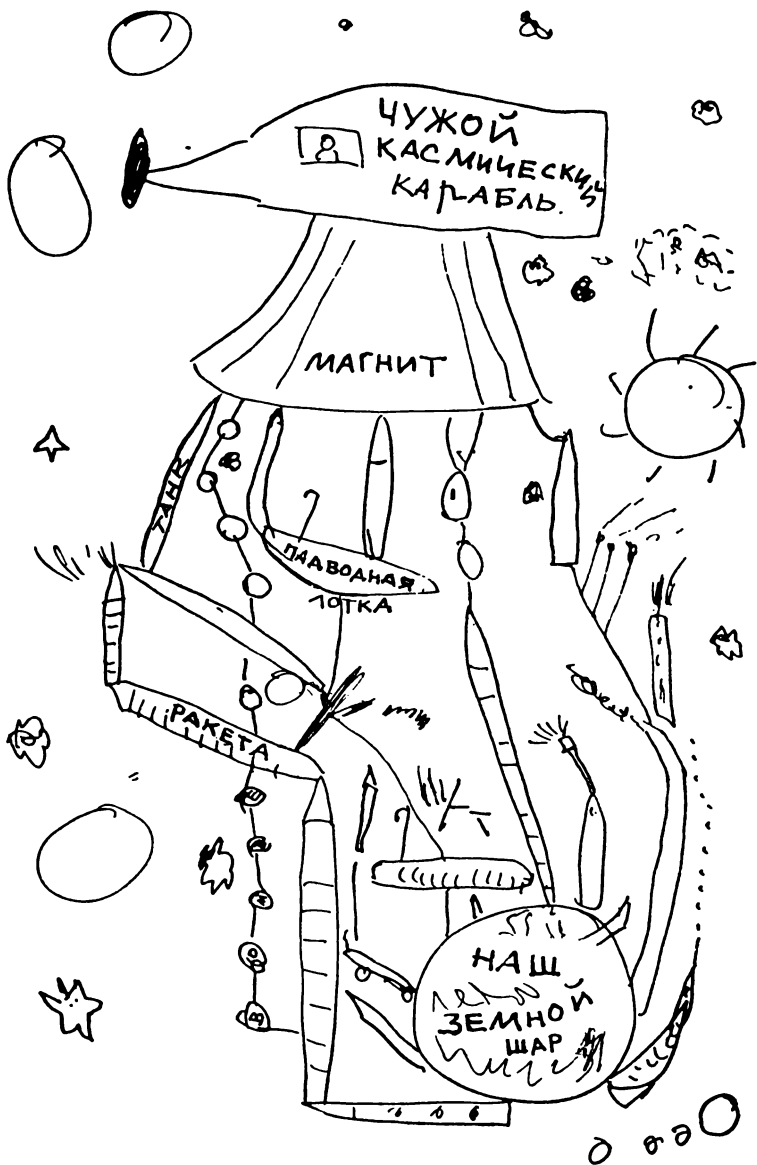
Бьёрнар покачал головой.

— Нет, мы сделаем по-другому. Давай рисуем наш полёт. Потом ты поднимешься куда-нибудь повыше, например на вершину горы, и бросишь оттуда наш рисунок. Может, инопланетяне увидят его. У них есть всякие приборы, чтобы наблюдать, что делается на Земле. Вы поедете в эту субботу в горы?

— Наверно, поедем, — сказал Каос. — И я поднимусь на вершину Высокой, только с папой или с мамой. Один я боюсь.

— Это можно, — разрешил Бьёрнар. — Когда я вырасту и у меня будет коляска с мотором, я сделаю из неё вертолёт и смогу сам подниматься на любые вершины.

И мальчики принялись рисовать. У Бьёрнара был большой альбом для рисования и

много цветных карандашей. Они рисовали очень долго — сперва отдельно, а потом один большой общий рисунок. Каос изобразил на нём луну, звёзды и себя с Бьёрнаром, а Бьёрнар — их космический корабль и корабли инопланетян, которые прилетели, чтобы унести с Земли всё оружие.

— Ну вот,— сказал Бьёрнар,— мы сделали, что могли. Надеюсь, это поможет.

Он так устал, что прилёг отдохнуть, а Каос положил рисунок в большой пакет, который ему дала Эва, и стал ждать, когда за ним придут. Ждать ему пришлось недолго.

Сегодня за ним пришёл папа, у него был перерыв перед вечерним рейсом.

— До свидания, Каос! — сказала Эва.— Передай привет маме и спасибо тебе за сегодняшний день. Отдыхай, вы здорово потрудились сегодня.

По дороге домой Каос спросил у папы:

— А мы поедem в субботу в горы?

— Думаю, что поедem,— ответил папа.— Мама свободна, а у меня только один вечерний рейс. Надо съездить и отдохнуть. Поудим с тобой рыбу, побродим, а вечером посидим у камина.

— И будем рассматривать звёзды, и поднимем на вершину Высокой. Хорошо, папа?

— А что тебе понадобилось на вершине? — удивился папа.— Разве ты забыл, как тяжело туда подниматься?

Папа с Каосом однажды уже поднимались на эту вершину, Каос тогда так устал, что обратно папе пришлось нести его на руках.

Конечно, он удивился, когда Каос снова заговорил о вершине.

— Мне очень надо.— И Каос рассказал папе, как они с Бьёрнаром летали сегодня в космос, а дома показал ему рисунок.

— Ну что ж, по-моему, вы неплохо придумали,— сказал папа.— Я вам помогу.

— Это всё Бьёрнар придумал,— честно признался Каос.— Я только чуть-чуть.

К маминому приходу картошка у них уже была сварена. Мама разогрела рыбные тефтели, которые купила по дороге, а Каос тем временем вымыл салат. Мыть салат всегда поручали ему, он наловчился и мыл его очень чисто.

А после обеда Каос играл в прятки с детьми, которые жили на втором этаже Газетного дома, и так заигрался, что даже забыл об их с Бьёрнаром полёте в космос. Но папа не забыл об этом. Вернувшись из последнего рейса, он долго сидел и смотрел на рисунок. Каос с мамой уже давно спали. Они не знали, что папа поднялся в типографию, где работа кипела круглые сутки, и попросил разрешения снять фотокопию с рисунка. Ему было жаль, что рисунок пропадёт, когда Каос бросит его с вершины. Папа сделал несколько копий — себе, Эве и про запас. А вот зачем они ему понадобились, вы узнаете из следующей главы.

В г о р а х

Наступила пятница. Каос любил пятницу, потому что она была непохожа на все остальные дни. Он, как обычно, утром приходил к Бьёрнару, но оставался у него только до полудня. В двенадцать часов Бьёрнар с Эвой уходили на тренировку, а потом готовились к приезду папы. Папа Бьёрнара работал в большом городе и приезжал домой только на субботу и воскресенье. И конечно, Бьёрнар и Эва с нетерпением ждали его приезда.

В эту пятницу у папы Каоса был только один вечерний рейс, и потому они прежде всего занялись уборкой квартиры. А потом стали печь хлеб. Папа любил сам печь хлеб.

Он затевал с тестом игру: бил его кулаками, как боксёр своего противника, мял, и после этого хлеб у него получался высокий, вкусный, с хрустящей корочкой. Папа дал Каосу кусок теста, и Каос тоже испёк хлеб. У папы получились три большие буханки, а у Каоса — одна маленькая. Когда хлеб остыл, папа положил одну буханку в хлебницу, а две другие завернул в бумагу и сунул в рюкзак.

К маминому приходу обед уже стоял на столе. При виде накрытого стола мама засмеялась.

— Я понимаю, чего вам хочется! — сказала она. — Ладно, я еду с вами, хоть и устала.

И папа с Каосом очень обрадовались, потому что иногда мама говорила:

— Нет, поезжайте без меня, я слишком устала и хочу побыть дома.

Каос стал укладывать свой рюкзак. Он привык делать это самостоятельно. Он взял с собой свитер, носки, тёплую майку, резиновые сапоги, плащ, кое-какие игрушки и, конечно, маленькую буханочку, которую испёк сам.

Мама тоже уложила свой рюкзак. Незаметно от Каоса она спрятала туда торт, о котором он должен был узнать только в горах.

— Скорей, скорей, копуши! — торопил их папа. — Отправление через полчаса, а мне ещё надо заправиться.

— Иди без нас, — сказала мама. — Мы придём следом.

— Только не опаздывать! — предупредил

их папа. Задерживаться нельзя, меня ждёт много пассажиров.

Мы никогда не опаздываем,— сказала мама.

Папа ушёл, а мама с Каосом проверили, чтобы в квартире всё было в порядке — конфорки погашены, утюг и свет выключены, окна закрыты. Теперь можно было идти. Они вышли и заперли за собой дверь. От прохладного воздуха у Каоса защеботало в носу. Мама встретила на улице знакомую и заговорила с ней.

— Только на минутку,— сказала она Каосу, и он заволновался.

Сколько раз бывало, что, остановившись на минутку, взрослые вообще забывали о времени. А ведь папа предупредил их, чтобы они не опаздывали! Каос потянул маму за руку — никакого результата. Он потянул сильнее.

— Сейчас, сейчас, Каос, у нас ещё много времени! — отмахнулась мама, продолжая беседовать.

Но времени, очевидно, оставалось не так много, потому что потом им пришлось бежать бегом до самой станции.

— Мы опоздаем? — волновался Каос.

Увидев из зала ожидания, что голубой автобус стоит на месте, Каос перевёл дух. Они с мамой сразу сбавили шаг, не спеша подошли к автобусу и заняли свои места. Мама кивнула папе, словно это был не папа, а просто хороший знакомый.

Каос сидел у окна, а мама рядом. Простояв целый день за прилавком в аптеке, она теперь отдыхала.

Автобус заехал за пассажирами в городские гостиницы и вскоре оказался набитым битком. Ехать по городу в сумерках было ещё интересней, чем днём. Уличные фонари причудливо освещали дома, витрины и пешеходов. За окном промелькнула длинная Главная улица, площадь, водопад и Газетный дом, в котором жил Каос. Громыхнув на мосту, автобус выехал за город.

Теперь за окном мелькали поля и усадьбы. Автобус забирался всё выше и выше. Огни города остались далеко внизу. Вдруг стало совсем темно — автобус въехал в лес. Папа включил фары, и Каос увидел деревья. Те, что стояли в тени, казались чёрными и таинственными. Каос закрыл глаза, чтобы лучше запомнить эту таинственную темноту. Потом он открыл глаза и стал смотреть на рты пассажиров. Получалось, как в немом кино: люди говорят, а что говорят — непонятно. Ведь

это были иностранцы, приехавшие полюбоваться норвежскими горами. Все они держали в руках фотоаппараты, но фотографировать было слишком темно.

Наконец лес поредел. Высокие деревья сменились невысокими — они не тянулись вверх, а как бы стелились по земле. Это потому, что здесь всегда дул сильный ветер и деревья жались к земле, прячась от ветра и зимних буранов.

Автобус забрался уже очень высоко в горы. Каос ощущал это по приятному холодному запаху с примесью дыма. Осенью в горах всегда так пахло. Впереди показались дома, в одних окна были освещены, в других было темно. Автобус проехал ещё немного и остановился перед первой гостиницей на большой ярко освещённой площади. Папа понёс в гостиницу почту, а мама очнулась от сна.

— Кажется, я заснула,— сказала она, улыбаясь.— Ну, скоро мы уже увидим нашего Лилипутика.

Большая часть пассажиров вышла у первой гостиницы, несколько человек — у второй, а последние четыре человека — у туристской базы. Теперь в автобусе остались только папа, мама и Каос. Папа отвёл автобус на стоянку, где автобус всегда ночевал, и они тронулись в путь.

Сперва Каос ничего не видел, но потом его глаза привыкли к темноте, и оказалось, что вокруг не так уж и темно. Они шли гуськом по знакомой тропинке, каждый нёс свой рюкзак. Тропинка вела их то вверх, то вниз, то

направо, то налево. Ноги их хорошо знали эту тропинку и ступали уверенно.

Наконец впереди показался домик, который принадлежал папе, маме и Каосу. Они ласково называли его Лилипутиком за то, что он был очень маленький. Рядом с Лилипутиком стоял маленький сарай для дров и такая же маленькая уборная.

Папа открыл дверь. Мама подошла к печке и чиркнула спичкой. Огонь весело побежал по щепкам и дровам, сложенным в печке ещё в прошлый раз. Кроме печки, они растопили и камин, потому что на улице было очень холодно. Когда огонь разгорелся, папа и мама открыли нараспашку все окна и двери и устроили сквозняк, а сами вышли на улицу. Каос всегда удивлялся, зачем они это делают, но мама объяснила, что так можно лучше всего проветрить дом и просушить отсыревшие стены.

Каос опёрся на папу, запрокинул голову и стал смотреть на звёздное небо. Ему вспомнилось вчерашнее путешествие в космос, и он вдруг испугался:

— Я забыл дома рисунок!

— Не беспокойся, я его взял,— успокоил Каоса папа.— Он у меня в рюкзаке.

— А зачем вам здесь этот рисунок? — поинтересовалась мама.

— Завтра утром мы поднимемся на Высокую, и Каос бросит его оттуда. Так они договорились с Бьёрнаром.

— А я тоже должна идти с вами или мне можно поспать? — спросила мама.

— Спи себе на здоровье! — засмеялся па-

па.— Мы и не собирались тебя будить, потому что встанем очень рано. Ну, теперь, пожалуй, уже можно вернуться в дом.

В Лилипутике было тепло и уютно, они пили кофе, ели привезённый мамой торт и весь вечер играли в лото. Каос устал и даже обрадовался, когда ему велели лечь спать. Ему нужно было выспаться и набраться сил для предстоящего похода.

Папа проснулся первый, он растопил печку и приготовил завтрак.

Открыв глаза, Каос сразу вспомнил, куда они сегодня идут, но забыл, что мама с ними не пойдёт.

— Папа, я проснулся! — громко закричал он.— Мы скоро выходим?

— Т-с-с! — шикнул на него папа.— Ведь мы обещали не будить маму!

Каос испуганно оглянулся на маму — она не проснулась. Он на цыпочках подошёл к печке и стал одеваться.

— Надень два свитера,— посоветовал ему папа.

— Надень тёплую куртку с капюшоном, сегодня сильный ветер. И пожалуйста, берегите друг друга,— вдруг сказала мама, которая по утрам никогда с ними не разговаривала.

Повернувшись на другой бок, она снова заснула, а папа с Каосом сели завтракать. От волнения Каос не мог есть. С большим трудом он выпил стакан молока и съел кусок хлеба. А вот папа ел как ни в чём не бывало и даже намазал бутерброды, чтобы взять с собой. Кроме бутербродов, он взял два термоса —

один с кофе для себя, другой с тёплым морсом для Каоса.

Ещё не рассвело, и небо было такое же тёмное и звёздное, как вечером.

«Наверно, такое же небо видят и космонавты во время полёта»,— подумал Каос.

Ночью был мороз, кусты и деревья стояли в инее, как будто играли в зиму, но Каос знал, что иней растает при первых же лучах солнца. Идти было легко, и Высокая казалась совсем близко, хотя на самом деле это было не так. Каосу не терпелось поскорей до неё добраться.

Папа шёл впереди, а когда Каос начал уставать, пропустил вперёд его. В конце концов Каос выбился из сил и папа устроил привал. Он знал, что им понадобится для такого привала, и вынул из рюкзака два коврика из пенопласта, чтобы постелить на камни.

Стояла тишина, её нарушал лишь тихий шорох ветра, который здоровался с горами, ущельями и птицами. Несмотря на осень, в горах было много птиц — Каос уже видел двух куропаток и одну ворону. Пока они отдыхали, он подобрал несколько красивых камешков и серебристых прутиков. Это были веточки можжевельника, посеревшие от дождя, солнца и ветра.

— Привал окончен,— сказал папа, вставая.

И опять они шли, и шли, и шли, и опять Каос устал, потому что тропинка была очень крутая.

— Ну, Каос, решай, сядем и поедим сейчас

или уже на вершине? — спросил папа и остановился.

Каос задумался. Ему было приятно, что решить должен он сам, но главное, пока они стояли, он отдыхал.

— Что-то я не слышу ответа,— заметил папа.

Каос помолчал ещё немного.

— Ну, как? — В голосе папы прозвучало нетерпение.— Почему ты молчишь?

— Сейчас, сейчас.

Он опять помолчал.

— Давай сперва поднимемся,— наконец сказал он.

Папа, конечно, разгадал его хитрость. Он медленно пошёл вперёд. Там, где идти было особенно трудно, он вёл Каоса за руку, а несколько раз даже нёс на спине.

На вершине из камней была сложена пирамида, её было видно издалека. Для того её и сложили так высоко.

— Подойдём поближе! — крикнул папа, стараясь перекричать ветер.

Каос был рад ветру: он подхватит его рисунок и понесёт далеко-далеко. Папа достал из рюкзака закатанный в трубочку лист бумаги. Каос снял резинку и подбросил рисунок как можно выше. Ветер тут же подхватил его. Вот бы сейчас его увидели из космоса! Но ветер вдруг ослабел или передумал, он выпустил рисунок, тот закружился, словно выбирая место, куда бы упасть, и наконец решительно опустился в ближнее озеро.

— Ой! — вскрикнул Каос.

— Не беспокойся, сейчас я достану его,— сказал папа.— А ты присядь на корточки, чтобы тебя не сдуло ветром.

Каос присел на корточки за пирамидой и смотрел оттуда, как папа спускается к озеру — оно было совсем близко. Там папа палкой подтянул к себе рисунок, вернее, то, что от него осталось — бумага намокла и все ли-

нии расплылись. Теперь даже самые точные приборы инопланетян не разобрали бы, что тут нарисовано.

Каос растерялся.

— Не огорчайся,— сказал ему папа,— вчера, когда ты уже спал, я...— И папа что-то прошептал Каосу на ухо, хотя кроме них тут никого не было.

— Вот Бьёрнар обрадуется! — воскликнул Каос.

Они стали спускаться вниз и вскоре нашли под скалой защищённое от ветра место, там они удобно устроились, поели и отдохнули. А потом вернулись домой, в Лилипутик, и весь остаток дня Каос играл с детьми из соседних домов.

В воскресенье вечером папа взял рисунок и пошёл в редакцию газеты. Там он долго разговаривал с начальником — в редакции он называется главным редактором,— и тот сказал папе:

— Вообще-то в понедельник мы не даём детских материалов, но этот рисунок касается не только детей, но и взрослых. Думаю, мы поместим его в газете.

И рисунок Каоса и Бьёрнара напечатали в газете.

Этот рисунок видели все жители их маленького городка, да и не только они.

В городских и горных гостиницах жило много иностранцев, и, кто знает, может, иностранные журналисты увидели этот рисунок и перепечатали его в своих газетах, выходя-

щих в разных странах мира. А это значит, что рисунок Бьёрнара и Каоса увидели люди всей Земли. И пусть он не попал в космос, гораздо важнее, что этот рисунок увидели люди, живущие на Земле.

Л и л и п у т и к

Каосу повезло, что он жил в Газетном доме. Кто знает, может, папа и не снял бы копию с его рисунка, если б они жили в другом доме. И тогда рисунок не попал бы в газету и люди не узнали бы о нём. К тому же возле Газетного дома был водопад, который так любил Каос. Это был как будто его собственный водопад, ведь они выросли вместе. Во всяком случае, так считал Каос. На самом деле водопад был гораздо старше Каоса, он существовал уже много веков. Но хоть водопад был старый, вода в нём была молодая. И Каосу никогда не надоедало смотреть на неё и слушать её шум.

Особенно интересно было стоять на мосту зимой. Водопад, правда, бывал меньше обычного, зато вокруг него висело множество причудливых сосуллек. А пониже водопада, где вода уже успокаивалась и текла не спеша, лежал лёд, занесённый снегом, как будто кто-то укрыл реку периной. Кое-где на этой перине чернели страшные полыньи. Пробиваясь сквозь густой лес сосуллек, водопад пел и звенел на разные голоса. Эта песня будила Каоса по утрам и убаюкивала его, когда он ложился спать. Неудивительно, что он был так привязан к своему водопаду и показывал его всем, кто приходил к ним в гости.

На рождество к Каосу, папе и маме обычно съезжались родственники. Мамина сестра и бабушка приезжали издалека и гостили недолго. А вот папина сестра с мужем, которые жили близко от города, на этот раз остались погостить до Нового года.

Особенно этому обрадовался Каос, потому что Бьёрнар с Эвой уехали на юг и ему не с кем было оставаться. Каос не знал, где находится этот юг, он знал только, что там очень тепло и что для Бьёрнара это будет полезно.

В тот день мама, как всегда, ушла в аптеку. Папа тоже ушёл, но перед уходом он заглянул в спальню и шепнул Каосу:

— Будь готов к двенадцати часам. Я найду за тобой, и мы поедем выполнять ответственное задание. Оденся потеплее и приготовь лыжи.

Каос кивнул спросонья. В эти дни он просыпался с трудом, потому что засиживался по

вечерам, беседуя с дядей и тётей. Тётя, папина старшая сестра, нянчила папу в детстве, и он любил её, как мать. Каос тоже любил тётю, а уж про дядю и говорить нечего — дядя был мастер на все руки и постоянно изобретал что-нибудь интересное, но главное — он так же, как и Каос, любил водопад. Когда дядя бывал в городе, они с Каосом подолгу стояли на мосту, любуясь бегущей водой.

Дядя и тётя вставляли позже папы и мамы, чтобы не мешать им спокойно собраться на работу. Спали дядя и тётя в гостиной — тётя на тахте, а дядя на раскладушке. Ночью в квартире было две спальни, а днём, когда раскладушку убрали, гостиная снова превращалась в гостиную.

После ухода папы Каос снова задремал. Слушая сквозь дрёму шум водопада, он гадал, что за важное задание предстоит выполнить им с папой.

День обещал быть необычным. К тому же сразу после завтрака дядя с тётей начали что-то жарить и печь, хотя до обеда было ещё далеко.

— Это на вечер, — объяснила тётя ничего не понимавшему Каосу. — Вот приготовим и пойдём провести знакомых, а ты с папой поедешь по делам.

Они помогли Каосу одеться к папиному приходу. Тётя проследила, чтобы он не забыл надеть тёплый свитер, варежки и шарф, а дядя связал лыжи и палки. Они знали, что времени у папы будет в обрез.

Папа пришёл без пяти двенадцать и очень обрадовался, застав Каоса одетым. Он тоже

оделся потеплее, взял свои лыжи, и они с Каосом отправились в путь, а тётя с дядей остались в Газетном доме. Каждый сам нёс свои лыжи, и Каосу было трудно. Сперва он нёс лыжи на плече, как папа, но они всё время соскальзывали у него с плеча, и в конце концов Каос потащил их в руках, стараясь не задевать прохожих.

На автобусной станции голубой автобус ожидало множество пассажиров. Лыжи спрятали в багажное отделение. Каос занял место у окна, а папа начал продавать билеты. В автобусе было тепло и уютно, Каос расстегнул куртку и с любопытством смотрел по сторонам. Среди пассажиров было много знакомых, но незнакомых — всё-таки больше. Они-то главным образом и интересовали Каоса. Говорили они на непонятном языке, и вид у них был такой, будто они только что побывали в спортивном магазине, где скупили и нацепили на себя всё, что там нашлось. Правда, некоторые были одеты не по погоде: тонкие пальто, лёгкие туфли, шёлковые чулки. Они, наверно, не знали, что зимой в Норвегии бывает очень холодно. Придётся им из автобуса бежать прямо в гостиницу и сидеть все дни в помещении, не выходя на улицу.

Автобус был почти полон, а ему ещё предстояло заехать в три городские гостиницы, где его тоже ждали пассажиры. Наконец он был набит людьми до отказа, и Каос даже испугался, что автобусу не свезти такой груз. Но вот все расселись, и автобус легко покатил через город, который Каос знал так хорошо. Однако даже самые знакомые места из окон

автобуса выглядели новыми и непривычными. Вот и Газетный дом! Папа немного сбавил ход. Каос посмотрел на свои окна. Там стояли тётя и дядя и махали ему полотенцем. Автобус почти остановился, погудел и покатил дальше.

Каос хорошо знал дорогу. Но и она сегодня показалась ему необычной: кругом лежал снег, на домах красовались пушистые белые шапки, поля спали под толстыми белыми одеялами, и люди ходили по белым дорогам. Вот двое детей катаются на санках. На них красные шапочки, как на гномах. А вот огромный пёс. На таких псов лучше смотреть из автобуса. Папа притормозил, и Каос успел как следует его рассмотреть. Пёс тоже взглянул на Каоса, но, видно, у него были свои дела, потому что он повёл носом и бросился к усадьбе, из ворот которой показалась лошадь, запряжённая в сани. На санях ехал какой-то человек. Пёс вилял хвостом и бежал впереди саней, словно показывая дорогу.

Хорошо иметь такую большую собаку! Если устанешь на прогулке, на неё можно опереться. Маленькую собачку тоже иметь неплохо, но на неё уже не обопрёшься...

Каос представил себе, что у него есть собака, большая-большая, она едет с ним в автобусе и сидит у его ног. Эта игра увлекла его. Он даже погладил свою воображаемую собаку. На самом деле он погладил сиденье, и никто не понял, что это собака. Для пассажиров она была невидимкой. Кончились поля и усадьбы, автобус въехал в еловый лес. Ели замерли в нарядных белых одеждах, сквозь которые кое-где проглядывала зелёная

хвоя. Если подойти к такой ели и тронуть ветку, на тебя хлынет белый дождь. На ели сидела белка, она угадала желание Каоса, перепрыгнула с ветки на ветку, и вниз посыпался белый дождь. Каос улыбнулся, погладил свою невидимую собаку и взглянул на папу. Папа подмигнул ему в зеркало. Но долго перемигиваться они не могли, папе нужно было следить за дорогой. Она вдруг стала такой узкой, что у Каоса замирало сердце всякий раз, когда попадался встречный автомобиль. Чтобы разъехаться, машины прижимались к самой обочине и всё равно казалось, что они непременно заденут друг друга. Но всё кончалось благополучно, и автобус как будто вздыхал с облегчением, а Каос, понимая, что его собаке тоже страшно, всё гладил и гладил её.

Деревья поределели, они были похожи на белых замёрзших троллей. Насколько хватало глаз, простирались заснежённые долины, над ними громоздились скалистые горы. Пассажиры с восхищением показывали друг другу вершины. Видно, норвежские горы нравились всем.

Сегодня папа сперва подъехал к небольшой гостинице, там вышло несколько человек. Все остальные вышли у главной гостиницы — дальше зимой дороги не было и автобусу приходилось ждать очередного рейса не на стоянке, а на площади перед гостиницей.

Каос надел лыжи и в ожидании папы сделал пробный круг. Иностранцы остановились на крыльце гостиницы и с удивлением смотрели на маленького мальчика, который так хорошо ходил на лыжах. Наверно, в их странах это не было принято.

Наконец папа освободился и пошёл впереди Каоса, прокладывая лыжню. Вот когда Каос понял, что идти вдвоём легче, чем одному. На подъёме папа шёл медленно, часто останавливался и поджидал Каоса. В это время он отдыхал, а потом ждал, чтобы отдохнул и Каос, и они шли дальше. Подъём закончился, и перед ними открылась вся долина. Они увидели Высокую. Её занесло снегом, и Каос представил себе, как холодно, должно быть, сейчас там, наверху, возле каменной пирамидки.

Теперь лыжня пошла вниз. Каосу пришлось внимательно следить за лыжами, и он больше не смотрел на Высокую. Откуда папа знает, куда надо идти, думал Каос, ведь под снегом не видно дороги? Домики, по которым они обычно ориентировались, превратились в одинаковые белые холмики, но папа уверенно вёл Каоса по белой целине. Впереди показался большой белый сугроб и два поменьше, и Каос понял, что это занесённый снегом Лилипутик.

Папа достал из рюкзака складную лопатку и начал разгребать снег перед сараем. Не зря он захватил с собой эту лопатку — без неё они не смогли бы добраться до сарая, где хранилась папина большая лопата и маленькая лопатка Каоса. Достав их, папа с Каосом принялись за дело и долго разгребали снег, большой сугроб, который намело перед дверью Лилипутика. Наконец папа смёл с крыльца остатки снега и с трудом открыл примёрзшую дверь. В лицо им дохнуло морозным воздухом. Казалось, что в доме ещё холоднее, чем на улице. Папа первым делом растопил печку, камин, открыл окно и распахнул дверь.

— Идём, Каос,— позвал он.— Пусть печка топится, а мы с тобой пока поработаем.

Каос понял, что им надо расчистить дорожку к уборной. Эта дорожка была узкая, и они быстро справились с работой.

— Думаю, что уже можно вернуться в дом,— сказал папа.

Вот когда Каос был доволен, что их Лилипутик такой маленький, ведь маленький дом нагревается быстрее, чем большой. Папа закрыл окно, и они с Каосом сели завтракать.

— Жаль, что нам с тобой нельзя здесь остаться и приготовить всё к приезду наших,— вздохнул папа.

— Ты никак не можешь остаться?

— Нет, сегодня я работаю целый день,

зато завтра свободен. Был бы ты постарше, я бы оставил тебя здесь одного. Через несколько лет мы так и будем делать.

Каос задумался. Когда папа был рядом, Каос ничего не боялся, будь то в Лилипутике или в любом другом месте. А вот без него? Каос представил себе, что папа уехал в город и он остался один. Чем бы он стал заниматься? Наверное, вынул бы из скамьи свои игрушки — кубики, деревянных зверюшек, камешки, гвозди, старые клещи — и стал играть. Занятие себе он бы, конечно, нашёл.

— Дождёмся, чтобы прогорели дрова в камине, и поедем, — сказал папа. — А печку можно оставить, это не опасно, трубу мы закрывать не будем. Зато к вечеру тут будет тепло.

Каос молча кивнул, он не ответил папе, потому что про себя уже играл, будто остался в Лилипутике один. Он сидит в доме и вдруг слышит за окном чьи-то шаги. Кто-то идёт сюда на лыжах. Вот шаги остановились, потом снова стали приближаться к Лилипутику. Сейчас постучат в дверь. Что делать? Притвориться, будто в доме никого нет? Можно, конечно, спрятаться в скамью к игрушкам или на верхнюю постель в спальне. Залезть там под перину и тихонько выглядывать оттуда, чтобы узнать, кто пришёл. Каос так увлёкся, что забыл о папе.

— Что с тобой, Каос? — удивился папа.

— Ничего! — Каос опомнился и обрадовался, что он всё-таки не один. — Ничего! — Он даже запрыгал от радости.

— Т-с-с! — Папа вдруг насторожился. — Что это?

— Где? — Каос вздрогнул.

— Кто-то идёт на лыжах!

Вот шаги остановились, слышались голоса, мужской и женский. В дверь постучали.

— Угадайте, кто к вам пришёл?

— Тётя! — воскликнул Каос, сразу узнав её голос.

— А ещё кто?

— Дядя? — уже не так уверенно сказал Каос.

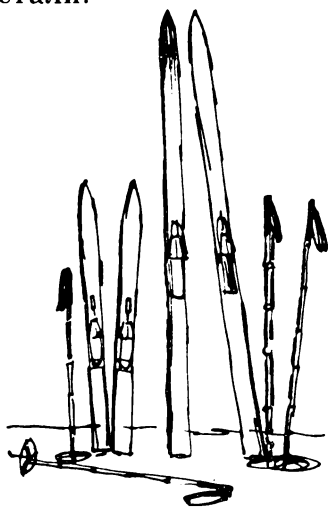
Дверь распахнулась, и на пороге появились дядя и тётя с тяжёлыми рюкзаками за спиной. Лыжи они уже сняли и прислонили к стене.

— Мы приехали на попутном грузовике, — объяснил дядя. — Потому так рано.

— Вот кстати! — обрадовался папа. — Значит, Каос может остаться с вами. Оста-
нешься, Каос?

— Конечно, ведь теперь я буду не один.

Никто не понял, почему он так сказал, но спрашивать у него не стали.

Новый год

Каос достал из скамьи свои игрушки. Это была особая скамья — сиденье её поднималось, ночью оттуда выдвигался ящик и тогда скамья превращалась в кровать, а днём Каос хранил там свои игрушки. С помощью тёти он достал кубики, деревянных зверюшек, гвозди, шурупы и клещи. Тётя тоже достала из своего рюкзака всё, что было ей нужно: жаркое, соус в стеклянной банке, пакет с варёной картошкой, банки с горошком и брусникой. Она подбросила в печку дров и принялась разогревать обед, а для этого ей не требовалась помощь, и потому дядя уселся возле печки щепать лучину. Заодно он вырезал для

Каоса деревянного петуха. Хвост петуха был похож на раскрытый веер, украшенный завитушками. Отныне петух должен был жить вместе с другими зверюшками.

Дядя умел всё, и Каос очень любил его за это. Но больше всего он любил... Вспомнив об этом, Каос подошёл к дяде и шепнул ему на ухо:

— А ты привёз ту штуку?

— Конечно, но с этим мы подождём до вечера.

Каос согласно кивнул. Только бы ему не захотелось вечером спать! В новогодний вечер папа с мамой непременно разрешат ему лечь попозже, но что толку от этого разрешения, если глаза у него начнут закрываться сами собой? Дядя как будто угадал его мысли:

— Ну, Каос, как думаешь, что тебе сейчас следует сделать?

— Только в спальне я не лягу,— решительно сказал Каос.

И его можно понять — на его месте никто не ушёл бы из уютной гостиной в пустую спальню. Но дядя успокоил Каоса:

— А зачем тебе идти в спальню? Ложись тут на скамье. Лежи себе да смотри на огонь. И думай о чём-нибудь приятном. Припомни всё хорошее, что было в этом году. Помнишь, как мы встречали прошлый Новый год?

— Нет,— признался Каос.— Помню только, что мы тоже были здесь и смотрели на звёзды, но здесь мы на них всегда смотрим, не только в Новый год.

— Было такое,— согласился дядя.— Ну, а что ещё?

Тем временем он принёс одеяло и подушку. Каос закутался в одеяло, положил голову на подушку и взял в руки деревянного петуха.

— Я каждый день ходил к Эве и Бьёрнару, но сейчас они уехали на юг.

— И это было,— сказал дядя.— Вот если Бьёрнар там, на юге, сегодня вечером посмотрит на небо, он увидит те же самые звёзды.

— Сто звёзд,— сказал Каос.

— Тысячу!

— Миллион!

— Миллиард! — Дядя улыбнулся.— Сегодня морозно, значит, ночь будет ясная, звёздная.

— Мы будем смотреть на звёзды здесь, а Бьёрнар там, и я буду играть, как будто мы летим в космосе. Мы с Бьёрнаром уже играли в такую игру.

— А мне ты ничего не рассказывал про ваш полёт,— упрекнул Каоса дядя.

— Хочешь, я сейчас расскажу? Помнишь наш рисунок, тот, который напечатали в газете? На нём был нарисован космический корабль с магнитом, и этот магнит притянул к себе всё оружие, какое есть на земле.

— Конечно, помню! Тяжёлый груз для космического корабля! Этот рисунок я вырезал и повесил дома над кроватью.

— Мы его нарисовали после нашего полёта,— сказал Каос.— Я был у Бьёрнара. Мы с ним сделали корабль из его секретера и коляски, а скафандрами были плащи и купальные шапочки.

— Прекрасно,— сказал дядя.— Ну, а что ещё интересного было в этом году?

— Ещё я болел корью. Я лежал в постели, и к нам приходила какая-то незнакомая тётя, потому что лежать один я не мог. А потом приехали вы с тётей, и она больше уже не приходила. И ещё мы летом гостили у бабушки. Мы там купались, я научился грести и немного плавать. Подпрыгну в воде и проплыву два метра.

На кухне что-то булькало, и оттуда доносился вкусный запах, потрескивали дрова в печке, жарко пылал камин, дядя напевал какую-то песенку. А Каос уже спал, положив голову на подушку и закутавшись в одеяло. И не удивительно, ведь он очень устал. Сперва он ехал в автобусе и играл, будто с ним рядом едет собака, потом шёл на лыжах по снежной целине и разгребал возле Лилипутика снег... и снова играл, будто остался в Лилипутике один... Хорошо, что он заснул, теперь он не будет вечером клевать носом и вместе со всеми встретит Новый год.

Каос спал два часа. Он проснулся, когда тётя сказала:

— По-моему, там кто-то ходит!

Он сел и огляделся. Из спальни вышел дядя. Он тоже, наверно, вздремнул — волосы у него были взъерошены, глаза — сонные.

Стол был уже накрыт. Каос спал так крепко, что даже не слышал, как тётя накрывала его. В дверях показалась раскрасневшаяся от мороза мама. Конечно, мама устала, но сегодня она не думала об усталости. Усталость как рукой сняло при виде празднично накрытого стола.

— Как красиво! — воскликнула мама.—

И как хорошо приехать на всё готовое! Как будто мы — ваши гости, а не наоборот!

— Я люблю такие перемены,— сказала тётя.— Добро пожаловать в Лилипутик, гости дорогие!

— Мама, а я спал! — вмешался Каос.— Теперь я долго-долго не захочу спать!

— Молодчина! — похвалила его мама.

В доме было тепло и уютно. Мама переоделась, а потом пошла в спальню, разобрала постели и перевернула перины, чтобы они нагрелись. Папа с Каосом забыли перевернуть их, когда приехали в Лилипутик. Каос с мамой должны были спать на верхних кроватях, а тётя с дядей на нижних, папа же собирался сделать кровать из скамьи. Но до этого было ещё очень далеко.

— Прошу всех к столу! — торжественно объявила тётя.

Как красиво был накрыт праздничный стол! Всем сразу захотелось есть. Перед тарелками стояли рюмки, и в рюмку Каоса уже был налит его любимый черносмородиновый сок. Каос посмотрел сквозь сок на горевший камин, и сок заиграл красным огнём. Дядя поднял рюмку.

— Спасибо прошедшему году! — сказал он.

У взрослых завязался разговор. Постепенно он перешёл на разные страны и положение в мире. Каос с любопытством слушал, ему было странно, что взрослые никак не могут договориться друг с другом: папе нравилась одна страна, а дяде — другая, с одними странами, оказывается, можно поддерживать отношения, с другими — нельзя.

Тётя была на стороне папы, а мама горой стояла за дядю. Спор становился всё жарче и жарче. Каосу казалось, что каждый по-своему прав, но когда он понял, что они вот-вот поссорятся, он рассердился. Драться взрослые, конечно, не стали, просто сидели мрачные и злые только из-за того, что никак не могли решить, кто должен быть главным в мире. Жаль, что с ним рядом не было Бьёрнара. Они с Бьёрнаром тоже иногда ссорились, но тут же и мирились. Вдруг Каос вспомнил, что ему однажды сказал Бьёрнар.

— А Бьёрнар говорит,— начал он, но его никто не слушал: взрослые почти кричали, перебивая друг друга.— А мы с Бьёрнаром думаем,— Каос закричал во всё горло,— надо устроить так, чтобы никто никем не командовал, не захватывал чужие страны! И чтобы всем хватало еды!

Взрослые словно опомнились и с недоумением посмотрели друг на друга.

— Каос и Бьёрнар найдут выход из любого положения,— сказал папа.— Я в них верю, но им ещё надо вырасти.

— Кто виноват, что в последний день старого года в голову лезут всякие невесёлые мысли? — заметил дядя.— Одно несомненно: нам повезло, что в этот вечер мы с нашими близкими сидим в тепле и стол у нас ломится от всяких вкусных вещей. Тем более мы не должны забывать тех, кому живётся тяжелее, чем нам.

— Ты прав,— поддержала его тётя, и Каос с облегчением вздохнул, увидев, что она больше не сердится на дядю.

Выждав немного, он торжественно объявил:

— А теперь пора есть сладкое! — Он видел, как тётя взбивала крем и украшала его морошкой.

После сладкого взрослые согрели воды и дружно вымыли посуду, а потом сели пить кофе.

— Дядя, ну когда же? — Каос подошёл к дяде.

— Что — когда же? — удивилась мама.

— Дядя знает!

— А-а, я тоже знаю! — засмеялась мама. — Мы все этого ждём.

Дядя отставил чашку и вынул из кармана две деревянные трубочки. Но Каос знал, что это не простые трубочки, а флейта. Вставив одну трубочку в другую, дядя заиграл на флейте. Лилипутик замер, слушая прекрасную музыку. Её было слышно даже за его стенами. И если кто-нибудь поблизости вышел прогуляться в новогодний вечер, он тоже слышал, как дядя играет на флейте, и, наверно, тоже радовался и думал, что эта мелодия как бы сродни горам и зимнему лесу.

Трудно сказать, долго ли просидел Каос в этот вечер со взрослыми, во всяком случае, он с папой и дядей даже выходил полюбоваться звёздами. Вернувшись домой, Каос удивился, увидев, что тётя снова греет воду — посуду они уже вымыли. Наверное, тётя греет воду, чтобы помыться самой, ведь в Лилипутике нет ни ванной, ни душа, подумал Каос. Но тётя мыться не собиралась. Она взяла две бутылки и стала осторожно наполнять их горячей во-

дой. Налъёт чуть-чуть воды, поболтает, чтобы бутылка согрелась, и наливает ещё. Когда бутылка была полная, тётя завинтила пробку и обернула бутылку полотенцем. Каос во все глаза следил за тётей — неужели она ночью будет пить эту воду?

Тётя отнесла бутылку в спальню и положила её под одеяло в ту постель, на которой должна была спать. Наполнив другую бутылку, она положила её в постель, предназначенную для дяди.

— Боишься замёрзнуть? — спросил папа у тёти.

— Боюсь, что тюфяки ещё не прогрелись, хоть ты и протопил здесь с утра.

— А зачем тебе бутылка с водой? — поинтересовался Каос.

— Положу на неё ноги, и мне будет тепло,— ответила тётя.— Главное, чтобы ноги были в тепле.

— И я хочу такую бутылку! — сказал Каос.

— Сделаем и тебе.— Тётя открыла кухонный шкафчик и нашла там подходящую бутылку.

Так же осторожно она наполнила её кипятком, обернула полотенцем и положила в постель Каоса.

— Не бойся, пробку я завинтила очень крепко.

Каос лежал в постели, грея ноги о тёплую бутылку, слушал, как дядя снова играет на флейте, и не заметил, когда уснул.

Утром Каос первым делом потрогал бутылку. Она была уже не горячая, но и не

совсем холодная, примерно такая же, как он сам. Каос поглядел на маму. Она ещё спала, но дядя и тётя внизу уже проснулись. Одевшись, тётя вышла из спальни. Каос свесил голову и наблюдал за дядей. Тихонько, чтобы никого не разбудить, дядя надевал свитер. Каос подождал, чтобы дядя вынырнул из свитера, и помахал ему рукой. Дядя махнул ему в ответ и, прижав палец к губам, показал на маму. Это означало: «Тише, не разбуди!» Дядя знал, что мама любит утром поспать подольше, если не нужно идти на работу.

Папа тоже уже встал, но постель его ещё не была убрана. Тётя сложила одеяло и подушку в скамью и опустила сиденье, а папа тем временем затопил печку на кухне и сложил дрова в камине.

— С Новым годом, Каос! — сказал он. — Может, в этом году тебя уже следует звать Карл Оскар?

— Нет, мне больше нравится Каос. — К имени Карл Оскар он не привык.

— Как хочешь, — согласился папа. — Полным именем мы будем звать тебя, когда ты пойдёшь в школу, но до этого ещё далеко.

Весь день они катались на лыжах и радовались отдыху. Завтра утром им предстояло вернуться в город: маму ждало дежурство в аптеке, папу — голубой автобус, а тётю с дядей — их дом, который находился в тридцати километрах от города.

Вечером, уже дома, Каос спросил у мамы:

— Как ты думаешь, Бьёрнар вернулся с юга?

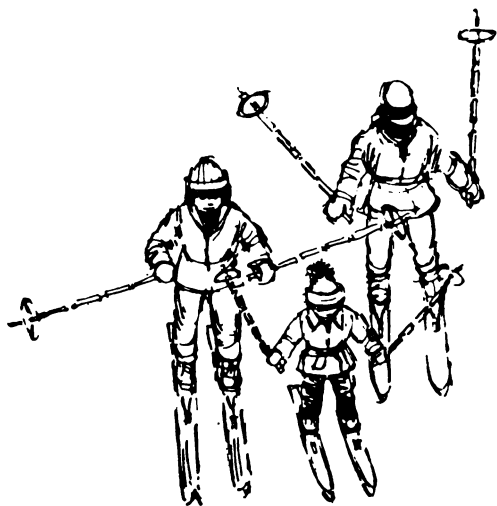
— Да, они вернулись сегодня. Завтра ты, как обычно, пойдёшь к ним.

Каос обрадовался, он стоял, прислушиваясь к грохоту водопада и шуму печатных станков.

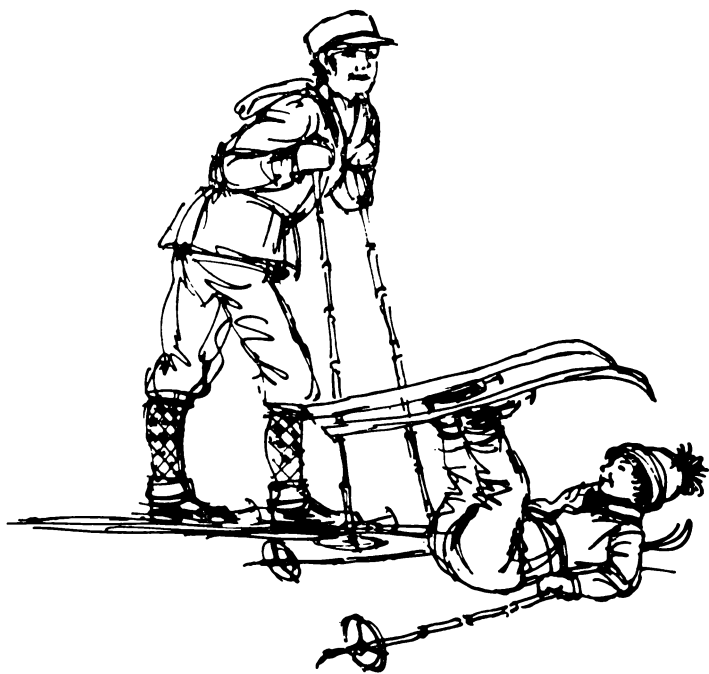
— Ну вот, всё опять входит в свою колею,— сказала мама.— Каос, беги скорей к окну!

Каос взглянул в окно и увидел голубой автобус, который возвращался уже из второго рейса. Автобус посмотрел на Газетный дом, исполнил свой автобусный танец и покатил дальше.

— В этом году он танцевал для нас первый раз,— сказала мама и улыбнулась.

З и м а

Когда Каос с папой, мамой, дядей и тётей были в Лилипутике, стояла ясная морозная погода. Теперь она изменилась: стало пасмурно, пошёл снег. Он шёл и шёл не переставая, снегом занесло все улицы и тротуары, и по ним можно было ходить на лыжах. Снега не было только на Главной улице, потому что её чистили и днём и ночью.

По одной из улочек в верхней части города шли два лыжника, большой и маленький. Это

были Каос и папа. А маленький голубой автобус стоял без дела на автобусной станции: теперь в первый рейс он уходил только в двенадцать часов, потому что в январе бывает мало пассажиров. Люди боятся, что в январе в горах слишком холодно, и ждут февраля. А там начнёт пригревать солнце, и можно будет не только покататься на лыжах, но и немного загореть.

Каос шёл к Бьёрнару и волновался: вдруг он не узнает Бьёрнара? Или Бьёрнар — его? Ведь они так давно не виделись! Эта мысль не давала ему покоя. Он шёл очень быстро, а папа — медленно, и получалось, что они идут с одинаковой скоростью. У папы ноги были длинные, а у Каоса — короткие, папа делал один шаг, а Каос — несколько, его ноги мелькали, как барабанные палочки. Он спешил и часто падал.

— Не торопись, у нас много времени,— сказал папа.— Сначала медленно скользни одной ногой, замри на секунду, а потом — другой. Тогда шаг у тебя получится длиннее. Вот попробуй.

— Получилось!

Каос прошёл немного, как его учил папа, но потом забыл, заторопился и снова растянулся на снегу. Лыжи у него запутались, и он не мог встать. Побарахтавшись в снегу, он затих и стал ждать папу. Но папа не спешил поднимать Каоса.

— А что бы ты делал, если бы меня здесь не было? — спросил он.

— Подождал бы кого-нибудь.

— А если бы никто не пришёл?

Каос посмотрел на свои переплетённые ноги и торчащие в разные стороны лыжи.

— Смотри сначала на одну ногу и на одну лыжу,— посоветовал папа.— Это не так сложно. Ведь у тебя всего две ноги и две лыжи.

— И две палки,— напомнил Каос, снова глядя на свои ноги.

— Чтобы встать,— продолжал папа,— надо перевернуться на спину и поднять ноги с лыжами вверх. Тогда ты сразу поймёшь, какая лыжа на какую ногу надета. Теперь потихоньку опускай ноги и поднимайся.

Каосу было чудно лежать на снегу, задрав ноги с лыжами. Мимо шла какая-то женщина.

— Помочь тебе? — предложила она.

Каос покачал головой:

— Нет, я сам!

Наконец он разобрался в лыжах и встал.

— Молодец, теперь тебе сам чёрт не брат,— сказал папа и счистил с него снег — Каос был похож на снеговика.

— А разве раньше он был мне братом? — удивился Каос.

— Нет, конечно...— Папа засмеялся.— Так говорят, когда человек ничего не боится и может справиться с любым делом без посторонней помощи...

Они пошли дальше, сперва по ровному месту, а потом начался спуск. Каос немного присел и помчался вниз. В ушах у него свистел ветер, он нёсся всё быстрее и быстрее и не сумел повернуть там, где нужно.

— Осторожней, Каос! Остановись! — крикнул папа.

Впереди был перекрёсток, куда мог выска-

чить автомобиль. Каос не умел тормозить на полном ходу, как настоящие лыжники, поэтому он просто сел, и тормозом ему послужили собственные штаны.

— Ты меня напугал,— сказал папа, подходя к Каосу.— А что, если бы ты выехал прямо на перекрёсток?

— Нет, я знал, что надо остановиться! — ответил Каос.— Мама меня предупреждала, что перекрёстки опасны. И Эва предупреждала, и Бьёрнар, и ты.

А я ехал очень быстро?

— Очень. Ты не умеешь тормозить лыжами?

— Нет. Это трудно, особенно когда едешь так быстро.

— Буду тебя учить,— сказал папа.— Это нетрудно, а уметь надо обязательно. Вот мы и пришли. Звони в дверь, по-моему, Эва и Бьёрнар уже смотрят на нас из-за занавески.

Каос снял лыжи, но папа лыж снимать не стал, ведь ему надо было идти на работу. Каос позвонил и тут же для верности постучал в дверь. Эва открыла ему. Она очень загорела.

— Здравствуй, Каос! — сказала она.— С Новым годом! Я рада, что ты снова пришёл к нам.

— Я не один, со мной папа, но он не снял лыжи.

— С Новым годом! — приветствовала Эва и папу.— Подожди, пожалуйста,— продолжала она,— я должна предупредить Каоса: мы с Бьёрнаром поссорились и поэтому у нас дома очень невесело. Даже не знаю, Каос, захочешь ли ты остаться.

— Захочу,—не очень уверенно сказал Каос.

Он так радовался, что Бьёрнар вернулся домой и они снова будут вместе играть! У Каоса стало тяжело на душе.

— Из-за чего же вы поссорились? — спросил папа.

— Ты лучше зайди и рассуди нас,— предложила Эва.— Может, все вместе мы найдём выход из этого положения.

Пришлось папе всё-таки снять лыжи. Он счистил с них снег и поставил возле двери. Теперь там стояли две пары лыж — большие и маленькие — и две пары палок.

— Здравствуй, Бьёрнар! — сказал папа, входя в комнату.— С Новым годом! Ты загорел совсем как летом!

Бьёрнар и правда так загорел, что Каос не сразу узнал его.

— Так что же у вас случилось? — снова спросил папа.

— Я не хочу, чтобы из меня делали сопливого младенца! — сердито сказал Бьёрнар.

— Из тебя? Младенца? — Папа был удивлён.— Из тебя младенца уже не сделаешь, вон ты какой большой, без пяти минут школьник, умеешь читать и знаешь больше, чем другой взрослый. С чего ты взял, что из тебя делают младенца?

— С того, что Эва хочет запихнуть меня

в меховой мешок! — с обидой крикнул Бьёрнар.

— Ну, Эва, теперь твоя очередь. Объясни и ты, что происходит, а мы с Каосом решим, кто из вас прав.

— Да понимаешь, Бьёрнару надо выходить на свежий воздух, даже зимой в мороз. Ну съездили мы на юг, но ведь этого мало. Живём-то мы в Норвегии, зимой у нас вон какие морозы. Как прикажешь вывозить Бьёрнара на прогулку?

— Можно подумать, что я не катаюсь на санках! Каос и Эва знают, как я езжу, отталкиваясь палками!

— Ездить-то ты едешь, но ведь ноги у тебя всё равно замерзают, и нам приходится возвращаться домой,— грустно сказала Эва.

— Да, да, да! — Бьёрнар сердито посмотрел на Эву.— Эва хочет придумать для меня сани, вроде финских, чтобы я мог ездить, сидя в меховом мешке! А я не хочу!

— Успокойся, пожалуйста, из-за чего мы спорим? Саней таких у нас нет, и, как их сделать, я тоже не знаю. Да и что нам это даст? В горах ещё можно на них кататься, а что делать, когда нужно сходить в магазин? Ума не приложу. Вчера вечером, например, мы поехали в магазин, так только намучились. Коляску не сдвинешь с места, колёса так и вязнут в снегу. Я совершенно выбилась из сил. А Бьёрнару всё равно плохо: когда мы вернулись, ноги у него были как ледышки.— Эва была по-настоящему расстроена.— На юге было так хорошо, а тут опять... Лучше бы мы никуда не ездили, жили бы, как жили...

На глазах у неё показались слёзы.

— Ну что ты, Эва! Не расстраивайся, что-нибудь придумаем! — сказал Бьёрнар.

Папа повернулся к Каосу:

— Да, надо что-то придумать. Ты, Бьёрнар, тоже думай. Не хочешь сидеть в меховом мешке — твоё дело, но всё-таки одевайся потеплее. Попробуйте сегодня с Каосом нарисовать сани для Бьёрнара. Я тоже подумаю над этим, мне надо кое с кем посоветоваться.

— Я знаю, с дядей! — воскликнул Каос. — Уж он-то обязательно что-нибудь придумает!

— Правильно! Дядя у нас мастер, у него есть всякие инструменты и даже своя кузница. Все вместе мы найдём выход из этого положения. Не грусти, Бьёрнар!

Бьёрнар улыбнулся первый раз за это утро.

— Значит, договорились! А сейчас я бегу! — сказал папа и действительно побежал, потому что уже опаздывал.

Эва, Бьёрнар и Каос смотрели в окно, как он у крыльца надевает лыжи: одна, вторая, палки в руках — и вот уже папа поднимается вверх по улице. Почувствовав, что на него смотрят, папа обернулся и махнул рукой. В это время лыжи у него скользнули назад, и папа упал. Каос уже хотел бежать ему на помощь, но вспомнил, что папа умеет вставать без посторонней помощи. Он поднял ноги с лыжами вверх, длинные лыжи покачались в воздухе и медленно опустились на землю — папа снова был на ногах. Он отряхнул с себя снег и быстро пошёл в гору.

— Твой папа поедет сегодня на автобусе? — спросил Бьёрнар.

— Да, у него рейс в двенадцать часов, — ответил Каос.

— А мой папа работает в большом городе, — вздохнул Бьёрнар. — Лучше бы он тоже водил здесь автобусы.

— Разве он там водит автобусы?

— Нет, он работает на вычислительной машине. — Бьёрнар развернул коляску и поехал в свою комнату. — Иди сюда! — позвал он Каоса.

Каос давно ждал этого приглашения, он соскучился по комнате Бьёрнара. Уж там-то они обязательно займутся чем-нибудь интересным!

— Сейчас мы рисовать не будем, отложим это на вечер, — решил Бьёрнар.

— Мне всегда разрешают немного порисовать в кровати, — сказал Каос. — А тебе?

— Мне тоже. Я кладу за спину много подушек и беру доску для рисования. Завтра мы сравним наши рисунки. Только сейчас не говори, что ты нарисуешь, так интересней. А теперь угадай, чем сегодня будет моя коляска?

Каос заулыбался — начиналось самое интересное.

— Только не космический корабль, да? — неуверенно сказал он.

— Нет, сегодня мы не полетим в космос.

— Вертолёт?

— Нет. Спускайся ниже.

— Гонимый автомобиль? Или, может, грузовик?

— Нет, ещё ниже.

Каос представил себе разрытую землю.

— Экскаватор? — Он был почти уверен, что угадал.

— Нет. Придётся тебе помочь. Предположим, ты стоишь на пристани...

— Ага, какое-нибудь судно? — Каос улыбнулся. — Моторка? Шхуна? Баржа?

— Судно-то судно, только какое? Спустиись ещё ниже!

— Под воду? Значит, подводная лодка?

— Правильно, — сказал Бьёрнар. — Только не военная. У нас будет мирная лодка, которая изучает тайны моря. Через иллюминатор с толстым стеклом мы будем наблюдать за жизнью под водой. Это безопасно.

— Мы увидим всяких рыб и растения! Ведь на дне моря растут растения!

— Да, растут, и ползают крабы и омары. Но мы с тобой будем изучать крупных обитателей моря.

— Больших рыб? — обрадовался Каос. — Летом мой папа поймал большую-пребольшую треску, а бабушка сказала, что надо ловить маленькую, она вкуснее.

— Нет, за треской мы наблюдать не будем, нам нужны более крупные обитатели моря, — сказал Бьёрнар. — Скажи, например, ты знаешь, кто такие морские зайцы?

— Нет, не знаю, — честно признался Каос. — Я знаю только обыкновенных зайцев и морскую капусту, а про морских зайцев слышу первый раз. Какие они и где живут?

— Раз они морские, значит, живут в море, это ясно. Морской заяц — это вид тюленя, он

водится по всему норвежскому побережью. Я читал о них в энциклопедии.— Бьёрнар показал рукой на полку, на которой стояло много толстых красивых книг. Бьёрнар очень любил книги и узнавал из них всё, что ему было интересно.— А теперь угадай, что это такое? — сказал он, подъехал к секретеру и включил магнитофон.

Каос удивился: зачем им музыка, если они решили заняться исследованием морских тайн? Однако вместо музыки из магнитофона полились какие-то странные звуки.

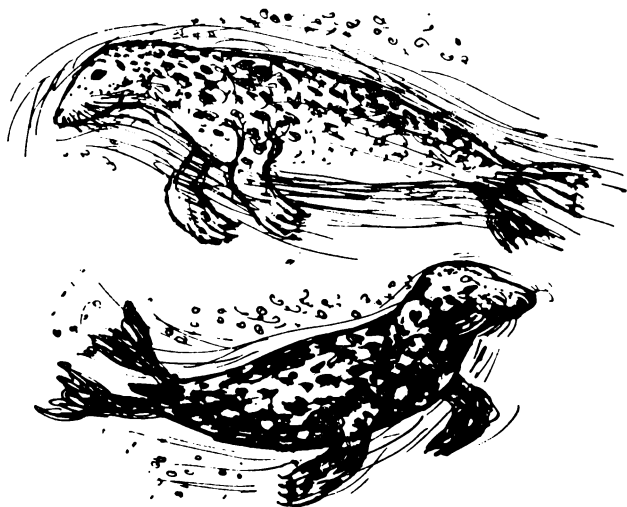
— На что это похоже? — спросил Бьёрнар.

— Похоже, будто один слон зовёт другого,— сказал Каос.

— Правильно, похоже, но всё-таки это не слон. Сдаёшься?

— Сдаюсь!

— Это киты! — торжественно объявил Бьёрнар.— Ты знал, например, что киты под водой разговаривают друг с другом? Они слышат друг друга на огромном расстоянии. Время от времени они выплывают на поверхность, чтобы набрать воздуха, но вообще-то могут находиться под водой очень долго. Детёныши всегда плавают с матерью, им разрешают плавать самостоятельно, только когда они вырастут. А теперь сходи на кухню, там в мусорном ведре лежит пластмассовая бутылка. Эва выбросила сегодня утром. Принеси её, пожалуйста. И ещё найди там верёвку или шнурок. Хорошо бы взять для тебя купальную шапочку, но её ты надевал, когда был космонавтом, а повторяться неинтересно. Ладно,

обойдётся маской. У меня есть чёрная маска, которую Эва купила для карнавала.

Половину того, что сказал Бьёрнар, Каос не понял, но побежал на кухню и застал там Эву. Это было кстати, без неё он не нашёл бы верёвку. Потом он спросил про бутылку. Эва достала бутылку из мусорного ведра, вытерла её и дала Каосу.

— Как я рада, что ты снова у нас! — сказала она, обнимая его.

— Я тоже рад!

Но поговорить с Эвой ему было некогда, он спешил играть в новую игру.

— Значит, так: бутылка — это как будто баллон с кислородом. Когда ты будешь нырять, мы привяжем её тебе на спину. Если тебе понадобится что-нибудь сообщить мне, дёргай за верёвку. Сейчас нырять ещё рано, мы должны отплыть подальше от берега, а для

этого надо сначала построить нашу подводную лодку, иначе тебе нигде будет сидеть. Иди опять на кухню и принеси две табуретки. Я мог бы и сам это сделать, но у меня есть другие дела.

Каос снова побежал на кухню, но Эвы там уже не было. Он заглянул в гостиную. Эва играла на пианино, пальцы её быстро-быстро бегали по клавишам. Каос загляделся на них. Когда Эва перестала играть, он кашлянул и пошаркал ногой.

— Что ты хочешь? — спросила Эва, повернувшись к нему.

— Можно мне взять две табуретки? Мы строим подводную лодку!

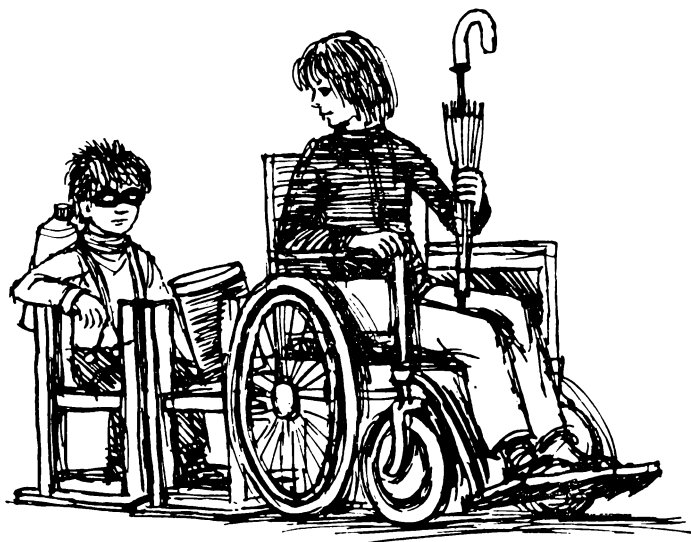
— Тебе интересно?

— Очень!

Но смотреть, как Эва играет, тоже было интересно, и Каос чуть не забыл про табуретки. Наконец он спохватился и бросился выполнять поручение Бьёрнара.

Берегись человека!

Как только Каос принёс табуретки, Бьёрнар сказал:

— А теперь переверни их вверх ножками. Помнишь, как твой папа поднял ноги с лыжами, чтобы встать?

— Помню! — Каос сразу сообразил, что придумал Бьёрнар. — Я их поставлю за твоей коляской, а на перекладину положу подушку, чтобы мягче было сидеть.

— Устраивайся поудобней, нам предстоит долгое путешествие.

— А нырять — это опасно? — Каос немного встревожился.

— Нет, но осторожность не мешает,—

серьёзно ответил Бьёрнар.— Остерегайся акул. Цель нашего путешествия — изучение китов и тюленей. Может быть, акулы там и не водятся, всё-таки это Антарктика. Или тебе больше хочется поехать в Арктику?

— А где это? Я не знаю,— признался Каос.

— Арктика там, где Северный полюс, а Антарктика — где Южный.

— Давай поедем, куда ближе!

— Тогда — в Арктику, она ближе, но тоже не рядом. Для такого путешествия нужно запастись провиантом. Провиант — это еда, которую берут в дорогу. Пожалуйста, сбегай снова на кухню. Это уже в последний раз.

— Бегу! — Каос обрадовался, что сейчас опять увидит Эву, ему захотелось попрощаться с ней перед таким долгим и опасным путешествием.

Эва и без него догадалась, что мальчикам захочется есть, и приготовила бутерброды, а в стеклянной банке уже стояли морковные палочки.

— Я пришёл за провиантной едой,— сообщил он.— Нам надо взять её с собой в путешествие.

— Понимаю,— сказала Эва.— Вы поплывёте на подводной лодке, да? Тогда лучше положить бутерброды и морковь в металлическую коробку из-под печенья, чтобы они не отсырели. А кроме того, вам надо взять по бутылке молока.— Она достала две бутылки и наполнила их молоком.

— А мы в Лилипутике делали из таких бутылок грелки,— сказал Каос.

— Да, эти бутылки очень удобные. Я их храню, всегда для чего-нибудь пригодятся.

Провианта набралось столько, что Каосу было не унести его за один раз.

— Пока наша лодка погружаться не будет, вдоль берегов Норвегии мы пойдём на поверхности, чтобы не пропустить тюленей,—сказал Бьёрнар.—Сейчас мы с тобой в большом городе, где работает мой папа. Там есть гавань, оттуда мы и отправимся в путь. Мы не можем начинать путешествие в нашем городе, ведь у нас нет моря.

— Можем! — Каосу хотелось показать, что он тоже кое-что знает.— Наш водопад впадает в озеро, из озера вытекает река, а все реки рано или поздно впадают в море. Мне папа и мама говорили.

— Значит, поплывём отсюда.— Сегодня Бьёрнар был на диво покладистый.— Так даже лучше. Наша подводная лодка как будто спрятана под мостом у Газетного дома. Сейчас ночь, наше путешествие и время отъезда хранятся в тайне.

— Папе с мамой тоже не говорить об этом? — шёпотом спросил Каос.

— Ни одной душе!

— Но ведь Эве мы сказали?

— Да, но она не знает ни цели нашего путешествия, ни времени отплытия. Так лучше, не будут за нас волноваться. А вот о своём возвращении мы им сообщим.

Каосу было немного не по себе оттого, что подводная лодка спрятана под мостом возле

его дома. Но что поделаешь, он сам предложил, чтобы их экспедиция началась тут же, в городе.

— Как ты думаешь, наша лодка выдержит, когда будет проходить через водопад? — осторожно спросил он.

— Она всё выдержит, — успокоил его Бьёрнар. — Но мы можем начать своё путешествие на озере, поплывём подо льдом.

— Ладно, — согласился Каос, он уже перенёс на борт весь провиант, и ему оставалось только убрать трап.

— Будем говорить шёпотом, — предупредил его Бьёрнар. — Все на борту?

— Все.

— Задраить люки! — отдал приказ Бьёрнар. — Кажется, так надо говорить. Подожди, Каос! Мы забыли про перископ! Принеси из передней Эвин зонтик, у него подходящая ручка. Подводная лодка не может быть без перископа.

Каосу пришлось ещё раз выйти из лодки и принести зонтик. Наконец всё было готово.

— В лодке темно, — проговорил Бьёрнар, он любил таинственность. — Мы плывём по реке подо льдом.

— Нам обязательно всё время плыть подо льдом? — спросил Каос — ему хотелось, чтобы они время от времени всплывали на поверхность. — Сейчас мы плывём очень быстро, потому что нам помогает течение, — продолжал он. — В озере мы не сможем плыть с такой скоростью.

— А мы пустим мотор на все обороты, —

сказал Бьёрнар.— Вот мы и в озере. Тут уже не страшно, если нас обнаружат. А теперь мы как будто уже в море и плывём вдоль берега. Только помни, мы должны держаться в пределах двенадцатимильной зоны, иначе нашу лодку сочтут вражеской.

— У самого берега разрешается плавать только своим лодкам, да? — удивлённо спросил Каос.

— Да. Но у нас не военная подводная лодка, а научная. Мы изучаем жизнь моря в мирных целях. Если нам встретится чужая подводная лодка, мы пройдем мимо, не вступая с ней в переговоры.

— Правильно, не будем с ними разговаривать!

— Наша лодка идёт на большой глубине! — объявил Бьёрнар.— Киты тоже могут ходить на такой глубине, но им приходится всплывать на поверхность, чтобы набрать воздуха.

— Разве киты ходят? — удивился Каос.

— Нет, я оговорился, они плавают,— сказал Бьёрнар.— Мы развили огромную скорость и уже достигли Северного полюса. Здесь мы пробудем долго, потому что нам надо многое исследовать. Сейчас мы поднялись на поверхность и наблюдаем за белым медведем. Мы подошли к нему совсем близко. Вот он положил лапу на иллюминатор, но ты не бойся, наша лодка очень прочная. Постарайся получше рассмотреть его лапу. До сих пор никто не видел снизу ступню белого медведя, мы с тобой первые. А теперь давай наблюдать за моржами и тюленями.

— За морскими зайцами, да? — Каосу очень понравилось это название.

— Нет, морских зайцев здесь нет. Они водятся на побережье Норвегии, а мы сейчас в Арктике. Тут живут совсем другие тюлени. Знаешь, сколько всего есть видов тюленей?

— Нет.

— Тридцать два! И все они тюлени! Когда-то рыбаки считали, что, если тюлень плывёт перед шхуной, улова не жди, а если сзади, улов будет очень большой. С тюленями связано много поверий об утопленниках, о морских привидениях. Морское привидение — всё равно что морской тролль. Мне даже жаль, что их на самом деле не существует.

— А откуда ты знаешь, что есть тридцать два вида тюленя? — недоверчиво спросил Каос.

— Только вчера прочёл в энциклопедии, — гордо ответил Бьёрнар. — Готовься к выходу из лодки, Каос!

— А в море очень холодно? — поинтересовался Каос. — Ты сам говорил, что тут Ледовитый океан, белые медведи и лёд.

— В водолажном костюме тебе не будет холодно, ты даже не заметишь, что кругом лёд. А когда захочешь, чтобы я поднял тебя на борт, дёрни за канат.

— У меня нет каната, у меня шнур, — поправил его Каос.

— Ну, дёрнешь за шнур.

К спине Каоса была привязана пластмассовая бутылка, на лицо надета маска, в руках он держал шнур, обвязанный также вокруг груди. Он лёг на пол и сделал вид, что плывёт.

Бьёрнар включил магнитофон, и снова раздались странные звуки.

— Киты! — воскликнул Каос. — Скорей поднимай меня из воды! — И он задёргал шнурок.

— Киты не опасны, — успокоил его Бьёрнар. — Но они, наверно, думают, что ты опасен для них, всё-таки ты — человек!

— Я не опасный, ты же знаешь! Пусть не боятся, я только посмотрю на них. Нет. Бьёрнар, всё равно вытащи меня обратно в лодку, я боюсь! Они такие большие! Сколько в них метров?

— Сто или около того, — ответил Бьёрнар. — Точно не помню. А сейчас я очень занят и не могу больше с тобой разговаривать!

Он стал что-то писать и рисовать на картоне.

— Покажи это китам, — сказал он наконец. — Каждому киту, которого ты увидишь.

— А что тут написано? — спросил Каос, хотя он находился глубоко под водой и Бьёрнар не мог его услышать.

— Тут написано: «Берегись человека!» — сказал Бьёрнар. — Человек — главный враг китов. А ещё они должны остерегаться судов, потому что на них плавают люди. Суда выпускают в море нефть и загрязняют воду, а шум моторов мешает китам переговариваться друг с другом.

— Интересно, о чём они разговаривают? — спросил Каос.

— Обо всём, что придёт в голову, — ответил Бьёрнар. — У китов очень большой мозг,

гораздо больше, чем у человека, а мысли рождаются в мозгу. У китов должно рождаться очень много мыслей.

— Бьёрнар, киты уже давно прочли всё, что ты им написал. Подними меня наверх!

— Подплыви к лодке и через люк войди внутрь,— сказал Бьёрнар.

Каос залез в лодку и с удовольствием снял с себя маску, потому что в маске он плохо видел и ему было жарко.

— Ну-ка, что у нас там за провиант? — спросил Бьёрнар.— Пора за него приняться!

— Бабушка говорит, что от морского воздуха очень хочется есть,— сказал Каос.

— Она права! — Бьёрнар засмеялся.— А когда мы поплывём в Антарктиду, сегодня или в другой день?

— Лучше в другой день,— попросил Каос.— Сегодня мне больше не хочется нырять.

И в самом деле, путешествие их затянулось. Эва давно перестала играть, и, когда мальчики поели, она предложила им пойти погулять.

— Дорогу расчистили, мы легко проедем до Главной улицы и там погуляем, а заодно и купим продукты,— сказала она.

— Если у тебя хватит денег, купи мне, пожалуйста, и новый альбом для рисования,— попросил Бьёрнар.

— Конечно,— пообещала Эва.— Но сегодня восемь градусов мороза, боюсь, как бы ты не замёрз. Мы с тобой отвыкли от морозов, на юге было жарко. Может, всё-таки согласишься на меховой мешок?

— Ни за что! — категорически отказался Бьёрнар.— Он доходит мне до подмышек, я в нём совсем как маленький.

— А я знаю, что надо сделать,— вдруг вмешался Каос.— В мешке Бьёрнар может гулять вечером, когда его никто не видит, а сейчас...

Каос выбежал в прихожую и принёс пару больших сапог.

— Это папины сапоги,— сказал Бьёрнар.— Они мне велики.

— Вот и хорошо,— сказал Каос.— Надо сделать так, как делала тётя в Лилипутике. Сначала мы согреем воды...

— Зачем её греть? У нас ведь идёт горячая вода,— сказала Эва.

— Потом сполоснём их тёплой водой, чтобы они согрелись,— продолжал Каос.

— Кто, сапоги? — Эва ничего не понимала.

— Не сапоги, а бутылки! Которые мы брали с молоком в путешествие на подводной лодке!

— Их лучше вымыть холодной водой, они будут чище,— сказала Эва.

— А их не надо мыть! Их надо только немного согреть, чтобы они не лопнули. Потом надо налить в них горячей воды, завернуть покрепче пробки, обернуть бутылки полотенцем или сунуть в шерстяные носки и положить в сапоги. Бьёрнар наденет сапоги, и ему будет тепло, а все будут думать, что у него просто большие ноги. И никто не примет его за маленького!

Бьёрнар с удивлением слушал Каоса, и по

лицу у него расплывалась улыбка. Под руководством Каоса Эва налила в бутылки горячую воду и засунула их в сапоги. Наконец Бьёрнар сел в коляску и надел сапоги.

— Как тепло! — сказал он с восхищением.

Эва с Каосом быстро оделись, и все трое вышли на улицу. Снега на тротуаре не было, зато было очень скользко, и Эва с Каосом крепко держались за коляску. Бьёрнар по обыкновению смотрел по сторонам, ему было тепло, и ноги у него больше не мёрзли.

Они долго гуляли, купили продукты и альбомы для рисования Каосу и Бьёрнару.

После обеда за Каосом пришла мама.

— С Новым годом! — приветствовала она Бьёрнара и Эву. — Как хорошо, что вы уже дома, мы без вас соскучились! Ты загорел, Бьёрнар! Купался?

— Каждый день, — ответил Бьёрнар. — Воду в бассейне подогревали, и я на коляске мог доехать до самой воды. Папа тоже купался со мной в бассейне, он любит тёплую воду. Каос, не забудь!

— Чего? — спросил Каос. — Нашего путешествия?

— Не только. Вспомни, что ты должен нарисовать сегодня вечером?

— Нарисую, и ты тоже нарисуй! — сказал Каос.

В этот вечер рисовали все. Каос быстро лёг и рисовал в постели. Бьёрнар тоже рисовал, сидя в постели. И Эва рисовала в гостиной. И папа с мамой немного порисовали.

Но самое главное, что в тридцати кило-

метрах от города дядя сидел у себя дома перед листом бумаги и задумчиво грыз карандаш. И все они старались придумать, как сделать, чтобы коляску Бьёрнара было легко возить по снегу.

Что-то вроде домкрата

В эту пятницу Каос не пошёл к Бьёрнару. И не пошёл с мамой в аптеку. И не поехал в горы с папой на его голубом автобусе. Он ехал в другом автобусе и в другую сторону. Автобус, в котором Каос сидел на переднем сиденье сразу за спиной у шофёра, спускался вниз, в долину.

Каос ехал один, без папы и мамы, но ему не было страшно: шофёр автобуса работал

вместе с папой, и Каос хорошо знал его. А шофёр знал, куда едет Каос, потому что Каос ехал с этим автобусом уже не первый раз.

В то утро Каос направлялся к тёте и дяде, жившим в тридцати километрах от города. Он не заметил, как прошло время, заглядевшись на шофёра, который то крутил руль, то переключал передачи. Здесь всё было больше и интересней, чем на папином автобусе. В микрофоне рокотал басовитый голос шофёра, обращающегося к входящим пассажирам. Шофёр смеялся, и рокот разносился по всему автобусу, между остановками шофёр напевал что-то себе под нос. Да и места, мимо которых они проезжали, тоже привлекали внимание Каоса.

Но вот автобус остановился. Шофёр за руку перевёл Каоса через дорогу и прошёл с ним до поворота. Отсюда к небольшому дому, рядом с которым стоял огромный сарай, вела неширокая дорожка.

— А дальше шагай сам! — сказал шофёр.

В окне дома Каос увидел улыбающуюся тётю, но он не сразу пошёл по дорожке — ему хотелось дожждаться, когда автобус отъедет, чтобы помахать шофёру на прощание. Как бы сказать ему: «Спасибо за поездку!»

Не дождавшись Каоса, тётя вышла на крыльцо. Каос подбежал к ней.

— Здравствуй! — сказала тётя. — Как ты думаешь, где сейчас дядя?

— В кузнице или в мастерской!

— Правильно! Можешь пойти к нему, если хочешь. Ты успел дома позавтракать?

— Да! Сегодня мы не спешили, потому что мама встала рано, а папа ещё раньше!

— Ну тогда беги к дяде.

Каос снял рюкзак, в котором лежали шерстяные носки, свитер, лыжные штаны, тапочки и альбом для рисования. Прислушавшись, он услышал негромкий звон, это означало, что дядя работает в кузнице. Каос побежал туда.

В горне пылал огонь. Дядя наступал ногой на большой кожаный мешок, который назывался мехи, воздух из мехов дул в горн, и огонь разгорался ещё сильнее. Каос оставился в дверях, наблюдая, как дядя щипцами берёт металлический брус и держит его в огне. Когда брус нагревался и делался огненно-красным, дядя клал его на наковальню и гнул или расплющивал, в зависимости от того, что мастерил. Сейчас ему нужно было немного согнуть брус с одного конца и сделать на нём зазубрины. Дядя снова подержал брус в огне, а потом стал стучать по нему молотом. Заметив Каоса, он кивнул ему:

— Посиди там, на скамейке!

Дядя не хотел, чтобы Каос подходил слишком близко к раскалённому железу.

— Можно, я подложу ещё дров? — спросил Каос, ему хотелось почувствовать себя помощником кузнеца.

— Не надо, я уже кончил. Сейчас мы с тобой пойдём в мастерскую.

Каос не мог понять, зачем дяде понадобилась такая зазубренная железная палка, но дядя надел на эту палку ручку и сказал:

— Это у нас тормоз. Ясно?

Потом он открыл дверцы шкафа и выкатил из шкафа коляску. Каос от удивления забыл закрыть рот. Коляска как две капли воды была похожа на коляску Бьёрнара и вместе с тем не похожа. У этой коляски имелся настоящий руль! Он был прикреплён между двумя маленькими передними колёсами и стальным тросом соединялся с задними колёсами.

— Смотри! — сказал дядя и стал крутить ручку, приделанную сбоку коляски. Колёса приподнялись, и их место заняли полозья! Да, да, два больших полоза вместо больших колёс и два поменьше вместо маленьких. Эти полозья были шире, чем полозья у санок, но уже, чем лыжи. На них не было креплений, зато были крючки, и к этим крючкам дядя прикрепил стальной трос, соединённый с рулём.

— С помощью руля Бьёрнар сможет править коляской, неважно, едет ли он на колёсах или на полозьях, — сказал дядя. — Установить на коляске руль дело нехитрое, труднее сделать так, чтобы колёса и полозья не нужно было менять каждый раз. Иначе, какая радость от прогулки? Теперь по улице Бьёрнар может ехать, как на санях, а захочет заехать, к примеру, в магазин, покрутит ручку — и вместо полозьев опустятся колёса. Здорово, а?

— Здорово! — согласился Каос. — Я тоже нарисовал коляску для Бьёрнара, но её должны тянуть олени. — Каос давно мечтал покататься на оленях и надеялся, что он про-

едется вместе с Бьёрнаром на придуманной им коляске.

— Коляска с оленями? Замечательная мысль! — сказал дядя. — Такую коляску мы соорудим для Бьёрнара, когда он поедет в горы. Вы сядете в коляску, а мы, взрослые, впряжёмся в неё, будто олени. Договорились? А сейчас давай закончим ту коляску, что придумал я. Нам осталось только приделать тормоз, чтобы Бьёрнар мог в любую минуту сам её остановить. Вдруг она нечаянно поедет вниз по склону, всё-таки у нас тут горы. — И дядя снова принялся за работу.

— А как ты сделал, что коляска может подниматься и опускаться? — спросил Каос.

— Придумал такой хитрый домкрат. — Дядя засмеялся. — Я хотел, чтобы Эве было легко обращаться с коляской. Теперь ей достаточно покрутить ручку — и готово!

Каос, не отрываясь, глядел на коляску. Как интересно: сидишь и крутишь руль! Как будто едешь на автомобиле или даже на автобусе! Ему захотелось тут же испытать коляску, но дядя не разрешил.

— Нет-нет! Первым наше изобретение должен испытать сам Бьёрнар! — сказал он.

— А как к тебе попала его коляска? — спросил Каос.

— Сосед привёз на грузовике, — объяснил дядя. — Вчера вечером я сам ездил с ним в город. Сегодня Бьёрнару пришлось отправиться на физиотерапию на такси, но вечером коляска будет уже у него. Вот и посмотрим, одобрит ли он нашу работу. Ну, а теперь нас ждёт обед, мы его заслужили.

— Много работы ещё осталось? — спросила тётя, когда они сидели за столом.

— Нет, я уже почти кончил. Вот отполирую руль и ручку, покрою всё лаком — и готово!

После обеда дядя прилёг отдохнуть — он каждый день вставал в пять часов. Тётя тоже отдыхала, читая на кухне книгу или слушая радио. А Каос пошёл гулять. Он знал, что нельзя выходить на шоссе, где ездят машины, но ведь и на усадьбе было много интересного. К тому же он мог гулять по узкой дорожке, что вела к шоссе, — по ней ездил на машине только дядин сосед.

Больше всего Каос любил у тёти маленькие финские сани. Они вместе с большими санями жили в дровяном сарае. Когда Каос с тётей, бывало, отправлялись в лавку, они брали большие сани, потому что в лавку ездили по шоссе, а маленьким саням выезжать на шоссе не разрешалось. Им, как и Каосу, можно было ездить только по узкой дорожке недалеко от дома.

Тётя пошла с Каосом в сарай. Сани уже ждали его, их вид как бы говорил: «Ну когда же мы пойдём с тобой кататься?» Так, по крайней мере, казалось Каосу. Тётя вытерла сани тряпкой и несколько раз прокатила их по рассыпанному на полу песку и опилкам. Полозья заблестели как солнце. А то, если Каос долго не бывал у тёти, полозья даже покрывались ржавчиной. Тётя вывезла сани на двор и ушла домой.

— Ну, поехали? — спросил Каос у сани.

«Давно пора», — всем своим видом ответили сани.

— Куда мы поедem сначала, с горы или в гору? — спросил Каос.

Узкая дорога, что, сворачивая с шоссе, проходила мимо тётиного дома, сперва шла по ровному месту, а потом поднималась по склону к соседней усадьбе. По этой дороге можно было съехать вниз, к шоссе, или подняться вверх. Каос и сани решили, что лучше сначала подняться вверх.

Стоя одной ногой на полозе, Каос отталкивался другой. Сани быстро скользили вперёд. На дороге никого не было, и он начал развлекаться. Сперва он проехался, задрав одну ногу, потом, посильнее оттолкнувшись, лёг животом на спинку сиденья и поднял вверх обе ноги. Со стороны казалось, будто он стоит на голове. Наконец он сел на сани и притворился, что его кто-то везёт. Но интересней всего было толкать сани вверх по склону. Каждый раз Каос волновался: вернутся к нему сани или нет? Конечно, сани съезжали к нему обратно, и он радовался, что у него такой преданный друг.

Каос с санями забирался всё выше и выше. Тётин дом остался уже далеко внизу, но ему не хотелось возвращаться. Хотелось так идти долго-долго, придумывая всё новые и новые развлечения. Гуляя с Бьёрнаром, они всегда во что-нибудь играли. Им бывало очень весело. Но кто из них придумывал все эти игры? Каос не был уверен, что придумывал их он, и потому сегодняшняя игра особенно нравилась ему. Сегодня всё придумывал он сам. Он гром-

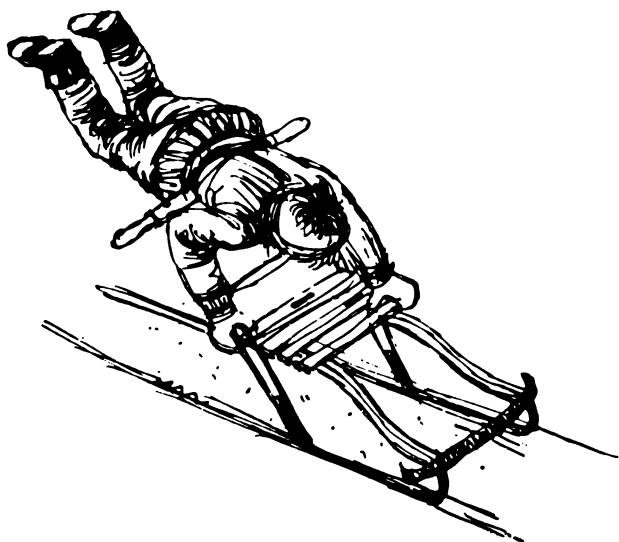
ко разговаривал с санями, и никто, кроме птиц, не слышал его.

— Сейчас это как будто плуг, я пашу землю,— говорил он, и птицы с удивлением слушали его.

Каос приподнял полозья и стал толкать вперёд зарывшиеся носом в снег сани. Получился настоящий плуг! Но пахать было трудно, и Каос быстро устал.

— Давай вернёмся! — предложил он саням и повернул их назад.

Став обеими ногами на полозья и крепко ухватившись за спинку, он заскользил вниз. Сперва сани скользили медленно, потом покатились быстрее, быстрее. Каос твёрдо стоял

на полозьях и, когда скорость казалась ему чересчур большой, осторожно тормозил, опуская ногу на снег. Вокруг саней взметалось снежное облако. Потом он переставал тормозить, сани снова набирали скорость, и Каосу чудилось, будто он летит по воздуху. Так он пролетел мимо тёткиного дома, но дальше спуск кончился, дорога пошла по ровному месту, и Каос без труда остановил сани.

Теперь он решил играть, будто его сани — обыкновенные дровни. Он снял шарф и привязал его спереди к поперечной планке. Взявшись за конец шарфа, он потащил сани к дому.

— Я лошадь, и меня впрягли в сани,— сказал он сам себе.— Нет, я хозяин,— поправился он,— я слез с саней и иду рядом, чтобы лошади было легче тащить сани в гору. У меня есть собака, она убежала вперёд, но сейчас вернётся ко мне.

Он сделал вид, что разговаривает с собакой и гладит её. При этом Каос не забывал, что он в то же время и лошадь, запряжённая в сани, и возчик. Игра была очень сложная.

— Тпру! — говорил он, превращаясь в возчика.

— Иго-го! — отвечала возчику лошадь.

Иногда лошадь останавливалась, крутила головой и тянулась к земле, словно искала травку на снежной дороге.

— Как же я забыл про овёс! Вот он! — сказал возчик лошади.

Лошадь радостно всхрапнула и захрустела овсом, а собака, громко лая, носилась вокруг неё. Шарф очень пригодился Каосу: когда он был лошадью, то тянул за него сани, а когда превращался в возчика, то вставал сзади на полозья и держал шарф, как вожжи.

Время пролетело незаметно, и Каос даже удивился, увидев в дверях дядю, который успел выспаться и пришёл за ним. Маленькие сани вернулись в сарай к большим, и только тогда Каос обнаружил, что у него замёрзли ноги. Тётя сняла с него сапоги и носки и долго растирала ему ноги, потом Каос переоделся во всё сухое, а его одежду повесили над плитой сушиться: времени у них оставалось в обрез, потому что дядин сосед должен был отвезти их в город вместе с коляской.

Коляску поставили в кузов и накрыли брезентом, а Каос с дядей сели в кабину.

— Не люблю я возить малышей в кабине, но что поделаешь, — сказал сосед. — Пристегнитесь оба одним ремнём, а я уж постараюсь ехать потише.

И хотя грузовик действительно ехал не спеша, они добрались до города гораздо быстрее, чем на автобусе. Ведь грузовику не надо было останавливаться, чтобы высадить или забрать с собой пассажиров. Вскоре они были уже у дома, где жили Бьёрнар и Эва. Коляску спустили на землю, и дядя позвонил в дверь. Открыла Эва; должно быть, она ждала их, потому что на ней было пальто, а за её спиной в прихожей Каос увидел Бьёрнара, одетого, как для прогулки. Дядя положил на коляску коврик — коляска промёрзла в кузове и сидеть в ней было бы холодно. Потом дядя с шофёром сцепили руки так, что получилось кресло, и на этом кресле вынесли Бьёрнара на улицу.

— Ты знал, что мы должны приехать? — спросил Каос у Бьёрнара.

— Да,— ответил Бьёрнар.— Твой дядя приходил к нам вчера вечером. Я показал ему свой рисунок, а он мне — свой. Но про руль он мне ничего не сказал.

Эве объяснили, для чего служит ручка. Эва несколько раз покрутила её — колёса поднялись и их место заняли полозья, Эва покрутила ручку в другую сторону — и колёса снова опустились.

— Как легко и просто! — обрадовалась Эва.— Да ты настоящий волшебник! — сказала она дяде.

— А это тормоз,— объяснил дядя.— На тот случай, если сани поедут под горку слишком быстро.

— Мне больше всего нравится руль! — сказал Бьёрнар.

Сосед заторопился и предложил по пути, если надо, отвезти куда-нибудь Эву с Бьёрнаром.

— Спасибо, нам никуда не надо,— отказалась Эва.— Мы пойдём на вокзал встречать папу и заодно обновим коляску.

— А ноги у Бьёрнара не замёрзнут? — поинтересовался дядя.

— Нет, он в папиных сапогах,— ответила Эва.

Ни дядя, ни сосед, конечно, не поняли, почему в папиных сапогах ноги у Бьёрнара не могут замёрзнуть, но Каос-то знал, что в сапогах лежали бутылки с горячей водой.

— Ну как, Бьёрнар, нравится тебе новая коляска? — спросила Эва.

— Очень! — Бьёрнар улыбнулся.— Знаешь, Эва, теперь в сильный мороз я могу надевать твой меховой мешок, если ты сверху прикроешь его пледом.— Он понимал, что на коляске с рулём его уже никто не примет за маленького.

И Эва с Бьёрнаром поехали на вокзал — она толкала коляску, как финские сани, а довольный Бьёрнар крутил руль.

Каос с дядей снова сели в кабину, и грузовик помчался к Газетному дому. Каосу не терпелось рассказать папе и маме о сегодняшнем дне.

Папа стоял у окна, поджидая Каоса. Увидев его, дядя сказал:

— Беги домой, Каос, тебя ждут, а мы поедем дальше. Передай привет папе и маме.

— Я спешу, Каос,— сказал сосед,— ты уж

прости, а то бы дядя, конечно, зашёл к вам. Будь здоров!

— До свидания! — Каос спрыгнул на тротуар и побежал к дому.

Водопад шумел, он как будто говорил Каосу: «Здравствуй!», но Каос так спешил, что даже не взглянул на него.

Хоть Каос и жил на первом этаже, ему нужно было подняться на несколько ступенек. Обычно он бегом взбегал по ним, но тут его охватило странное чувство — всей душой он вдруг ощутил, как хорошо вернуться домой. Он любил бывать у Бьёрнара, ему нравилось ездить к тёте и дяде, но оказывается, тут, дома, ему было лучше всего. От этого чувства Каосу сделалось жарко, ноги налились свинцом, и он не мог быстро взбежать по ступеням.

Папа открыл дверь, и Каос бросился ему на шею.

— Здравствуй, сынок! — сказал папа, обнимая Каоса.

— А где мама?

— У них собрание, она немного задержится. Расскажи-ка мне про коляску. Сумел дядя сделать всё, как хотел?

И Каос стал рассказывать про коляску, про дядю с тётей, про маленькие финские сани и про дядино соседа, который привёз их в город на своём грузовике.

А когда он кончил рассказ и они с папой поели, пришла мама, и Каос рассказал всё во второй раз. Чтобы папа с мамой могли представить себе, как теперь выглядит коляска

Бьёрнара, Каос сел на стул и взял в руки палку, на которую надел крышку от кастрюли. Мамин зонтик изображал тормоз, а с помощью ручки от мясорубки Каос как будто поднимал и опускал колёса. И папа с мамой всё прекрасно поняли.

— Эве с Бьёрнаром повезло, что наш дядя такой мастер,— сказал папа.— А если они когда-нибудь поедут с нами в горы, ему придётся приделать к коляске полозья от финских саней.

Каос кивнул, с трудом сдерживая зевоту: ему уже очень хотелось спать, но он старался, чтобы папа с мамой этого не заметили. И зря старался, потому что папы и мамы обычно замечают всё.

— Пора спать! — сказал папа.— Сегодня моя очередь беседовать с Каосом перед сном.

— Хорошо,— согласилась мама.— Только пусть он не забудет почистить зубы.

От этих слов сон Каоса как рукой сняло. Он будто проснулся и начал бегать по квартире — из кухни в гостиную, из гостиной в спальню, из спальни опять в кухню. Он хотел, чтобы папа побегал за ним. Он даже спрятался под стол, но уж под стол за ним папа не полез.

В конце концов оба выбились из сил.

— Поиграли, и хватит,— сказал папа.

Но Каос побегал ещё немного. Папа молча ждал его. Потом они вместе пошли в ванную, и Каос выдавливал пасту, чистил зубы и полоскал горло. Папа его не торопил, но Каос и без того всё делал быстро — он вспомнил,

что его ждёт беседа с папой. Надев пижаму, он нырнул в постель.

Папа сел к нему на край кровати и спел одну старинную песню, которая очень понравилась Каосу. Потом он рассказал ему про лисицу: лисица бежала по дороге и нисколько не испугалась маленького голубого автобуса, возвращавшегося в город.

— Голубой автобус посигналил ей? — спросил Каос.

Папа покачал головой.

— Нет. Голубой автобус был не в духе. Он уже много дней не в духе, потому что у него почти нет пассажиров. Правда, я объяснил ему, что скоро всё изменится: дни станут длиннее, морозы кончатся и туристы снова начнут ездить в горы.

— А сейчас туда никто не ездит?

— Почти никто.

— А что было потом?

— Увидев лисицу, мы ненадолго остановились. В автобусе было всего два пассажира. Когда лисица убежала, мы поехали дальше. Голубой автобус был погружён в свои мысли. Он не смотрел ни на лес, ни на усадьбы, ни на заснежённые поля и даже не заметил, как миновал нашу площадь. Сегодня он не танцевал перед Газетным домом, а поехал прямо на автобусную станцию.

— Почему не танцевал?

— Ему не захотелось, ведь в двух знакомых окнах первого этажа не горел свет. Автобус сразу понял, что там никого нет, и не стал танцевать.

— Автобусу было грустно?

— Да, немного,— ответил папа.— Ему, а не мне, ведь я знал, где вы.

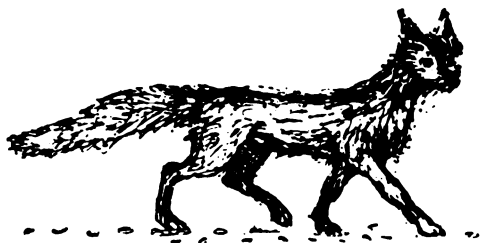
— А завтра он нам потанцует? — спросил Каос.

— Думаю, потанцует.— Папа улыбнулся.

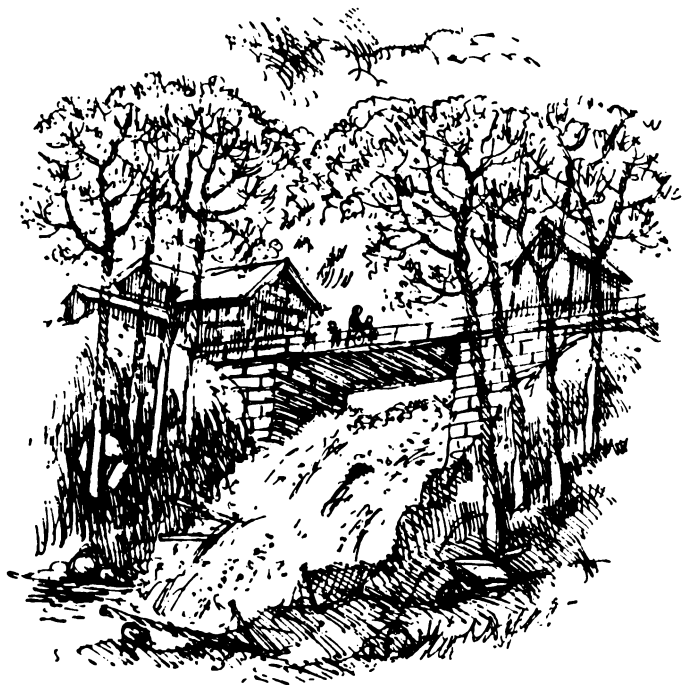
— Как хорошо, что мы все уже дома,— сказал Каос и зевнул.

Папа тихонько запел песню. Каос зевнул ещё раз и закрыл глаза.

Типография стучала. Водопад шумел. Всё было так, как нужно. Каос заснул.

Блауг и Пончик

В е т л е б ю

И Новый год, и январские морозы уже остались далеко позади. Люди радовались тому, что дни стали длиннее и часто светило солнце. Но больше всех этому радовались маленький голубой автобус и папа Каоса — после Нового года из-за сильных морозов туристы перестали ездить в горы, и у голубого автобуса почти не осталось пассажиров. «А вдруг люди решат, что я никому не нужен?» — думал автобус, и ему было грустно. Каос, как обычно, каждый вечер ждал у окна,

чтобы взглянуть на автобус, который возвращался из последнего рейса. Но грустный автобус часто проезжал мимо, забыв остановиться и потанцевать перед Газетным домом.

Теперь же, когда снова засверкало солнце и стало теплее, автобус сразу повеселел. Теперь он уже не забывал останавливаться, чтобы потанцевать перед Каосом, и только после этого спешил дальше к автобусной станции.

В эту субботу папа, мама и Каос не поехали в Лилипутик, потому что папа и мама были заняты на работе. Каос проснулся утром от непривычной тишины. Типография молчала. По субботам она не работала. Газету напечатали ещё вчера, и сегодня все отдыхали. Шагов на лестнице тоже не было слышно, зато гул водопада доносился очень отчётливо — у водопада не было выходных дней.

Папа уже ушёл — сегодня он ехал с первым рейсом, и его ждало много пассажиров, — а мама ещё спала. Мама Каоса всегда просыпалась с трудом. Она вставала, умывалась и долго ни с кем не разговаривала.

Каос это знал и старался не тревожить маму в такие минуты. Он надел тапочки и прямо в пижаме уселся на тахте в гостиной. И тахта сразу превратилась в голубой автобус, а подушки у него за спиной — в пассажиров, которые ехали в горы. Автобусу не хватало только руля. Каос сбегал на кухню и нашёл там подходящую крышку от кастрюли. Он крутил руль то вправо, то влево, и автобус легко слушался руля.

— У всех есть билеты? Автобус отправляется! — шёпотом объявил Каос.

И автобус тронулся в путь. Папин автобус редко танцевал перед Газетным домом, если он вёз много пассажиров, но автобус Каоса не мог удержаться. Исполнив свой танец, он покати́л дальше мимо заснежённых полей и усадеб, а потом въехал в лес.

Началась самая интересная часть пути, потому что в лесу Каос увидел всех зверей, каких встречал в своих поездках папа,— лосей, лисицу и зайца. Каосу не случалось видеть их самому, лишь один раз он заметил лося, забредшего на поле, и ещё несколько белок. Белок в лесу было много, они жили даже в городе; во всяком случае, на дереве, растущем у водопада, у Каоса была своя знакомая белка. Так что белки были вроде не в счёт.

Но во время игры он мог видеть всё, что хотел. Он даже остановил автобус и начал рисовать встретившихся ему зверей.

В гостиную вошла мама, которая наконец проснулась по-настоящему.

— Доброе утро, Каос! — сказала она. — Не хочешь ли одеться и позавтракать?

— Хочу,— ответил Каос,— но мне нужно сначала дорисовать лося, довезти до гостиницы пассажиров и вернуться в город. Не могу же я бросить автобус посреди леса!

— Конечно, не можешь,— согласилась мама и ушла на кухню.

Каос быстро закончил рисунок, забрался на тахту и погнал свой автобус к гостинице. Там он высадил пассажиров, развернулся и поехал в город. Он ехал очень быстро, ему уже было некогда смотреть по сторонам; он не стал танцевать перед Газетным домом, а поехал

прямо к автобусной станции, оставил там свой автобус и побежал на кухню завтракать.

— Поешь скорей и пойдём,— сказала ему мама.

— К кому же я сегодня пойду, ведь сегодня суббота? — удивился Каос.

— Сегодня ты пойдёшь со мной в аптеку и побудешь там, пока папа не вернётся из рейса. К Бьёрнару сегодня нельзя, приехал его папа, и они будут заняты.

— Папа читает Бьёрнару всякие умные книги, и потом они о них беседуют. Эва тоже много читает ему вслух.

— А разве мы с папой тебе не читаем? Но ты видишь своего папу каждый день, а Бьёрнар — только раз в неделю.

— Да, это очень редко,— вздохнул Каос.

Мама посмотрела на его рисунок.

— Какая красивая собака! — сказала она и вдруг спохватилась: — Или, может быть, это лошадь?

Каос с упрёком взглянул на маму:

— Это лось!

— Значит, не лось, а лосиха, потому что у неё нет рогов,— сказала мама.

— А я видел лося без рогов,— сказал Каос.— Может, в другой раз нам встретится лось с рогами.

Они поели, оделись и вышли из дома, как будто был самый обычный рабочий день. Но шли они не к Бьёрнару с Эвой, а в аптеку, где работала мама. Аптека находилась совсем близко, за мостом, перекинутым над водопадом.

— Если хочешь, можем постоять на мосту,

у меня есть немного времени в запасе,— предложила мама.

Каос подошёл к перилам и встал на нижнюю планку. Мама поддерживала его. Им казалось, что водопад спрашивает у них: «Угадайте, где я?» Его и правда не было видно, он прятался под большими льдинами, оттуда слышался шум бегущей воды, а из трещин вырывались фонтаны брызг.

— Скоро уже лёд растает и водопад начнёт расти,— сказала мама.— Помнишь, каким большим он был прошлой весной?

Аптека помещалась в третьем доме от водопада. Мама вынула из сумки связку ключей.

— Ты всегда сама открываешь аптеку? — спросил Каос.

— Нет, просто сегодня я обещала прийти первой. Скоро придут Св́ава и Кóнрад.

Мама открыла дверь, и в нос им ударил обычный аптечный запах. Каос хорошо знал его, он много раз был в аптеке. По этому запаху он узнал бы аптеку, даже если б его привели сюда с завязанными глазами. Мама подняла шторы и открыла окно, потом сняла пальто, повесила его в шкаф и надела белый халат.

— Посмотри, Каос, можно мне остаться в этом халате или надо взять чистый? — спросила она.

Каос внимательно оглядел маму и даже обошёл вокруг неё, чтобы убедиться, что сзади на халате нет пятен,— халат был белоснежный.

— Ни пятнышка,— успокоил он маму.

В этом белом халате мама выглядела совсем иначе, чем дома, особенно по утрам, когда она пила кофе и никак не могла проснуться по-настоящему. В белом халате мама двигалась быстро, уверенно и говорила больше, чем обычно.

— Пойдёшь погулять или побудешь здесь? — спросила она у Каоса.

За аптекой был небольшой дворик, где Каос мог поиграть, но сегодня ему не хотелось уходить из аптеки — он ждал Сваву. Свава так же, как и мама, отпускала больным лекарства и всегда дарила Каосу пустые коробочки, которые покупатели оставляли в аптеке. Она собирала все коробочки и хранила их в своём шкафу. Каос мастерил из этих коробочек дома. Он склеивал их друг с другом,

и у него получался дом с несколькими комнатами, а из самых маленьких коробочек делал столы, стулья и кровати. Иногда ему помогали папа или мама, но чаще всего — дядя.

— А Свава обязательно придёт сегодня? — спросил Каос у мамы.

— Обязательно.

— А Конрад?

— И Конрад тоже. Мы со Славой можем отпускать лишь те лекарства, которые продаются без рецепта. Лекарства по рецептам имеет право отпускать только провизор. Конрад — провизор, он много лет учился.

— Поула тоже провизор, — сказал Каос.

Поула была в аптеке самой главной и знала про лекарства всё, но сегодня она была выходная, так же, как и практикантка, недавно пришедшая в аптеку.

— А вот и Свава! — сказала мама.

— Здравствуй, Каос! — поздоровалась

Свава.— Как хорошо, что ты сегодня пришёл, а то у меня в шкафу уже нет места. Мне все отдают коробочки для тебя, но шкаф-то у меня не резиновый. Можешь сложить их в этот большой пакет, только сперва полюбуйся, как они красиво выстроились!

Коробочек правда было очень много, и все разные. Каос внимательно разглядывал каждую и складывал их друг на друга. Мама протирала полки у него за спиной. Свава наводила порядок на прилавке — к приходу покупателей всё должно было быть готово. Каос тоже проверил прилавок, а потом оглядел скамью, на которой покупатели ждали, пока приготовят лекарство. Над скамьёй висело большое объявление.

— Что тут написано? — спросил он у Свавы, хотя мама уже много раз читала ему это объявление.

— Тут написано, чтобы родители не присылали детей за лекарствами,— сказала Свава.

— Почему? Если родители больны, значит, ребёнок должен принести им лекарство.

— Да, бывает, что приходится идти в аптеку ребёнку. Но, к сожалению, не все дети знают, что некоторые лекарства очень опасны. Кроме того, дети могут потерять лекарство по дороге.

— Взрослые тоже могут потерять!

— Конечно, могут, но, как правило, они более внимательны, чем дети.

— Если меня попросят принести лекарство, я его ни за что не потеряю,— сказал Каос.— И я знаю, что никакое лекарство нель-

зя принимать без мамы. Мама мне объясняла, она всё знает.

Наконец пришёл Конрад, видно, он всю дорогу бежал и запыхался.

— Здравствуйте, девочки! — весело сказал он.

Каос огляделся, в аптеке не было никаких девочек, тут вообще не было никого, кроме мамы, Свавы и его. Значит, девочками Конрад назвал маму и Сваву? Вот смешно!

— Неохота работать в субботу, правда? — продолжал Конрад. — А что поделаешь? У болезней нет выходных. Был уже кто-нибудь с рецептами?

— Пока нет. Мы только открыли, — ответила мама.

Конрад скрылся за перегородкой, увешанной полками. Там стоял его стол и стул, и там Конрад готовил лекарства. Он мог приготовить любое лекарство, какое выпишет врач.

В аптеку вошёл старик и протянул маме рецепт.

— Это лекарство надо готовить, — сказала мама. — Вам придётся подождать. Если хотите, можете пока пойти по делам в город.

— Я лучше подожду здесь, — сказал старик и сел на скамью.

«Конечно, здесь лучше, — подумал Каос. — Здесь тепло и уютно и интересно смотреть, как мама и Свава отпускают лекарства».

Приходили ещё люди с рецептами, Конрад работал не покладая рук. Мама и Свава принимали рецепты. На один из них мама надела красный зажим, похожий на зажим для белья.

— Ты хочешь повесить его сушить? — удивился Каос.— Разве он мокрый?

— Нет,— шёпотом ответила мама.— Такие зажимы мы надеваем на рецепты, если лекарство нужно приготовить срочно, но не говорим об этом покупателю, чтобы не напугать его.— Мама наклонилась к Каосу и прижала палец к губам.

Об этом надо обязательно рассказать Бьёрнару, подумал Каос. Обычно Бьёрнар, который много читал, сообщал Каосу что-нибудь интересное, но ведь про такое он нигде не мог прочитать!

Аптека опустела, и мама снова принялась за уборку. Потом она присела на табуретке за шкафом. Скинув туфли, мама стала крутить ступнями.

— Хорошее упражнение, если ноги устали,— объяснила она Каосу, смотревшему на неё во все глаза.

В это время в аптеку вбежала женщина. Она держала на руках девочку, которая была никак не меньше Каоса.

— Скорее! Помогите! — громко заговорила женщина.— Сегодня суббота, работает только дежурный врач, но он ушёл по вызову...

— Что случилось? — Мама быстро надела туфли.

— Моя дочка проглотила несколько таблеток. Это очень сильное снотворное. Я только на минутку отлучилась на кухню. Ей плохо! Смотрите, какие у неё глаза! Я пыталась вызвать у неё рвоту... Давала молоко... Что ещё нужно сделать? Мы в городе недавно,

у меня нет здесь знакомых... Сделайте что-нибудь, умоляю!..

— Вызови «скорую помощь»! — сказала мама Сваве.

Свава позвонила по телефону, но ей сказали, что единственная машина «скорой помощи» уехала в горы к трамплину, там какой-то лыжник сломал ногу.

— Девочку надо срочно отвезти в больницу! — решила мама.— Возьмём такси.

— Где тут можно найти такси? — спросила женщина.

Мама на секунду задумалась.

— Ты справишься без меня? — спросила она у Свавы.— Я сама отвезу их в больницу.

— Конечно, справлюсь! Поезжай!

Мама быстро надела пальто, сапожки, Каос тоже оделся — ему никто ничего не сказал, но он знал, что не должен отпускать маму одну: вдруг ей понадобится его помощь?

— Беги вперёд, там на площади должны стоять такси,— шепнула ему мама.

Каос побежал, но на площади не было ни одной машины. Вскоре к нему подошла мама и женщина с девочкой на руках.

— Что же делать? — сказала мама.— Ждать нельзя. Придётся остановить попутную машину.

Но это оказалось не так-то просто: три машины проехали мимо, хотя мама отчаянно махала рукой. Вдруг Каос насторожился: он услышал знакомый звук, и тут же на площадь выехал маленький голубой автобус. Это папа возвращался из рейса. Каос с мамой замахали ему руками, но папа не понял их знаков, он

думал, что они просят автобус потанцевать. Автобус потанцевал и хотел ехать дальше. Мама выбежала и загородила ему дорогу, Каос не переставал махать руками. Тогда папа понял, что что-то случилось, и остановил автобус.

— Скорей! Отвези нас в больницу! — крикнула мама, показав на женщину с девочкой на руках. — Только, пожалуйста, поскорее!

Папа оглянулся на пассажиров:

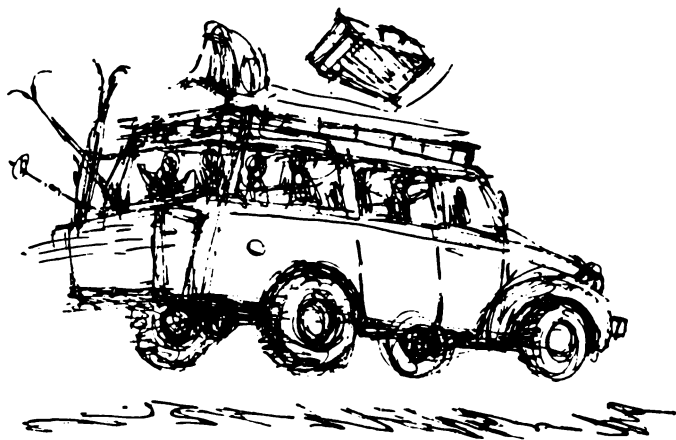
— Придётся нам сделать небольшой крюк, а потом я развезу вас по гостиницам. Девочку надо срочно отвезти в больницу. Кто очень торопится, может выйти здесь.

Торопился только один человек. Мама, Каос и женщина с девочкой на руках сели в автобус, и папа дал газ.

Так маленький голубой автобус превратился в «скорую помощь».

«Скорая помощь»

Никогда в жизни маленький голубой автобус не сигнализировал так, как в этот раз. Любая «скорая помощь» могла бы ему позавидовать. И люди, понимая, что сигнализирует он неспроста, разбегались и уступали ему дорогу. Даже машины жались к обочинам, пропуская его вперёд.

Голубой автобус и не подозревал, что умеет ездить так быстро. Он привык ездить медленно и степенно, да по горной дороге иначе и не поедешь. К тому же ни папа, ни автобус не хотели пугать живших в горах животных. Но сегодня, в городе, автобус несся на предельной скорости, ездить быстрее тут просто не разрешалось. Городские машины такой скорости ничуть не удивлялись, но ав-

тобус чувствовал себя ракетой. Ему казалось, что он летит по воздуху.

А вот маме казалось, что он тащится как черепаха, она очень волновалась за девочку, лежавшую на коленях у женщины. Мама всё время тормозила её, не давая заснуть. Каос недоумевал: почему мама не даёт девочке спать? Когда он бывал болен и лежал в постели, мама, наоборот, заставляла его спать, даже если ему не хотелось. Она говорила, что во сне люди выздоравливают. А теперь сама же не даёт спать девочке, у которой глаза так и слипаются от усталости. Пассажиры автобуса притихли. Даже иностранцы и те поняли, что папа срочно везёт в больницу ребёнка. Они шёпотом переговаривались друг с другом, бросая испуганные взгляды на женщину с больной девочкой на руках, а иногда и на папу.

Наконец автобус сбавил ход, свернул в аллею, ведущую к большому зданию, и остановился перед дверью, на которой висела табличка с надписью «Неотложная помощь». Мама встала. Женщина тоже хотела встать, но при виде больницы силы изменили ей, и она снова опустилась на сиденье с девочкой на руках.

Папа всё видел в зеркальце, он сказал пассажирам:

— Я сам отнесу девочку, подождите, пожалуйста, несколько минут. Можете погулять здесь по саду.

Кто-то перевёл иностранцам папины слова, и они дружно закивали головами. Когда-то в школе папа учил и английский, и немецкий, но

говорить предпочитал всё-таки по-норвежски, особенно если спешил и волновался.

Папа взял девочку на руки и понёс её в приёмный покой, а мама вела под руку женщину, которая от волнения почти не могла идти. Каос тоже вышел из автобуса, он старался держаться поближе к маме, чтобы она в спешке не забыла о нём.

В длинном коридоре, куда выходило множество дверей, к ним подошла сестра и спросила:

— Кто прислал девочку в больницу? Врач?

— Нет, я,— ответила мама.— Я работаю в аптеке. Девочка проглотила много таблеток,

которые содержат...— И мама произнесла какое-то трудное слово.

Каос не понял, что оно означает, зато сестра поняла очень хорошо.

— Зайдите сюда, я сейчас вызову врача,— сказала она.

— Девочке нужно срочно сделать промывание желудка,— сказала мама, она говорила совсем как врач.

— Сейчас сделаем,— пообещала сестра.

Тем временем в кабинет пришла другая сестра.

— Мне надо заполнить карту,— сказала она папе.— Вы отец? Как ваша фамилия, где вы работаете и как зовут девочку?

— Я не знаю,— растерянно пробормотал папа.

— Ну и отцы пошли! — возмутилась сестра.— Это надо же, оставить на виду у ребёнка опасное лекарство, а потом забыть имя собственной дочери!

— Это не моя...— начал папа, но мать девочки уже оправилась и перебила его:

— Я мать. Мою дочь зовут Óлауг Хáнде. Мой муж работает в море на нефтяной платформе, его сейчас нет в городе, он вернётся через месяц.— Она назвала и своё имя.

В это время пришёл врач и увёл женщину с девочкой в другой кабинет.

— Простите, пожалуйста, что я погорячилась,— извинилась перед папой сестра.— У нас сегодня столько больных, мы все сбились с ног. Если хотите, можете посидеть в комнате для ожидания, это направо по коридору.

— Будем надеяться, что всё кончится благополучно,— сказал папа Каосу.

Они сидели в комнате для ожидания. Каос разглядывал стулья, стол, стены, картину, на которой была нарисована ваза с цветами, занавески на окнах. Здесь было тихо-тихо, даже папа с мамой беседовали почему-то шёпотом. Вдруг Каос встрепенулся.

— А почему ты так сказала? — спросил он у мамы.

— Что я сказала?

— Что девочке нужно срочно сделать промывание желудка. Как же можно вымыть желудок, не вынимая его?

Ему вдруг представилось, что девочку положили на стол, вынули у неё из живота желудок и моют его сейчас в миске с водой. Так же, как мама моет посуду. Интересно, найдут они в желудке у девочки эти ядовитые таблетки или нет?

— Не бойся, Каос, никто не собирается вынимать у девочки желудок,— успокоила его мама.— Чтобы промыть желудок, в него через особую трубочку, которая называется зонд, надо налить много-много воды, вода потом сама выльется из желудка, а с ней и всё вредное, что в него попало.

И папа, и Каос даже вздрогнули от этой картины.

— Пойдём подышим свежим воздухом, Каос,— позвал его папа.— А заодно проверим, как там мои пассажиры. Скоро уже ехать.

Как хорошо было в саду! Папа с наслаждением вдыхал морозный воздух — он любил свежий воздух и всегда открывал окно у себя

в кабине. А у Каоса было такое чувство, будто он впервые вышел на улицу после долгой болезни. Ему захотелось бегать, прыгать, кричать. Он тут же стал играть в «скорую помощь», которая, громко сигналив, везёт больного в больницу. Папа бросился догонять Каоса.

— Тише, тише! — остановил он его. — Не забывай, что здесь всё-таки больница. Кто-нибудь, может быть, сейчас спит, а у кого-нибудь болит голова. Больным нужен покой, здесь нельзя шуметь.

— Би, би! — шёпотом просигналил Каос, как будто его «скорая помощь» умчалась уже очень далеко.

Увидев папу, пассажиры со всех сторон потянулись к автобусу. Они шли, оглядываясь на здание. Один из норвежцев сказал папе:

— Иностранцам понравилась наша больница. Говорят, построена недавно, а так красиво. У них, мол, больницы устраивают в старых зданиях, и даже в замках.

— Нам пора ехать, — сказал папа. — Сбегай за мамой, Каос. Скажи, что мы уезжаем.

Через минуту Каос привёл маму.

— Врач считает, что опасности уже нет, — сказала мама. — Теперь я со спокойной душой могу вернуться в аптеку. Сваве и Конраду, наверно, трудно пришлось без меня.

— Ничего. Через пять минут ты будешь на месте. — Папа обнял маму за плечи. — Молодчина, ты сделала всё, что могла.

Каос вдруг обратил внимание, что мама даже осунулась, и понял — она боялась, что девочку не успеют спасти.

Пассажиры заняли свои места, среди них не было только женщины с девочкой, они остались в больнице.

Голубой автобус думал, что он и обратно помчится, как «скорая помощь», сигналив встречным машинам, но не тут-то было. Папа вёл автобус не спеша, чтобы пассажиры успели всё разглядеть за окном. Они как будто совершили две поездки по одному и тому же билету. Иностранцы называли эту поездку экскурсией, они любовались инеем на деревьях и пригорках, на которых деревья купались в лучах солнца, и одновременно восклицали «Oh, wonderful!» по-английски или «wunderbar!» по-немецки, а по-норвежски это означало: «Как красиво!» Мама сидела молча, держа Каоса за руку, ей нужна была сейчас дружеская поддержка. Это Каос понял.

Они вернулись в аптеку и там вместе рассказали Сваве и Конраду всё, что случилось в больнице.

— Сейчас папа развезёт пассажиров, поставит автобус на станции и вернётся за тобой,— сказала мама Каосу.— Пойдёшь с ним домой, он до вечера свободен.

— Не забудь свои коробочки,— напомнила ему Свава, а Конрад буркнул что-то похожее на «до свидания», он был очень занят — в аптеке на скамье сидело несколько человек.

Дома папа накормил Каоса, ведь Каос не успел поесть с мамой в аптеке, и предложил ему пойти погулять, пока он будет готовить обед.

За Газетным домом был небольшой двор и пригорок, на котором стоял другой дом. Там

Каос гулял один, если, конечно, папа или мама были в это время дома, чтобы он мог в любую минуту вернуться домой.

Каос вышел на двор. Утреннее происшествие очень взволновало его, и он никак не мог успокоиться. Жаль, что Бьёрнар живёт не в соседнем доме. Хорошо бы пойти и всё ему рассказать! Но до Бьёрнара так далеко, что идти туда одному нельзя. К тому же Бьёрнар мог уехать куда-нибудь со своим папой.

И тут Каос вспомнил про Пончика. Пончик тоже жил в Газетном доме, только на верхнем этаже. Пончик был младше Каоса, и звали его так потому, что он был маленький и кругленький, а настоящее его имя было Людвиг.

Сегодня Каосу, как никогда, хотелось, чтобы Пончик оказался дома и его отпустили гулять. Одиночество тяготило Каоса.

Пончик, к счастью, сидел дома и скучал. Его мама обрадовалась приходу Каоса, она отпустила с ним Пончика, но взяла с них слово, что они будут играть возле дома и не уйдут на улицу. Каос начал раскатывать ледяные дорожки — за делом ему легче думалось, а Пончик был на седьмом небе от счастья, что играет с таким большим мальчиком. У Пончика были с собой санки, и мальчики стали кататься с горки. Сперва несколько раз съехал Каос, лёжа на животе. Потом — Пончик, он упал, но не заплакал, ему было не до слёз, он должен был делать всё то же, что и Каос.

Вдруг Каос подумал, что ведь и весёлый толстый Пончик тоже может когда-нибудь наглотаться ядовитых таблеток! И ему тоже

придётся промывать желудок, и все будут за него волноваться. От этой мысли Каосу стало не по себе. «Это надо предотвратить»,— решил он. Он перестал кататься и сел на санки. Пончик тут же плюхнулся рядом, на нём были такие толстые штаны, что Каос не понимал, как вообще Пончик может в них двигаться.

— Пончик,— торжественно начал Каос,— обещай мне...

— Обещаю! — тут же сказал Пончик, думая, что Каос затевает новую игру.

— Обещай, что без мамы ты никогда не будешь глотать ни таблетки, ни пилюли, ни микстуру, даже очень сладкую!

— А конфеты и сок можно? — ничего не понимая, спросил Пончик.

— Я тебе говорю про лекарство, а не про конфеты,— ответил Каос.— Без мамы нельзя есть только лекарства.

— А пастилки от кашля?

— И пастилки нельзя, это тоже лекарство!

Каос был в отчаянии: Пончик ничего не понял, а это значит, что его жизни угрожает опасность.

Вскоре мама увела Пончика в гости, и он ушёл, так ничего и не поняв.

Гулять одному Каосу не хотелось, и он тоже отправился домой. Дома папа жарил морковно-капустно-картофельные котлеты. Эти котлеты папа придумал сам. Он пропустил овощи через мясорубку, добавил в фарш яйца, муку и молоко, размешал всё и поджарил. И получились морковно-капустно-картофельные котлеты.

Маме и Каосу они очень понравились.

— Ты не узнала, как себя чувствует девочка? — спросил папа после обеда.

— Узнала. Я позвонила в больницу перед уходом домой. Мне сказали, что мы успели вовремя, девочке сделали промывание желудка, и чувствует она себя хорошо. Но её всё-таки подержат в больнице до понедельника.

— По-моему, Каос, сами дети должны объяснить взрослым, что лекарство надо хранить так, чтобы оно не попадало детям в руки,— сказал папа.

— Мы с Бьёрнаром что-нибудь придумаем,— пообещал Каос.— И я буду предупреждать всех, что это опасно. Я и Пончика предупредил, только он ничего не понял.

— Важно, чтобы это понял не Пончик, а его мама,— сказал папа.— И я верю, что вы с Бьёрнаром придумаете, как это сделать.

Воскресное утро

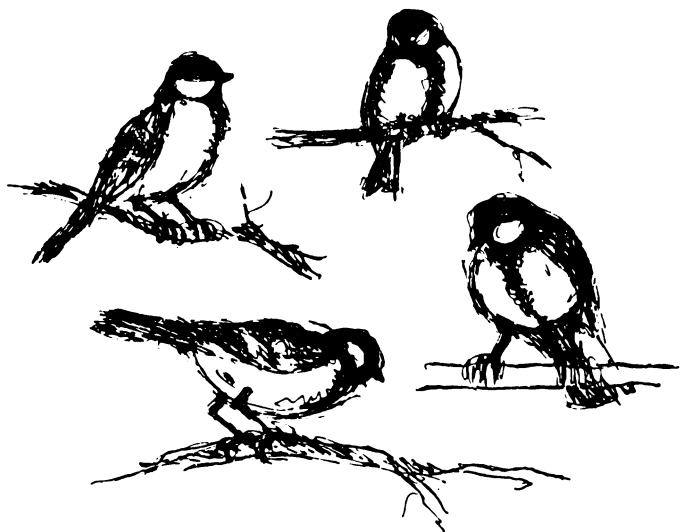
Каос любил собирать камешки. Он собирал их повсюду — и в горах, и у водопада, и в лесу. Самые красивые камешки хранились у него в Лилипутике, но много было и в городе. Странно получалось с этими камешками: когда Каос находил их в горном ручье или на берегу у водопада, они были яркие и блестящие — коричневые, золотистые, чёрные, белые. Но стоило принести их домой, как блеск

пропадал, камешки тускнели и серели. И Каос придумал держать камешки в воде, чтобы они всегда были красивые. Мама дала ему прозрачную пластмассовую банку, Каос налил в неё воды и положил камешки. И получился у него аквариум, только не с рыбками, а с камешками.

Аквариум стоял на окне в спальне, и Каос мог любоваться всеми камешками сразу. Папа с мамой поливали свои цветы, а Каос — камешки.

В то воскресное утро Каос пододвинул к подоконнику стул, стал на коленки и долго разглядывал камешки. В аквариуме отражалось небо и дерево, что росло у водопада. На дерево прилетали птицы, и Каос наблюдал за ними, стоя на коленках перед своим аквариумом. Иногда он поднимал голову и смотрел на дерево через окно, чтобы проверить, не ошибся ли он, но он никогда не ошибался. Птицы занимались своими птичьими делами, но, какими именно, Каос не видел. Зато он видел, как они подлетали к кормушке, висевшей у него перед окном, брали в клюв еду и торопливо улетали обратно на дерево. Иногда он видел, что птицы, посоветовавшись и приняв важное решение, вдруг улетали прочь. Но потом они снова возвращались на дерево. Иногда они летали друг за другом, словно играли в салки. Несмотря на шум водопада, Каос слышал, как птицы переговариваются друг с другом. Ему очень захотелось понимать птичий язык.

Бьёрнар рассказывал ему, что киты, живущие в океане, переговариваются между со-

бой даже на очень большом расстоянии. Каос с Бьёрнармом много раз слушали кассету, на которой были записаны разговоры китов. Киты даже пели песни! А здесь за окном перекликались и пели птицы.

Каос начал играть, как будто он птица.

— Там на кормушке много зёрен,— сказал он птицам, сидящим на дереве,— их хватит на всех. Но если хотите, можете слетать за едой в другое место.

— Да-да, сейчас! — ответил папа, которому сквозь сон почудилось, что Каос просит поесть.

Вчера вечером папа с мамой поздно засиделись с друзьями. Им было очень весело. Каос даже проснулся от их смеха и вышел в гостиную, правда, он тут же вернулся и снова лёг. Не удивительно, что он уже выспался, а вот папе с мамой хотелось поспать ещё.

Папа опять заснул, а Каос продолжал играть, только теперь шёпотом.

— Воскресенье! — чирикала птица-Каось.— Интересно, что это такое? У нас, у птиц, не бывает никаких воскресений. Почему в этот день на улицах так тихо? Ни машин, ни людей. Это день позднего вставания. А вон идут какие-то люди! И машины! И... Кошка! Кошка! Птички, берегитесь! Скорей на дерево, там она нас не достанет. Можно даже подлететь и подразнить её, только осторожно. Смотрите, она делает вид, будто не видит нас. Вот хитрюга! А может, она думает: «Только бы сюда не пришла какая-нибудь собака!» Ведь кошки боятся собак. А сами собаки, даже храбрые, боятся драчливых кошек. И они тоже разговаривают друг с другом. Например, собака лает у себя на дворе, а с соседнего двора ей отвечает другая собака. Я знаю, мне папа рассказывал. Все животные разговаривают друг с другом — и лошади, и коровы, и овцы, и свиньи, и куры, и утки, и гуси.

— Га-га-га-га! — Каосу стало так весело, что он забылся и заговорил вслух.

— Каос, послушай в гостиной музыку! — сказал папа.— В воскресенье утром всегда передают хорошую музыку.

Каосу больше хотелось играть в птиц, но он послушался папу, пошёл в гостиную и включил приёмник. В комнате зазвучала музыка, и, хотя птицы за окном не могли слышать её, Каосу показалось, что они летают под музыку. Ему тоже захотелось полетать под музыку. Тогда он снова стал птицей и закружился по комнате, размахивая руками.

— С добрым утром, птичка! — сказал папа, который наконец проснулся и вышел из спальни. Он сразу понял, что перед ним не мальчик в пижаме и тапочках, а птица.

Папа очистил на кухне три апельсина, разделил их на дольки, похожие на кораблики, положил дольки на тарелку и позвал:

— Эй, птичка, где ты?

— Фью! Фью! — ответил Каос, он умел немного свистеть, если не смеялся.— Фью! Фью!

— Лети к нам, поклюй апельсина!

— Фью! Фью!

Каос пролетел через спальню, сбросил тапочки и сел на папину перину — папа ещё не успел снова лечь. Каос устроился между папой и мамой.

— Какие у тебя холодные ноги! — сказала мама.— Ты бегал без тапочек?

— В тапочках, только очень долго! Потому что вы долго не просыпались!

— А теперь мы проснулись,— сказал папа.— Ешь апельсин и грей ноги у меня под периной.

— Как я люблю воскресенья! — вздохнула мама.— Можно подольше поспать, не торопиться и делать только то, что хочешь.

— Я тоже люблю воскресенья,— откликнулся папа.— Приятно, что можно не одеваясь походить немного в пижаме, как Каос. Вот мы лежим тут и думать не думаем обо всех делах, которые каждое утро подгоняют нас. И не слышим вечного: «Скорей одевайся! Скорей умывайся! Скорей ешь! До свидания! Увидимся вечером!» Сегодня этих слов никто не скажет.

— Да, целое воскресенье мы проведем дома! — мечтательно сказала мама. — Я очень люблю наш Лилипутик, но ведь и дома тоже приятно побыть. Правда?

— Дома? — переспросил папа. — Но ведь и размяться немного тоже надо. Разве мы не пойдём сегодня на лыжах?

— Нет, — решила мама, — не пойдём. Я и так всю неделю «разминаюсь» в аптеке, мне хочется отдохнуть. Давайте погуляем по городу, а потом съездим на автобусе в больницу и навестим ту девочку.

— Ни за что! — сказал папа. — Я хочу хотя бы в воскресенье отдохнуть от автобуса, видеть его уже не могу. Ведь я всю неделю сижу за баранкой!

— Ну и иди на лыжах один! А я буду делать то, что мне хочется!

Папа встал и быстро оделся, совсем как в будни, когда торопился на работу; он уже забыл, что собирался походить в пижаме. Мама тоже встала и быстро приготовила завтрак, словно это был самый обычный рабочий день. Каос один сидел в постели с последней долькой апельсина на тарелке. Что же это такое: папе хочется одного, маме другого? Как быть? Каос залез поглубже под перину — день начался так плохо, что он решил не вставать совсем. Полежав под периной, он надумал спрятаться под кроватями — они стояли придвинутые друг к другу. Раз всё так получилось, он исчезнет. Пусть мама одна едет на автобусе в больницу, пусть папа один идёт на лыжах! Но лежать под кроватями было неприятно: холодный пол, пыль, от которой щекотало в

носу, и к тому же кровати были такие низкие, что он не мог даже пошевелиться.

— Каос, завтрак готов! — сказала мама.

— Каос, завтрак готов! — сказал папа.

Друг к другу они не обращались.

— Завтракайте без меня, — сказала мама, проходя в ванную. — Я хочу полежать в горячей воде, в будни у меня нет на это времени.

Она говорила так, будто папа с Каосом были виноваты, что в будни им всем приходилось спешить!

— Ну что ж, Каос, идём завтракать, — сказал папа, заглянув в спальню.

Но Каоса в спальне не оказалось, не было его и в гостиной.

— Жду тебя на кухне! — крикнул папа.

Ему никто не ответил. Через некоторое время папа заподозрил неладное. Он постучал в дверь ванной:

— Каос у тебя?

Мама высунула в коридор голову в мыльной пене.

— Нет. А разве он не завтракает с тобой?

— Нет. Я не знаю, где он.

Не пришлось маме полежать в ванне, как она собиралась. Она быстро оделась, замотала голову полотенцем, и они с папой начали вместе искать Каоса. Найти его оказалось нетрудно, ведь квартира у них была маленькая. Мама откинула перины, а папа встал на четвереньки и заглянул под кровати. Каос лежал притаившись, хотя ему было холодно и неуютно.

— Вот ты где прячешься! — сказал папа. — Вылезай отсюда и идём завтракать.

— Не вылезу! — сказал Каос. — Сперва ты позавтракай один, потом пусть мама позавтракает одна, а я уж буду завтракать после вас.

— Что ещё за выдумки! — Папа начал сердиться.

— Раз мы все в ссоре, значит, мы все должны есть по отдельности, — объяснил Каос.

— Что-то я не помню, чтобы мы с тобой ссорились, — сказал папа.

— Мы и не ссорились, но раз вы поссорились с мамой, значит, вы оба поссорились и со мной, — заявил Каос.

В это время за окном раздалась такая громкая музыка, что папа с Каосом невольно вздрогнули. Сквозь закрытые окна в комнату проник звонкий голос:

— Спешите к трамплину! Спешите к трамплину! Сегодня закрытие сезона. Весь сегод-

няшний доход пойдёт на строительство спортивных трибун. Билет для взрослого — десять крон, для ребёнка — пять! Запасайтесь бутербродами и приходите к трамплину! Желающие смогут купить там горячие сосиски!

И снова заиграла громкая музыка.

Каос выполз из-под кровати, и мама подхватила его на руки.

— Как ты замёрз! — испуганно сказала она. — Скорей одевайся, а то простудишься!

Наконец они все вместе сели за стол.

— Что тебе больше хочется, Каос, — спросила мама, — пойти с папой на лыжах или погулять со мной?

— Я хочу быть вместе и с папой и с тобой, — ответил Каос. — С кем-нибудь одним из вас я и так каждый день бываю. И ещё мне хочется посмотреть, как прыгают с трамплина.

— Ты был со мной в аптеке и видел, что мне целый день приходится стоять за прилавком, — сказала Каосу мама. — У меня очень устают ноги, и мне хочется хоть одно воскресенье не ходить на лыжах.

— Ты ездил со мной в автобусе, — передразнил маму папа, — и видел, что целый день мне приходится неподвижно сидеть за баранкой. Вот мне и хочется размяться хотя бы в воскресенье.

— Ну и делайте, что вам хочется, — сказал Каос, — а я могу пойти к Пончику или останусь дома один.

Папе стало стыдно.

— Какие же мы глупые! — воскликнул он. — Кто сказал, что нужно делать только

одно или другое? Знаете такое слово — *компромисс*? Оно означает, что люди, несогласные друг с другом, должны немного уступить и придумать такое решение, которое понравится всем.

— Ты уже придумал такое решение? — спросила мама, она больше не сердилась.

— Придумал, — ответил папа. — У меня такой план: сперва мы втроем едем в больницу. Автобус туда идёт в одиннадцать тридцать, мы на него успеем. Но мы возьмём с собой одну вещь, которую положим в багажное отделение.

— Какую вещь, лыжи? — спросила мама.

— Нет, не лыжи, а наши старые санки. Из больницы мы пойдём прямо вверх по склону, на пути у нас будет много подъёмов и спусков, и, если у вас устанут ноги, вы будете съезжать вниз на санках. А там наверху мы выйдем... Угадайте, куда?

— Не знаю, — сразу признался Каос.

— К трамплину! — сказал папа. — Прыжки начнутся не раньше двух, мы поспеем как раз к началу. А если мама к тому времени устанет, мы отпустим её домой. Согласен, Каос?

— Согласен! — воскликнул Каос и с тревогой посмотрел на маму: как она?

— Я тоже согласна! — сказала мама.

У всех сразу появился аппетит, они быстро поели, убрали со стола и оделись потеплее. Папа с Каосом достали из подвала большие санки с мягким сиденьем. Санками давно не пользовались, они потемнели и запылились, но папа протёр их влажной тряпкой. Пришла

мама, и они поспешили к автобусу. Каос ехал на санях, а папа с мамой были лошадьми. Они успели в самый раз и снова покатали по той дороге, по которой вчера ехал маленький голубой автобус, вообразивший себя ненадолго «скорой помощью».

В больнице мама зашла к дежурному врачу, чтобы узнать, пустят ли их к больной девочке. Вскоре она вернулась.

— Нам разрешили навестить её, только у нас мало времени, потому что у них скоро обед,— сказала мама.

— Завтрак,— поправил её Каос.

— Нет, обед, в больницах обедают в двенадцать часов,— объяснила ему мама.

— Ах, не догадались, надо было принести девочке какой-нибудь подарок,— спохватился папа.

— Не беспокойся, я не забыла об этом,— сказала мама и вынула какой-то пакет.

— Что это? — заинтересовался Каос.

— Альбом для рисования,— сказала мама.— Я купила его для тебя, но тебе недавно подарила альбом Эва, в нём ещё много чистых страниц. Вот я и подумала, что этот можно подарить девочке.

— Правильно! — Каос обрадовался за девочку — ведь все дети любят получать подарки.

— Ты сам и отдашь его ей,— сказала мама.

Они вошли в большой просторный зал, в котором было много-много детей. Одни сидели в своих кроватях, другие — лежали, эти, наверно, ещё не поправились.

— Я забыла, как её зовут,— прошептала мама.

— Я тоже,— прошептал папа.

— Мы говорили про неё «девочка, которая проглотила таблетки»,— сказала мама.— Я так и по телефону спросила.

— А я помню,— вмешался Каос,— её зовут Олауг.

— Хорошо, что ты поехал с нами,— сказала мама.— А теперь давайте найдём, где она лежит.

Мама пошла по залу, Каос — за ней. Вдруг он остановился.

— Вот она! — воскликнул он, показав на девочку, лежавшую на кровати.

Олауг не узнала папу и маму и даже немножко испугалась, но при виде Каоса на лице её мелькнула улыбка — его она запомнила, несмотря на то что вчера ей было очень плохо.

— Возьми, это тебе! — Каос протянул Олауг пакет.— И пожалуйста, не ешь больше никаких таблеток!

— Не буду! — Олауг кивнула ему и раскрыла пакет, там лежал альбом и пачка цветных карандашей.

Олауг обрадовалась и хотела сразу же приняться за рисование, но в это время двери распахнулись и в палату вошли сёстры с подносами, на которых стояли тарелки. Начался обед. В первую очередь сёстры ставили тарелки тем детям, которые лежали в кроватях.

— Нам пора уходить,— сказала мама.— Скажи своей маме, Олауг, что мы ждём вас в

гости. Когда ты поправишься, конечно. Мы живём в Газетном доме возле водопада. Этот дом знают все.

А Каос сказал:

— У вас на обед мясные тефтели. Я по запаху догадался. До свидания, Олауг!

— А как зовут тебя? — спросила Олауг.

— Карл Оскар.

Каос и сам не знал, почему он назвал своё полное имя, ведь его никогда так не называли. К счастью, папа с мамой не поправили Каоса. Было бы очень некстати, если б они сказали: «Вообще-то мы никогда не зовём его Карл Оскар, мы зовём его просто Каос, он сам так себя называл, когда был маленький».

— До свидания, Карл Оскар,— сказала Олауг.— Доктор обещает, что завтра я уже поеду домой.

— Надеюсь, так и будет,— сказала на прощание мама, и они ушли.

Как и вчера, Каос, выйдя на улицу, с наслаждением вдохнул свежий воздух. Приятно чувствовать себя здоровым и сильным! Он сам вёз санки, пока не устал, но это было уже на вершине пригорка. Узкая тропинка сбегала отсюда вниз. Ещё ни один человек не прошёл по ней сегодня. Папа лёг ничком на сани, мама с Каосом сели к нему на спину, папа оттолкнулся руками, и сани заскользили вниз. Потом на санки легла мама. Они смеялись и барахтались в снегу. Им было очень весело. Со стороны казалось, будто играют двое детей и один взрослый. И этим взрослым был Каос.

Возле трамплина

Ни один человек, глядя на папу, маму и Каосу, не сказал бы, что сегодня утром они поссорились и обиделись друг на друга. К трамплину пришло много народу, все были весёлые и много смеялись. И Каосу было любопытно: неужели и эти люди тоже ссорились дома, прежде чем пришли сюда?

— Откуда мы будем смотреть на прыжки, сверху или снизу? — спросил папа.

— Мне больше нравится наверху,— ответила мама.

— А деньги ты взяла? У меня с собой мало.

— Деньги у меня есть, сегодня я плачу за вас! — пошутила мама и сказала кассиру: — Два взрослых и один детский!

— И одни сосиски! — быстро вставил Каос, он помнил, что утром объявляли и про сосиски.

— Не спеши, Каос,— засмеялась мама.— У нас вся еда с собой. К тому же тут продают только билеты, а не сосиски. Пошли наверх!

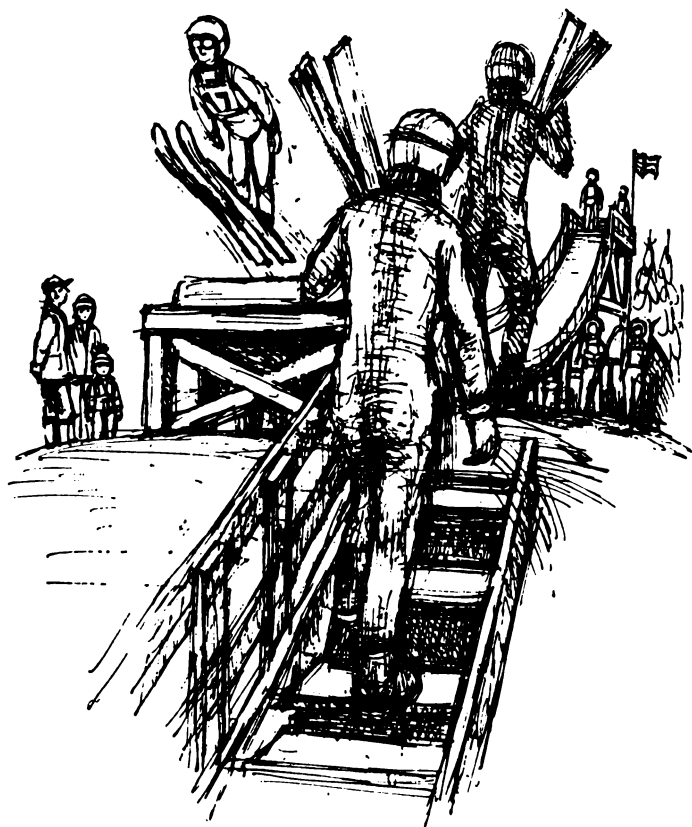
Они долго поднимались по склону, таща за собой тяжёлые санки. Наверху оказалось неожиданно просторно. Папа поставил санки с краю площадки и сказал:

— Сидеть на них мы сейчас не будем.

Прыжки должны были вот-вот начаться.

Неожиданно почти рядом с Каосом кто-то заиграл на трубе. Все встрепенулись: по трамплину уже мчался первый лыжник. Каос не раз видел прыжки с трамплина по телевизору, а прошлой зимой — здесь же, но ведь это было давно! По телевизору показывали большие трамплины, а у них в городе трамплин был небольшой. Зато как интересно стоять совсем рядом с ним! И при этом нужно соблюдать осторожность, чтобы самому не скатиться со склона.

А люди кругом смеялись, кричали, махали руками... Каос слышал скрип лыж, слышал, как лыжник не то крикнул что-то, не то запел, когда его лыжи оторвались от трамплина и он

взлетел в воздух. И Каос как будто взлетел вместе с ним и приземлился далеко внизу. Красота!

Снова заиграла труба. По трамплину мчался уже новый лыжник, потом ещё и ещё. Все они со страшной скоростью проносились мимо Каоса и взлетали в воздух. Приземляясь, они как будто сжимались и, присев, летели вниз по склону в облаках снежной пыли. И опять

Каосу казалось, что это он сам мчится там, по склону. Один из лыжников упал и не сразу встал, к нему подбежало несколько человек.

— Он разбился? — испуганно спросила мама.

— Не думаю, скорее всего просто растерялся,— успокоил её папа.

К счастью, он оказался прав. Через несколько минут лыжник встал и поехал прочь.

Мама с облегчением вздохнула.

После этого падения на дорожке осталась яма, её быстро заровняли, утоптали лыжами, и вскоре всё было в порядке. Снова затрубил трубач, и на площадку вышел новый лыжник, за ним ещё, ещё и ещё...

Каосу казалось, что прошло уже очень много времени. У него замёрзли ноги, он стучал ими друг о дружку и прыгал, чтобы немного согреться.

— Давайте спустимся вниз и поедём,— предложила мама. И они начали спускаться.

Склон был очень крутой. Каос поступил просто: он сел на снег и покатился вниз. Мама последовала его примеру. А папа спускался медленно и осторожно, таща за собой тяжёлые санки. Каос удивлялся, почему папа не съехал вниз на санях, но, видно, папа решил, что он слишком солидный человек для такой забавы.

Наконец они были внизу. Здесь тоже толпилось множество народу, однако было гораздо просторнее, чем наверху, и трамплин отсюда был виден весь целиком. По ту сторону дорожки мелькнули знакомые лица: мужчина и женщина везли инвалидную коляску, а в ней, укутанный пледом, сидел Бьёрнар!

Вообще-то это была не коляска, а сани, и они легко скользили на полозьях, приделанных дядей.

— Давайте перейдём к ним! — предложил Каос.

— Сейчас нельзя, — остановил его папа. — Лыжник может наехать на тебя. Ведь он несётся со скоростью поезда и не сможет остановиться, даже если увидит, что у него на пути стоит маленький мальчик.

— Подождём до перерыва, уже недолго, — сказала мама.

— Ты устала? У тебя болят ноги? — спросил у неё Каос.

— Нет, — ответила мама. — Я остаюсь с вами. Давайте сядем на санки и поедим.

Они удобно устроились на санях и принялись за еду, и многие, у кого тоже устали ноги, смотрели на них с завистью.

— Каос, здравствуй! Мама, тут Каос! — пропищал тоненький голосок у них за спиной.

Каос быстро обернулся. Это был Пончик, они с мамой тоже пришли посмотреть на прыжки с трамплина. Каос очень обрадовался и тут же затеял игру. Он быстро сделал из снега маленький трамплин, и они с Пончиком стали прыгать с него. У них не было лыж, но их это не смущало. Каосу, который немного замёрз к тому времени, стало даже жарко.

— Сейчас будет перерыв, — сказал папа.

Вскоре заиграла музыка, на трамплине не осталось ни одного лыжника, начался перерыв.

— Как хорошо, что я не ушла домой! — призналась мама. — Здесь так весело! Идёмте на ту сторону, к Бьёрнару.

Пончик тоже захотел идти с Каосом на другую сторону и потянул за собой свою маму. Через лыжную дорожку к Бьёрнару направились целое шествие. Бьёрнар издали увидел их. Конечно, он обрадовался друзьям, но главное, ему хотелось показать им, что он времени даром не теряет: у него была записана длина каждого прыжка.

Каос поздоровался с Эвой и Бьярне, так звали папу Бьёрнара, и стал рассказывать Бьёрнару и Пончику про аптеку, про Олауг, про больницу и голубой автобус, которому пришлось вчера быть «скорой помощью».

— Она наелась драже! — воскликнул испуганно Пончик, услышав про таблетки.

— Вот видишь, — вздохнул Каос, — Пончик так ничего и не понял, хоть он совсем не глупый. Что же делать с теми, кто меньше,

чем он? Ведь они тоже могут отравиться, как Олауг!

— Не бойся, мы с тобой что-нибудь придумаем,— успокоил его Бьёрнар.

На трамплине дали сигнал, и прыжки начались снова. Каос видел, что там, на площадке, лыжник уже приготовился к старту. Вот он взлетел в воздух, и у Каоса от страха даже зашепотало где-то внутри. Он взглянул на Бьёрнара: глаза у Бьёрнара были отсутствующие — видно, он мысленно прыгал вместе с каждым лыжником и у него, как у Каоса, тоже щепотало в животе от страха.

Один лыжник сменял другого.

— А этого я знаю! — вдруг воскликнул папа.— Он работает на бензоколонке. И этого тоже, он дружит с Хансом, моим сменщиком.— Папа знал многих.

Они оставались у трамплина до самого конца соревнований, хотя вид взлетающего в воздух лыжника больше не удивлял их. Но вот прыжки кончились, снова заиграла музыка, и зрители потянулись к городу. Маме с папой захотелось немного пройтись — они слишком долго стояли неподвижно,— и они решили проводить Бьёрнара с его родителями до самого дома. Пончик и его мама тоже присоединились к ним.

Не спеша они дошли до дома, где жил Бьёрнар, и ещё долго разговаривали у крыльца. Вдруг Эва встрепенулась:

— Давайте пойдём все к нам обедать! — предложила она.— Приготовим вместе, как мы говорим, «весёлый» обед из того, что найдётся дома, и поедим. Бьёрнар будет рад, он любит,

когда к нам приходят гости, а это бывает нечасто.

Каос с испугом посмотрел на папу и маму. Только бы они сейчас опять не поссорились! Только бы мама не сказала: «Я так устаю на работе, что мне хочется отдохнуть дома!» Только бы папа не сказал: «Нет, я, знаете, и так сижу целую неделю за баранкой, мне хочется пробежаться немного на лыжах. Утром я не успел!»

Но ничего такого ни один из них не сказал. Папа с мамой переглянулись, а потом посмотрели на Каоса.

— Мы согласны,— сказали они,— а что ты скажешь?

— Скажу, что мне это очень даже нравится! — выпалил Каос.

Пончик и его мама тоже с радостью приняли приглашение Эвы.

Бьярне подвёз коляску к самой двери, покрутил ручку, полозья поползли вверх, колёса опустились вниз, и Бьёрнар самостоятельно въехал в дом. Эва только распахнула перед ним дверь.

— Идёмте на кухню, посмотрим, что у нас найдётся для обеда,— предложила она всем.

— А что ты бы приготовила, если бы мы не пришли? — спросила мама Каоса.

— У меня есть три отбивные, но на всех этого мало,— сказала Эва.— Есть морковь, есть капуста и картошка.

— А молоко и яйца у тебя есть? — поинтересовался Каос.

— Есть,— удивлённо ответила Эва.— А разве ты умеешь готовить?

— Я — нет,— ответил Каос.— Но мой папа умеет готовить очень вкусные морковно-капустно-картофельные котлеты!

— Это верно! — засмеялся папа.— Только жарить столько котлет очень долго, давайте придумаем что-нибудь другое.

— Мы сделаем «бомбу»! — решила мама Каоса.— Смешаем всё, что у нас есть, слепим из этого «бомбу» и запечём её в духовке.

— Тогда командуй, что кому делать,— предложила Эва.

— Пусть кто-нибудь смажет жиром противень! — распорядилась мама.

— Доверьте это мне,— попросил Бьярне.— С этим делом я справлюсь!

— Хорошо, ты отвечаешь за противень. Теперь надо почистить морковь и капусту, мелко нарезать и чуть-чуть проварить. Потом сделаем белый соус, только погуще, молоко и яйца нам очень кстати. И не забыть бы нарезать твои отбивные!

— У меня есть немного вчерашних макарон,— сказала Эва.— Может, они пригодятся?

— Ещё как! — улыбнулась мама.

— И лук-порей! — Эва доставала из шкафа всё, что там было: баночку горошка, несколько яблок.

Все принялись за работу. Бьёрнар чистил морковь, он давно научился её чистить. Папа Каоса чистил и резал капусту. Каос, Пончик и его мама чистили картошку и начистили её столько, что одной этой картошкой все могли бы наесться до отвала. Так сказал Бьярне, который, смазав жиром противень, принялся взбивать белки. Мама Каоса готовила

густой белый соус. Эва сложила в большую миску варёные овощи и поставила их остывать.

Потом Эва вылила в овощи желтки и белый соус, перемешала всё и добавила взбитый белок. Всю массу выложили на противень, получилась большая «бомба». Эва посыпала её сверху толчёными сухарями, а мама Каоса — тёртым сыром, и противень поставили в духовку. Теперь эта необычная «бомба» должна была запечься.

— Больше мы здесь не нужны, идёте в гостиную,— предложила Эва.

— А Каос и Пончик пойдут ко мне! — сказал Бьёрнар.

У Бьёрнара было много разных игрушек, и Пончику разрешили все их трогать и во все играть. Первым делом он стал строить из кубиков дома и замки.

— Каос, расскажи мне снова, что сделали с девочкой, которая наелась этих таблеток,— попросил Бьёрнар.

— Сначала её отвезли в больницу на голубом автобусе. Он мчался, как «скорая помощь»! А там мама сказала, что ей нужно немедленно промыть желудок.

— А как его промывают?

— Мама сказала, что ей в пищевод вставят резиновую трубку и нальют в желудок много воды, а выльется она сама. И с ней выльется весь яд.

— Вот и нарисуй это! — предложил Бьёрнар.— Возьми на столе лист бумаги и нарисуй аптеку и женщину, которая несёт на руках больную девочку. Как девочку зовут?

— Олауг,— ответил Каос.— А ей я сказал, что меня зовут Карл Оскар.

Но Бьёрнар не обратил внимания на эти слова, он уже что-то писал большими буквами.

— Слушай, можно при нём играть в нашу игру? — спросил Бьёрнар, закончив надпись, и незаметно показал на Пончика.

Каос так же незаметно кивнул:

— При нём всё можно. Пусть он играет с кубиками, а если захочет, мы можем принять его в игру, он нам не мешает.

— Хорошо, тогда начинаем,— сказал Бьёрнар.— Моя коляска заколдована, она может превращаться в самолёт, в лодку, в волшебный экипаж. Только для этого нужна волшебная палочка. Каос, принеси из кухонного шкафчика «ёжик» для мытья бутылок. Это такая щётка на длинной железной ручке.

Каос побежал на кухню, Эва, открыв духовку, проверяла, как запекается «бомба».

— Смотри, как красиво,— сказала она Каосу.— Но ещё не готово. Да и картошка тоже ещё не сварилась. Вон сколько еды, а я боялась, что будет мало.

— Угу,— буркнул Каос, еда его сейчас не интересовала.— Дай мне, пожалуйста, что-то для бутылок, я забыл, как это называется. Бьёрнар сказал, что это лежит в шкафчике.

— Понятно.— Эва наклонилась и достала из шкафчика «ёжик».— Возьми.

Каос с удивлением взял «ёжик». «Какая странная волшебная палочка!» — подумал он, но, честно говоря, он ни разу в жизни не видел ни одной волшебной палочки и не знал, как они выглядят.

Бьёрнар взял «ёжик», подъехал к своему секретеру, достал оттуда алюминиевую фольгу и обернул ею весь «ёжик». Фольга засверкала как серебро, и Каос больше не сомневался: это была самая настоящая волшебная палочка!

Волшебный экипаж

Волшебный экипаж уже собирался отправиться в путь, но Каос остановил его:

— Подожди, Бьёрнар, я тоже поеду с тобой, вот только принесу из кухни табуретку!

— Тогда принеси две, Пончик тоже поедет с нами,— сказал Бьёрнар.

Пока Каос и Бьёрнар говорили про больницу и Олауг, Пончик, не обращая на них внимания, играл в кубики, но как только Каос принёс из кухни две табуретки и поставил их за коляской ножками вверх, он тут же подскочил к ним. Строя свои замки, он слышал всё, что говорили Каос и Бьёрнар.

— Ты тоже поедешь с нами,— сказал ему Каос.— Только обещай, что не будешь мешать Бьёрнару вести наш экипаж, нам до обеда надо побывать во многих местах.

Пончик сразу понял смысл игры и влез в перевёрнутую табуретку, это ему понравилось.

— Сейчас наш экипаж вылетит в окно, и никто этого не заметит! — объявил Бьёрнар.

— А куда мы полетим, в аптеку? — спросил Каос.— Ведь всё началось в аптеке.

— Нет, мы полетим в больницу,— ответил Бьёрнар, он много лежал в больницах и знал, какие там порядки.— С кем мы будем разговаривать в больнице, с доктором или с сестрой?

— С доктором,— сказал Каос.— С сестрой мы уже разговаривали.

— А в больницах, где я лежал, были и сёстры и братья,— сказал Бьёрнар.— И врачи были и мужчины и женщины. Но в этой больнице у нас будет врач мужчина.

«Здравствуйте, доктор! Скажите, пожалуйста, как, по-вашему, многим ли детям сегодня пришлось промывать желудки из-за того, что их родители забыли убрать лекарства?»

«Думаю, что многим,— ответил Бьёрнар за воображаемого доктора.— Особенно если считать все случаи в Норвегии и кое-какие за границей. Даже не знаю, как внушить родителям, что нельзя оставлять лекарства на виду у детей».

«Вам помогут дети,— успокоил «доктора» Бьёрнар.— Мой друг Каос нарисовал ребёнка, которого привезли в больницу, чтобы сделать

Взрослые!

Прячьте лекарства,

А то ВАШИМ ДЕТЯМ
ПРИДЁТСЯ ДЕЛАТЬ
ПРОМЫВАНИЕ ЖЕЛУДКА!!!

ему промывание желудка. Мы хотим поместить этот рисунок в газету с такой надписью: «Взрослые! Прячьте лекарства, а то вашим детям придётся делать промывание желудка!»

«Прекрасная мысль! — сказал «доктор». — Желаю вам успеха!»

Волшебный экипаж покинул больницу и тут же стал поездом — Бьёрнару захотелось переменить транспорт.

— Мы должны объехать всю Норвегию,— сказал Бьёрнар,— а это лучше всего сделать на поезде. Нам придётся выходить на каждой станции и разговаривать с разными людьми. Вот мы входим в первый дом, тут живёт семья, у которой много детей. Их мама как раз дома. Каос, ты будешь говорить за маму.

— Нет, лучше говори ты,— испугался Каос.— У меня не получится, ведь я с ней не знаком.

— Ладно! — согласился Бьёрнар.

«Здравствуйте, мамаша! Скажите, пожалуйста, где у вас в доме лежат лекарства, могут ли ваши дети сами их достать?»

«Что вы, конечно, нет! Мы всегда прячем лекарства от детей,— ответила воображаемая мамаша, но тут же волшебная палочка в руках у Бьёрнара зашевелилась, и все увидели, что на столе под скатертью лежит коробочка с таблетками.— Простите,— сказала «мамаша»,— я только сегодня забыла убрать лекарство. Но это таблетки от головной боли, они совсем не опасные».

«Не опасные для взрослых, но опасные для детей»,— строго проговорил Бьёрнар.

«Об этом я не подумала! Спасибо, что предупредили».

— А теперь, Каос, мы поедem к тебе в Газетный дом,— сказал Бьёрнар.— Только уже не на поезде, а на мотоцикле. Держись, Пончик! Т-р-р-р! Ну, вот и Газетный дом!

— А как мы поднимемся по лестнице? — спросил Каос, забыв, что заколдованная коляска может превращаться во что угодно.

— Сейчас я взмахну палочкой, и наша

коляска превратится в воздушный шар,— сказал Бьёрнар.— На какой этаж нам надо подняться?

— Сперва на третий,— ответил Каос.— Там редакция, а на втором этаже — типография.

— Сиди спокойно, Пончик, мы поднимаемся на шаре!

Никогда в жизни Пончик не играл в такую интересную игру. От восторга глаза у него стали круглые, он ни минуты не сомневался, что поднимается на настоящем воздушном шаре.

— С кем твой папа разговаривал в тот раз, когда напечатали наш рисунок про космос? — спросил Бьёрнар.

— Кажется, он назывался редактором.

— Пошли к редактору. Рисунок готов, подпись к нему я тоже уже сделал.

Они как будто вошли в кабинет к редактору, там стоял большой-пребольшой письменный стол.

«По понедельникам мы обычно не печатаем в номере никаких детских материалов,— сказал Бьёрнар за воображаемого редактора.— Вы, кажется, принесли детский рисунок?»

«Рисунок детский,— согласился Бьёрнар,— но нам очень важно, чтобы его как можно скорее увидели все взрослые».

«Согласен,— сказал «редактор», посмотрев рисунок.— Я напечатаю ваш рисунок. Правда, я сейчас очень занят, и вам придётся самим отнести его в типографию. Вот вам записка, чтобы вы знали, к кому следует обратиться».

Воздушный шар выскользнул из двери и опустился на втором этаже.

В типографии стоял грохот от печатных станков.

— У вас так всегда грохочет над головой? — испуганно спросил Бьёрнар у Каоса.

— Нет, — ответил Каос. — Мы живём в том конце дома, который ближе к водопаду. У нас грохочет водопад.

Они вошли в типографию. Здесь можно было не разговаривать, из-за грохота их всё равно никто бы не услышал. Какой-то человек взял у них рисунок, прочёл подпись, сделанную Бьёрнаром, и записку редактора.

«Хорошо! — прокричал Бьёрнар за работника типографии. — Мы успеем напечатать ваш рисунок в завтрашнем номере».

Воздушный шар медленно заскользил вниз.

— Сколько газет напечатают рисунок? — вдруг спросил Пончик.

— Сто, это уж точно, — ответил Каос.

— Не сто, а несколько тысяч, — поправил его Бьёрнар. — Ведь эта газета продаётся не только у нас в городе, но и во всей округе. В горах...

— И внизу, в долине, — перебил его Каос. — Мой дядя всегда её покупает.

— Ну вот, мы выполнили важное задание, — сказал Бьёрнар. — Но волшебному экипажу хочется поездить ещё. Куда мы поедем теперь?

— Давайте поедем в Лилипутик, — предложил Каос. — Пусть волшебный экипаж превратится в оленью упряжку!

— Это ты хорошо придумал, — похвалил

его Бьёрнар.— Мне уже давно хочется посмотреть вершину Высокой.

— Тогда нам надо потеплее одеться,— сказал Каос.

— И взять с собой солнечные очки,— подал голос Пончик, он помнил, что мама в горах надевала ему солнечные очки, чтобы у него не заболели глаза от сверкавшего на солнце снега.

— И намазать лицо кремом,— поддержал его Каос,— а то мы обгорим и у нас слезет кожа.

— Кожа — это не страшно,— заметил Бьёрнар,— но можно и побережься. Каос, сбегай в ванную, там на полочке лежит тюбик с вазелином, принеси его сюда.

— Но ведь мы ещё возле Газетного дома! — напомнил ему Каос.

— Верно, я совсем забыл,— признался Бьёрнар.— Сейчас я взмахну палочкой — и мы окажемся у нас. Раз, два, три! Теперь можешь бежать за вазелином!

Каос принёс вазелин, и они все трое жирно намазали себе лица.

Наконец волшебный экипаж снова тронулся в путь. Сперва он был ещё воздушным шаром, но за пределами города превратился в нарты, их везли шесть оленей. Олени быстро мчали упряжку через лес.

— Если нам попадётся встречный автомобиль, ему придётся съехать на обочину, чтобы пропустить нас,— сказал Бьёрнар.

— Давайте лучше поедем прямо по насту,— предложил Каос, он подумал, что голубой автобус не сможет разминуться с упряж-

кой на такой узкой дороге.— Ну вот, мы уже поднялись высоко в горы,— продолжал он, подражая Бьёрнару.— Чувствуете, как здесь пахнет морозный воздух? Ещё здесь немного пахнет дымом, потому что все топят печи. Сейчас мы проедем мимо двух гостиниц, потом будет туристская база, но нам надо дальше. Видите, сколько тут лыжников? И все они смотрят на нас! Мы едем прямо в Лилипутик?

— Нет,— сказал Бьёрнар.— Сперва на вершину Высокой. Мне хочется наконец увидеть её своими глазами.

— Пончик, ты едешь с нами? — спросил Каос.

— Да! — Пончик держал в руках шнурок — это были вожжи, и он правил упряжкой.

— Там очень круто, упряжке не пройти,— сказал Каос.— Нам придётся подняться по гребню, который проходит рядом с вершиной.

— Пешком? — испугался Бьёрнар.

— Нет, там можно проехать верхом на оленях,— успокоил его Каос.

— Ладно. Как будто наши олени идут очень медленно, потому что им тяжело,— сказал Бьёрнар.

— Чувствуете, как тут наверху холодно? — спросил Каос.

— Хорошо, что мы намазались вазелином, а то отморозили бы себе носы! — засмеялся Бьёрнар.— Ну вот, выше уже подниматься некуда. Каос, расскажи, что нам отсюда видно?

— Отсюда виден весь мир,— серьёзно ответил Каос.— И ещё несколько вершин там вдали.

— Ну, а теперь едем в Лилипутик! — воскликнул Бьёрнар.

Они быстро спустились по гребню, пересели на нарты и поехали к Лилипутику. Наст хорошо держал и оленей и нарты.

— Вон, вон Лилипутик! — закричал Каос.

— А что это за звуки? — удивился Бьёрнар.

Все трое прислушались — поблизости слышалась не совсем обычная музыка.

— Это мой дядя играет на флейте! — воскликнул Каос.— Как будто он ждёт нас в Лилипутике и играет там на флейте, чтобы мы не заблудились.

— Расскажи, как там у вас внутри, чтобы мы знали,— попросил Бьёрнар.

— В гостиной у нас камин и раскладная скамья, в ней под сиденьем сундук, там я храню свои игрушки. Ещё там есть кухня с плитой и спальня, в ней стоят две двухэтажные кровати. Ещё...

— Бьёрнар! — крикнула Эва из гостиной.— Угадай, кто к нам пришёл? И ты тоже, Каос!

— Мы уже угадали, это дядя Каоса,— ответил Бьёрнар.— Мы слышали, как он играл на флейте. Сперва мы подумали, что он играет в горах, а потом догадались, что он пришёл к нам. Мы играем, как будто мы у Каоса в Лилипутике.

Эва вошла в комнату и остолбенела, увидев их блестящие от вазелина лица.

— Что вы с собой сделали? — испугалась она.

— Ничего особенного,— спокойно ответил

Бьёрнар.— Мы намазались вазелином, чтобы не отморозить носы и щёки. Мы поднимались на вершину Высокой.

— А я пришла пригласить вас обедать,— сказала Эва.

Каос и Пончик быстро вылезли из своих табуреток, а Бьёрнар превратил волшебный экипаж снова в инвалидную коляску. В доме не было ни одного порога, и он легко ездил из комнаты в комнату.

Мальчики все вместе вошли в гостиную.

— Здесь пахнет совсем как в горах,— сказал Бьёрнар, принюхиваясь,— дымом и ещё чем-то вкусным!

— Духовка! — воскликнула Эва, и все бросились на кухню смотреть, не сгорела ли «бомба».

Эва открыла духовку: «бомба» получилась большая и золотисто-коричневая. Эва вытащила противень и установила его сразу на две подставки. И тут же рядом поставила горку тарелок, ножи, вилки и большое блюдо с варёной картошкой.

Каждый накладывал себе сам, сколько хотел, а потом устраивался, где ему больше нравилось. Кто на стульях, а кто прямо на ковре в гостиной. Бьёрнар сидел в своей коляске, Каос и Пончик — на табуретках рядом с ним.

«Бомба» всем пришлась по вкусу, особенно мальчикам, а может, они просто очень проголодались — ведь они сегодня не только гуляли у трамплина, но ездили и в больницу, и по стране, были в Газетном доме, поднимались на вершину Высокой и побывали в Лилипутике.

Ничего удивительного, что им захотелось есть.

Гости оставались у Бьёрнара до самого вечера. Перед их уходом Бьёрнар сказал:

— Каос, захвати рисунок с собой! Покажите его в Газетном доме, может, его тоже напечатают в газете.

Папа внимательно посмотрел рисунок и прочёл подпись, сделанную к нему Бьёрнаром.

— Мы вместе зайдём в редакцию, Каос,— сказал он.

Дьма они сразу поднялись прямо на третий этаж. Несмотря на воскресный день, редактор сидел у себя в кабинете — он пришёл проверить, всё ли готово к выпуску завтрашнего номера. Папа с Каосом рассказали ему про Олауг, которая отравилась таблетками.

— Хорошо, что вы пришли с этим материалом,— сказал редактор.— Мы напечатаем ваш рисунок, хотя по понедельникам у нас и не бывает детской странички.

Довольные Каос и папа вернулись домой и всё рассказали маме.

— Я рада за вас,— улыбнулась мама.— А теперь и нам не мешает проверить, не лежат ли у нас дома на видном месте какие-нибудь опасные таблетки.

— Конечно, нет,— гордо ответил папа.— Мы же следим за этим!

— Сейчас посмотрим...— сказала мама.— Пожалуйста, в кухне на окне стоит флакон с таблетками железа!

— Совершенно верно! — воскликнул папа.— Это я купил для тёти и забыл их на окне. Она их заберёт, когда приедет в город. Но эти таблетки не опасные.

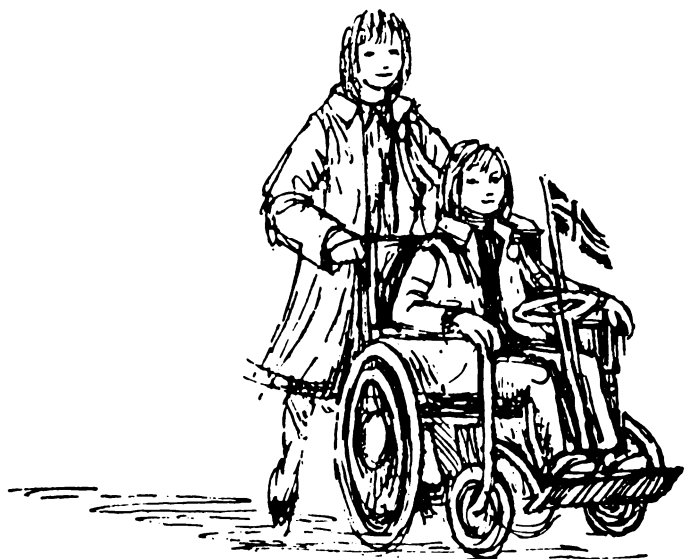
— Ошибаешься,— возразила мама.— Для маленьких детей они даже очень опасны. Сколько детей угодило в больницу именно из-за этих таблеток!

— Придётся тебе следить за нами, Каос,— сказал папа.

— Хорошо, я буду следить,— серьёзно пообещал Каос, и, хотя взрослые каждый день доставляли ему много забот, он не сердился на них.

17 мая

Каждый год в этот день водопад Ветлебю неизменно приходил в изумление. Он привык к тому, что его голос заглушает в городе все остальные звуки. Весной он всегда бывал особенно полноводным и шумным и ничего не слышал, кроме себя. Но 17 мая¹ какие-то звуки неизменно заглушали его грохот.

Это играл духовой оркестр! И не один, а сразу несколько. Один духовой оркестр, который обычно играл в городе весной и летом, был водопаду не страшен, он к нему привык.

Но в этот день все оркестры Ветлебю собирались на площади перед Газетным домом

¹ 17 мая — День норвежской конституции.

и оттуда двигались по Главной улице. Они как будто говорили: «Скорее, скорее! Приходите все, кто хочет увидеть праздничное шествие детей!»

Бьёрнар не очень радовался празднику. Его папа работал в другом городе и редко приезжал домой. В прошлом году, например, его не было дома в этот день. Правда, если говорить честно, Бьёрнар с Эвой совсем неплохо провели прошлогодний праздник. Когда началось шествие детей, Эва вывезла Бьёрна на Главную улицу. Все расступились и пропустили его в первый ряд, чтобы ему было хорошо видно. Но как обидно было сидеть в коляске, когда играла такая весёлая музыка! Как веселились все, кто шёл за оркестром! Они кричали так громко, что порой даже заглушали музыку. В конце концов Бьёрнару надоело смотреть на шествие, и они ушли домой.

Но сегодня всё было иначе. Сегодня папа, мама и Каос пригласили Бьёрнара с Эвой к себе в Газетный дом. Оттуда они должны были увидеть и духовые оркестры, идущие утром на парад, и праздничное шествие детей.

На площади перед Газетным домом в этот день всегда бывало очень интересно, особенно утром, поэтому Эва с Бьёрнаром вышли из дома пораньше. Уже одно это было необычно и потому интересно. Утро выдалось холодное, и Бьёрнару пришлось надеть тёплую куртку, а Эве — пальто. Оба прикрепили к одежде ленточки с синей, белой и красной полоской — это были цвета норвежского национального флага; кроме того, Бьёрнар привязал к рулю коляски маленький норвежский флажок. Руль на коляске так и остался, хотя полозья, сделанные дядей, давно сняли, потому что снег в городе уже сошёл. Лишь в лесу под деревьями ещё белели сугробы, напоминая о прошедшей зиме. Вozить коляску теперь было легко.

В такую рань движения ещё не было, и они ехали прямо посредине улицы. То тут, то там неожиданно раздавались выстрелы, Эва пугалась и вздрагивала. Это пускали петарды.

— Ты смотри по сторонам,— посоветовал ей Бьёрнар,— тогда сразу увидишь, откуда ждать сюрприз.

— Ты прав. Я просто забыла, что 17 мая всегда пускают петарды.

— А почему мы пошли по Верхней улице? — спросил Бьёрнар.

— Ты знаешь небольшую школу к югу от города? Чтобы ученики могли принять участие в детском шествии, их привозят в Ветлебю на

автобуса, а вот оркестр этой школы всегда идёт пешком.

— И он пройдёт как раз по Верхней улице, да? По-моему, он уже слышен!

— Похоже, что так. По времени они уже должны быть здесь. Поедем потихоньку вперёд, они нас догонят.

— Не вперёд, а назад, им навстречу! — Бьёрнар схватился за колёса.

— Ну что ж, тогда разворачивайся!

Они повернули и поехали назад, навстречу оркестру. В груди у Бьёрнара громко звучала музыка — никогда в жизни он не находился так близко от духового оркестра.

— Отпусти коляску, я поеду сам! — попросил он Эву.

Крутя колёса руками, Бьёрнар ехал за оркестром. Ему казалось, что он тоже участвует в демонстрации и оркестр играет для него одного.

«Хоть бы они играли подольше!» — думал Бьёрнар. Слушаясь музыки, он ехал то быстро, то медленно. Эва не мешала ему, она молча шла рядом, и ей тоже хотелось, чтобы это продлилось подольше.

17 мая в городе все жили под музыку. Даже мелкие водопадики, которых здесь было очень много, подчинялись её ритму.

Оркестр свернул на улицу, которая круто спускалась к центру. Эва и Бьёрнар свернули вслед за оркестром. Теперь Эве пришлось придерживать коляску, чтобы она не ехала слишком быстро, а то Бьёрнар врезался бы в самую гущу музыкантов.

Так вместе с оркестром они вышли на

площадь к Газетному дому, мосту и водопаду. Тут было столько людей, что Бьёрнару пришлось остановиться. Даже автомобили и те пережидали, пока пройдёт демонстрация.

— Идём к Каосу,— сказал Бьёрнар, глядя вслед удаляющемуся оркестру.

В это время у них за спиной засигналил какой-то автомобиль. Они оглянулись, это был маленький голубой автобус. Он возвращался из своего первого рейса, и вёл его папа Каоса. В честь праздника автобус был вымыт до блеска и украшен флагами. Автобус остановился, чуть-чуть потанцевал и приветствовал Эву и Бьёрнара двумя сигналами. Папа помахал рукой им и Газетному дому. Мама стояла в окне, но Каоса с ней не было.

Бьёрнар проехал за угол и попал прямо во двор. Там играла музыка. Правда, она была не очень похожа на музыку духового оркестра, но всё-таки это был оркестр, и состоял он из крышек от кастрюль, трубы и игрушечного барабана. И играли на них Каос и Пончик! Они так увлеклись, что даже не заметили Эву и Бьёрнара.

— Каос, посмотри, кто пришёл! — крикнула мама, выходя на крыльцо.

Каос привык бывать у Бьёрнара, но не привык видеть Бьёрнара у себя; он растерялся.

— Останетесь во дворе или пойдёте домой? — спросила мама.

— Каос, давай поиграем здесь! — попросил Бьёрнар.

— Давай! — сказал Пончик, хотя его и не спрашивали, и отдал свой барабан Бьёрнару.

— Позовите нас, если вам что-нибудь понадобится,— сказала мама, и они с Эвой ушли домой пить кофе.

Хотя Каос и жил на первом этаже, но на площадку к ним вело несколько ступенек, и мама не знала, как Бьёрнар без посторонней помощи попадёт в дом на своей коляске.

Сперва мальчики играли в оркестр, а когда им это надоело, они придумали новую игру — в разведчиков. Каждый по очереди выходил на площадь и потом рассказывал, что он там видел. Первым на разведку поехал Бьёрнар. Он выехал на тротуар, поглядел по сторонам и вскоре вернулся во двор.

— Там готовятся к детскому шествию,— сказал он.

Потом на разведку пошёл Каос.

— Я видел двух полицейских! — взволнованно рассказал он, когда вернулся.— Они должны следить, чтобы на Главную улицу не проехал ни один автомобиль!

Третья очередь была Пончика. Ему не повезло. Когда он выглянул из-за угла, пробежавшие мимо мальчишки со смехом что-то бросили в него. В Пончика они не попали, но зато рядом с ним раздался страшный взрыв. Пончик на мгновение замер, а потом с отчаянным воплем бросился обратно во двор.

— Что случилось? — в один голос закричали Каос и Бьёрнар.

— Что случилось? — закричал папа Каоса, только что вернувшийся с автобусной станции.

— Меня убили! — рыдал испуганный Пончик.

Папа схватил Пончика на руки, осмотрел его, прижал к себе и спросил:

— Покажи, где это было?

Пончик показал папе место, где раздался взрыв.

— Так это же обыкновенная петарда,— сказал папа.— Она бахнула, да?

— Да, она бабахнула. Очень громко,— сказал Пончик.

— Бах! Бах! Бах! — закричали Каос и Бьёрнар, перебивая друг друга. Пончик тоже стал кричать вместе с ними, но кричал он как-то невесело.

— Мне не нравится день рождения Норвегии,— сказал он наконец.

Наверно, его мама назвала 17 мая днём рождения Норвегии.

— Как вы думаете, сколько Норвегии лет? — спросил Бьёрнар.

— Сто! — сказал Пончик.

— Тысяча! — сказал Каос.

— Нет! Хотите, я расскажу вам про Норвегию? — предложил Бьёрнар.

Он подъехал к крутому склону, на котором росло дерево, там, в тени, ещё сохранилось немного снега.

— Мы с вами стоим на очень древней горе,— сказал он, показывая на склон.— Ей примерно 650 миллионов лет. Нам даже трудно представить себе такой возраст. А вот уже не так давно, всего семьдесят тысяч лет назад, вся Норвегия была покрыта толстым слоем льда, очень толстым!

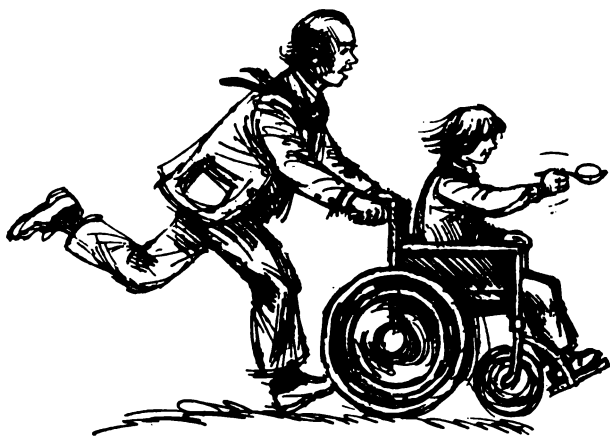
— И Газетный дом? — с испугом воскликнул Пончик.

— Газетного дома тогда ещё не было,— продолжал Бьёрнар.— Потом лёд растаял, и стали видны горы и долины, реки и озёра. Нам с вами повезло, что мы не жили десять тысяч лет назад...

— Повезло! Повезло! — обрадовался Пончик и вдруг закричал во всё горло: — Музыка! Музыка! Идут!

И правда, на площади играла музыка, началось детское шествие. Мальчики вышли на площадь, Пончик держался в серединке между Каосом и Бьёрнаром. Дети, принимавшие участие в шествии, размахивали флажками и кричали «ура!». Пончик, а за ним Бьёрнар и Каос тоже закричали «ура!», только не так громко.

Они стояли там, пока не кончилось шествие. Потом папа Каоса помог коляске въехать по ступенькам, а мама угостила всех гоголем-моголем. Мальчики ели, сидя у окна. Бьёрнару казалось, будто он сидит в театре в первом ряду, так хорошо ему было видно всё, что происходило на улице.

И наконец все дети и взрослые пошли на городской луг, где было устроено праздничное гулянье.

Больше всего им понравились там картофельные бега. В этих бегах принимали участие все желающие, и большие и маленькие. Побеждал тот, кто доносил в ложке картофеля до самого конца дорожки. Бьёрнар с завистью смотрел на бегущих. И тогда папа Каоса решил, что и Бьёрнар тоже должен участвовать в этом соревновании — он предложил взять его коляску. Бьёрнар, конечно, согласился. Ему дали ложку и картофелину, и папа пустился во всю прыть. Картофелину Бьёрнар не уронил и получил в награду воздушный шарик.

День рождения Норвегии они отпраздновали на славу. В конце концов Бьёрнар так устал, что даже обрадовался, когда Эва позвала его домой. Пончик тоже устал, и мама увела его в Газетный дом.

Ну, а Каос? Нет, Каос домой не пошёл. Вместе с мамой он ехал на голубом автобусе в горы. У папы был вечерний рейс, и он попросил Каоса и маму непременно поехать с ним, чтобы они вместе провели в Лилипутике весь вечер.

Вот и площадь с Газетным домом. Как всегда, грохочет водопад, люди громко разговаривают и смеются, из автомобилей доносится весёлая музыка, а маленький голубой автобус катит уже за городом, мимо полей и усадеб.

Начинало темнеть, окна в домах были освещены, и над каждым домом реяли флаги, где

большие, а где поменьше. Папе, маме и Каосу пришлось от гостиницы долго идти пешком, потому что дорога к стоянке ещё не просохла. Они шли мимо домов, в которых жили служащие гостиницы, и неожиданно в окне одного из домов Каос увидел знакомую девочку. Он хотел задержаться, но папа и мама были уже далеко, и он бросился догонять их.

Они то спускались по склону, то снова поднимались вверх, и наконец увидели Лилипутик. Каос от удивления даже остановился: перед домом была насыпана горка из земли и камней, в неё был воткнут длинный шест, а на шесте развевался норвежский флаг!

— Это ты успел сделать утром? — улыбнулась мама.

— Да,— признался папа.— И мне очень хотелось, чтобы мы приехали сюда вечером и вместе спустили флаг.

Каос задумчиво смотрел на Лилипутика и на вершину Высокой.

— Как хорошо всё-таки, что лёд растаял десять тысяч лет назад! — вдруг сказал он.

Папа ничего не понял, но мама объяснила ему:

— Это, наверное, Бьёрнар рассказал ему про ледниковый период. Он всегда рассказывает Каосу что-нибудь интересное.

— Вспомнил! Вспомнил! — неожиданно закричал Каос.

— Что? — спросили в один голос папа и мама.

— Я видел в окне Олауг! — взволнованно проговорил Каос.— В доме рядом с гостиницей! Теперь я вспомнил, это была она!

О л а у з

Папа, мама и Каос переночевали в Лилипутике. Встали они раньше обычного и пошли гулять. Прежде чем вернуться в город, им хотелось подышать свежим горным воздухом. Папе предстояло весь день водить автобус, маме — стоять за прилавком в аптеке, а Каосу — идти к Бьёрнару и Эве.

Здесь, в горах, им казалось, что в целом мире нет никого, кроме них. Соседние дома стояли пустые. По склонам никто не бродил. Солнце только взшло, и было ещё очень холодно. Каос надел свитер, куртку, шапку и даже варежки. От холодного воздуха щеколело в носу. Он замер на крыльце в надежде, что мимо пробежит заяц или лисица. Но должно быть, они слышали, как он стукнул дверью,

и затаились. Небось заяц сидит сейчас рядом в кустах и дрожит от страха при виде Каоса.

— Не бойся, я тебя не обижу,— сказал Каос зайцу, но заяц так и не вышел из кустов.

А вскоре он забыл и о зайце, и о лисице, потому что нашёл серебристые палочки. Это были ветки, долго пролежавшие под дождём и ставшие от этого светло-серыми. Каос собирал их, чтобы что-нибудь из них построить, но что именно, он ещё не придумал.

Потом он стал прыгать через кочку, а напрыгавшись, вдруг вспомнил вчерашний день и марши, которые играли духовые оркестры. Ему казалось, что он снова слышит музыку, и он начал маршировать по лужайке перед Лилипутиком. И был он уже не Каос, а целый духовой оркестр. Сложив руки трубой, он дудел что есть мочи. Вчера здесь было тихо, зато сегодня горы, скалы, вереск и можжевельник слышали, как играет духовой оркестр.

— Каос! — крикнул папа, приоткрыв дверь.— Идём скорей завтракать, тогда у нас останется время погулять!

На завтрак мама приготовила яичницу-глазунью, хотя был самый обычный рабочий день, но папа сказал, что это праздничный завтрак и за вчера и за сегодня — за 17 мая и за Лилипутика.

После завтрака каждый из них принёс из сарая по охапке дров на следующий раз. Папе и Каосу не хотелось покидать Лилипутик.

— Не вешайте носы,— сказала им мама,— в субботу мы приедем сюда на два дня.

Они сложили дрова на место, прибрали в доме и отправились на прогулку.

Солнце золотило вершины. Вчерашние лужи замёрзли, и под ногами хрустел ледок. Каос снова вспомнил девочку, которую видел в окне.

— Это была Олауг,— сказал он.— Разве она тут живёт?

— Да, я совсем забыл рассказать вам об этом,— спохватился папа.— Вы знаете, что отец Олауг работал в море на нефтяной платформе и редко бывал дома. Но теперь он начал работать поваром в гостинице и, думаю, ещё не скоро уедет на свою платформу. Там он тоже работал поваром, так что разницы нет. Зато здесь он живёт вместе с семьёй. Они поселились в одном из домов, которые принадлежат гостинице.

Каос давно не видел Олауг, да и вообще он разговаривал с ней только два раза: один раз

в больнице, а второй — у них дома, когда Олауг с мамой приходили поблагодарить за помощь.

— Давайте когда-нибудь пойдём к ней в гости,— предложил он.

Но папа с мамой уже забыли про Олауг и ничего не ответили Каосу, а он шёл и думал о ней. Интересно, будет ли она сегодня смотреть в окно? Может, она увидит, как он садится в автобус? Он будет играть, будто он водитель. Сперва обойдёт вокруг автобуса, проверяя, всё ли в порядке: постучит по колёсам, подёргает дверцу багажника, а потом войдёт в автобус и сядет за руль.

Он шёл и улыбался про себя, радуясь придуманной им игре.

Они спустились к гостинице. Кругом было пусто и тихо, в этот ранний час люди ещё спали, но в окне кухни уже горел свет.

Папа зашёл в гостиницу, чтобы забрать почту и узнать, кто едет в город. Мама села в автобус, а Каос проделал всё, что придумал по дороге, но сперва взглянул на окна коричневого домика. Там кто-то стоял. Он не сомневался, что это Олауг. Он не спеша обошёл вокруг автобуса, постучал по каждому колесу, проверил, заперта ли дверца багажного отделения, оглядел лобовое стекло, а потом поднялся в автобус и сел за руль.

К автобусу потянулись пассажиры: кто из гостиницы, кто из домов; вышел из гостиницы и папа.

Каос ещё раз взглянул на окно Олауг — её там не было. Тогда он слез с папиного места, но папа успел заметить его.

— Так не годится, Каос,— строго сказал он.— Пассажиры могут подумать, что я разрешаю детям играть в автобусе.

— Не сердись,— сказала мама.— Каос ничего не трогал, он просто играл в тебя. Посмотри, как вы похожи.

— И всё-таки в автобусе так играть не следует,— сказал папа, но он уже не сердился.— Ну, сколько осталось до отправления? Две минуты? Надо подождать, может, кто-нибудь ещё подойдёт.

Папа вышел из автобуса и проделал всё, что, играя, проделал Каос, он даже присел на корточки и долго разглядывал одно из передних колёс. В эту минуту дверь коричневого домика распахнулась, и Каос увидел, что к автобусу бегут Олауг и её мама. Они очень спешили: Олауг не успела застегнуть «молнию» на куртке, а её мама — надеть косынку. На бегу Олауг помахала рукой человеку, стоявшему у кухонного окна, он заулыбался и помахал ей в ответ. Наверно, это и был её папа.

Олауг первой поднялась в автобус, она быстро огляделась и сделала вид, что не заметила Каоса. Её мама поздоровалась с папой и купила у него два билета, взрослый и детский.

— Вот приятная неожиданность! — сказала она маме Каоса и села с ней рядом.— Вы тоже здесь были?

— Как себя чувствует Олауг? — спросила мама.

— Спасибо, всё в порядке. Последнее время нас не было в городе. Сперва мы гостили

у моих родителей. Потом вернулся наш папа и устроился работать в гостинице. Мы переехали к нему. Вот уже две недели мы живём здесь, и нам всем очень нравится, только детей мало, и Олауг не с кем играть. Те дети, которые приезжают в гостиницу, живут тут так недолго, что Олауг не успевает как следует познакомиться с ними.

Автобус тронулся. Каос смотрел в окно и изредка поглядывал на Олауг. Она тоже то смотрела в окно, то косилась на Каоса. Наконец это превратилось в игру: когда Каос отворачивался к окну, она смотрела на него, а когда он поворачивался в её сторону, она отворачивалась к окну.

Олауг так быстро вертела головой, что Каос даже удивился. Первый раз, когда он увидел её, девочка бессильно висела на плече у своей мамы, сонная от таблеток. В другой

раз он видел её в больнице. Они даже не поговорили тогда, она только спросила, как его зовут, и он почему-то сказал, что его зовут не Каос, а Карл Оскар. В третий раз он видел Олауг у себя дома, она чинно сидела на стуле, и, наверно, ей было неприятно, что взрослые всё время говорят только об этих таблетках. Три раза они виделись, но Каос так и не мог понять, знакомы они или нет. Лучше бы они были совсем чужими, тогда можно было бы спокойно её разглядывать и крутить ступнями, как крутила мама в аптеке, когда у неё уставали ноги. Впрочем, крутить ступнями ему и сейчас никто не мешал. Вдруг он заметил, что Олауг повторяет все его движения. Он улыбнулся, но в это время папа сказал:

— Посмотрите налево!

Автобус ехал через лес. Впереди, недалеко

от дороги, стояла под деревом лосиха с лосёнком.

— Останавливаться мы не будем,— сказал папа,— но поедem медленно, чтобы их не испугнуть.

Каос и Олауг забыли про свою игру. Никогда в жизни Каос не видел так близко живого лося. Он смотрел прямо в глаза лосёнку и дивился тому, что лосиха оказалась такой огромной.

Автобус медленно проехал мимо лосей. Олауг, пересевшая на сиденье к Каосу, сказала ему:

— А я видела в горах лисицу!

— А я один раз нарисовал лося! Правда, я только сейчас рассмотрел его как следует. Мой папа сто раз видел здесь лосей, а может, даже двести!

— А мой папа видел серну, только это было в Швейцарии.

— Серна — кто это? — спросил Каос.

— Это такая горная коза,— ответила Олауг.— Мы жили тогда в Швейцарии, но я её не видела: я была маленькая и меня возили в коляске.

— Когда я был маленький, меня тоже возили в коляске, только это было уже давно,— сказал Каос.

— Мой папа работал в Швейцарии, и мы там жили. А потом мы переехали во Францию, а из Франции — в Норвегию. Моя мама очень рада, что мы теперь живём в Норвегии, потому что она норвежка.

— А разве папа не рад? — спросил Каос.

— И папа рад. Ему Норвегия тоже нра-

вится, здесь очень красиво. Мы живём теперь в горах.

За окном мелькали поля и усадьбы. На дорогу выбежала собака, которая так нравилась Каосу. Он даже играл, будто это его собака и она едет вместе с ним к тётке и дяде, а потом катается с ним на финских санях возле тёткиного дома. Он тогда мысленно гладил её или опирался ей на спину, ведь собака была очень большая и ей было не тяжело.

Сейчас он тоже представил себе, что собака едет с ним в автобусе. Вот она сидит между ним и Олауг. Нет, тут ей тесно. Пусть лучше она сидит в проходе. Время от времени он мысленно говорил Олауг: «Можешь её погладить. Она не кусается».

Автобус въехал в город, вот площадь и Газетный дом, но он, не останавливаясь, проехал до самой станции. Сегодня на городских автобусах уже не было флагов, и на маленьком голубом автобусе тоже, сегодня был самый обычный рабочий день.

Пассажиры разошлись, а Олауг стала бегать вокруг автобуса. Каос схватил её за руку и остановил — ведь тут Олауг мог сбить другой автобус. Через зал ожидания они выбежали на широкий тротуар. Вот где можно было бегать сколько угодно, лишь бы не задевать прохожих. Каос и Олауг убегали далеко вперёд, а потом возвращались к своим мамам.

На площади Олауг хотела перебежать на другую сторону, но Каос опять схватил её за руку:

— Стой!

— Почему? — с притворным удивлением спросила Олауг.

Каос видел, что она прекрасно знает, почему нельзя перебегать через площадь.

— Ты можешь попасть под автомобиль! — сердито сказал он. — Первый раз вижу такую глупую девочку!

— Сам ты глупый! Я просто хотела тебя подразнить!

Подошла мама и взяла Каоса за руку.

— Идём скорей, — сказала, она. — Через полчаса я должна быть уже в аптеке. Приходите к нам, когда будете в городе, но, к сожалению, я бываю дома только вечером.

— Спасибо, непременно придём. Иногда мы и вечером приезжаем в город, — ответила мама Олауг. — И вы к нам приходите, когда будете в горах. Мы любим гостей, особенно Олауг!

Мама с Каосом снова вышли на Главную улицу. Каос несколько раз оглядывался назад. Вдруг он остановился.

— Что случилось? — спросила мама, она задумалась и уже забыла про Олауг и её маму.

— Они вошли в Газетный дом! — взволнованно сказал Каос.

— Ну и что?

— Но ведь нас нет дома! — воскликнул Каос.

— А может, они хотят подписаться на газету?

Наверное, так и было, но всё-таки Каосу было странно, что знакомые люди вошли в его дом, когда его самого там не было.

Перемены

Уже почти наступило лето, и Каос с Бьёрнаром много времени проводили на улице. При доме, где жил Бьёрнар, был небольшой сад, и мальчики часто играли там. А иногда они совершали и дальние прогулки. Особенно они любили одну горную террасу у небольшого водопада.

В то утро, поджидая Каоса, Эва читала газету, а Бьёрнар готовил бутерброды, чтобы

взять их с собой на прогулку. Готовые бутерброды он разделил на три порции и положил их в пластмассовую коробку, отделив друг от друга вощёной бумагой.

— Какая красота! — сказала Эва, подняв голову от газеты. — Может, ты станешь поваром?

— Каждый человек должен уметь готовить, не только повар, — ответил Бьёрнар.

Эва кивнула и снова погрузилась в газету.

Бьёрнар с удивлением наблюдал за ней: страниц она не переворачивала, а когда поднимала голову и смотрела на Бьёрнара, глаза у неё были отсутствующие, словно она его не видела. Но вот Эва решительно оторвалась от газеты.

— Послушай, Бьёрнар, — сказала она. — У меня к тебе серьёзный разговор. Давай поговорим, пока не пришёл Каос, а потом уже можно будет всё обсудить вместе с ним.

— Выкладывай! — Бьёрнару казалось, что это звучит очень по-взрослому.

Эва помолчала, и её молчание даже напугало Бьёрнара.

— Видишь ли, — сказала она наконец, — мне не даёт покоя одна вещь. Ты знаешь, что у меня есть несколько учеников, которых я учу музыке. Во-первых, нам нужны деньги, а во-вторых, я люблю заниматься с детьми. Много учеников я взять не могу, не хочу надолго оставлять тебя одного. Ведь я занимаюсь с ними вечером, когда Каос уже уходит домой...

— Ты обо мне не заботься, я себе дело найду, — перебил её Бьёрнар.

— Это я знаю. Но можно ведь не только преподавать музыку, вот тут в газете написано...

— Неужели в газете написано, чем тебе заниматься? — удивился Бьёрнар.

— Нет, конечно.— Эва улыбнулась.— Тут есть два почти одинаковых объявления. Вот слушай: «Кто согласится три раза в неделю быть «дневной мамой» для маленького мальчика?» А вот второе: «Маленькая девочка скучает без детского общества. Кто согласится нам помочь по понедельникам, вторникам и средам? Возможны варианты».

— А что это значит? — спросил Бьёрнар.

— Сама не знаю,— сказала Эва.— Наверно, у них есть ещё какие-нибудь предложения.

— И ты хочешь быть этим детям «дневной мамой», так же как Каосу?

— Да, мне бы хотелось попробовать,— осторожно сказала Эва.

— Но ведь они малыши! — презрительно фыркнул Бьёрнар.— Неужели ты хочешь, чтобы мы с Каосом играли с малышами?

— Нет,— ответила Эва.— Если окажется, что они слишком маленькие, вы с Каосом будете играть вдвоём, как прежде, а они — друг с другом. Понимаешь, Бьёрнар, нам приходится жить на два дома, а это очень дорого. Папа снимает в городе квартиру, готовит себе еду... Если мы переедем жить в город, это будет стоить ещё дороже. Вот мы и решили, что нам с тобой лучше жить в Ветлебю. Здесь хороший воздух, здесь ты пойдёшь в школу, и здесь у нас есть дом, который мы все очень любим. Нам не хотелось бы с ним расста-

ваться. Поэтому я и стараюсь придумать, как помочь папе и заработать немного денег. Это одна причина, почему я хочу взять на день этих детей. А вторая — мне хочется, чтобы у тебя были как будто братик и сестричка.

— Мне никого не надо,— сердито сказал Бьёрнар.— У Каоса тоже никого нет. Мы с ним «дневные братья», и нам хватает друг друга.

— Может быть, и так,— Эва вздохнула.— И всё-таки мне кажется, что общение с детьми, даже с маленькими, пошло бы тебе на пользу. Осенью ты начнёшь учиться, а они будут приходить ко мне, пока ты будешь на занятиях.

— Я не против. Делай, как знаешь,— сказал Бьёрнар.

— Надо попробовать,— решила Эва.— Я напишу в газету. Ещё неизвестно, получу ли я эту работу — такое предложение соблазнит многих: всего три раза в неделю!

— Ладно, пиши свои письма и идём скорей гулять,— сказал Бьёрнар.— Бутерброды готовы.

Вскоре пришёл Каос. Эва дописала письма, надела туфли на толстой подошве, брюки и приготовилась к прогулке. На Каосе тоже были башмаки на толстой подошве, и ему было легко после тяжёлых зимних сапог.

Даже Бьёрнар сказал:

— Как приятно снова ездить по земле!

— Кстати, мы сегодня поедem не по Верхней улице, а по Главной,— заметила Эва.— Мне надо зайти в газету.

И они двинулись в путь. Когда они проезжали мимо аптеки, Каос, не удержавшись, заглянул в дверь и объявил, что они идут на прогулку. Мама и Свава вышли на улицу.

— Вот счастливицы! — вздохнула Свава. — Они гуляют, а мы работаем.

— А вы запирайте аптеку и присоединяйтесь к нам! — предложила Эва.

— Нашу прогулку придётся отложить до субботы, — сказала мама.

— Вы там поосторожней, река сейчас очень бурная, — напутствовала их Свава, и они с мамой вер-

нулись в аптеку, а Эва, Каос и Бьёрнар продолжали путь.

У Газетного дома они опять остановились и подождали, пока Эва отнесёт письма в газету, а потом стали подниматься в гору. Подъём был очень крутой, и Каосу пришлось помочь Эве везти коляску. Вместе это было почти нетрудно. Наконец они выехали на песчаную дорогу, идущую вверх вдоль реки. Река разлилась, бурный поток с грозным рёвом пытался захлестнуть и дорогу, но ему это не удавалось. На Каоса, Бьёрнара и Эву летели брызги.

Вскоре они достигли горной террасы у небольшого водопада. Они давно облюбовали это

место и называли его своим; в этом году они пришли сюда впервые. Бьёрнар сразу схватился за костыли: за зиму у него от тренировок сильно окрепли руки, и ему не терпелось встать на костыли.

Где-то внизу взорвалась петарда, будто сегодня было 17 мая, её не заглушил даже шум водопада. Каос сразу заволновался:

— Бьёрнар, Пончик теперь боится выходить на улицу. Ему кажется, что кто-нибудь опять взорвёт рядом с ним петарду.

— Вот бедняжка, как это неудачно с ним получилось,— сказала Эва.

— Вырастет — забудет,— сказал Бьёрнар.— А ведь есть дети, которые каждый день слышат настоящие взрывы.

— Мне их очень жалко! — быстро воскликнул Каос.

— Нам с тобой надо объехать весь мир и поговорить со всеми детьми,— решил Бьёрнар.— Мы должны узнать, как живут они, и рассказать им про нас. Должны помочь им с едой и всем необходимым. И мы с тобой обязательно совершим такую поездку!

Эва вдруг очнулась от своих раздумий.

— Если я буду «дневной мамой» и для этих двух малышей, мы все вместе будем приходить сюда. Правда? — сказала она.

— Ты хочешь, чтобы мы с Каосом их забавляли? — спросил Бьёрнар.

— Забавлять не надо, но ведь играют же дети со своими младшими братьями и сёстрами! К тому же они будут приходить к нам всего три раза в неделю.

— Кто будет приходить? — не понял Каос.

Эва забыла рассказать ему о своих планах.

— Есть двое детей, которым три раза в неделю нужна «дневная мама»,— объяснила ему Эва.— И я хочу, чтобы они приходили к нам, если, конечно, я им понравлюсь.

— Это твоё дело,— перебил её Бьёрнар,— но я не хочу с ними играть. Мы с Каосом будем заниматься своими делами у меня в комнате, а ты можешь нянчиться с этими малышами. Согласен, Каос?

— Согласен,— ответил Каос. Он плохо понимал, о чём идёт речь, но Бьёрнар говорил так твёрдо, что, наверное, он был прав.

— Всё будет хорошо,— сказала Эва и перевела разговор на другую тему.

Потом Каос бегал по всей террасе, отыскивая забавные камешки, веточки и мох, а Бьёрнар, устав ходить на костылях, сел рисовать водопад и деревья. В этот день они особенно долго оставались на своём любимом месте, Эва даже сказала Каосу перед уходом домой:

— Уже так поздно, что тебе нет смысла идти к нам. Мы отведём тебя в аптеку, и ты подождёшь там маму. До закрытия осталось всего полчаса.

— Вот хорошо! — обрадовался Каос.— Только бы мы застали там Сваву!

Возле аптеки Эва попросила Каоса:

— Побудь здесь с Бьёрнаром, мне надо поговорить с твоей мамой.

Эва рассказала маме Каоса о своих планах и спросила, не против ли она, если три раза в неделю к Эве, кроме Каоса, будут приходить другие дети.

— Это замечательно,— сказала мама.— Бьёрнар и Каос очень хорошо играют вместе, но общество других детей им не повредит.

— Я тоже так думаю,— сказала Эва.— Интересно, какой ответ я получу?

Ответ пришёл через несколько дней. Эва получила не одно, а сразу два письма, и в этих письмах говорилось, что родители малышей согласны, чтобы она была «дневной мамой» для их детей. В одном из писем объяснялось, какие варианты предлагали родители девочки. Прочтя это письмо, Эва улыбнулась, но пока что ничего не сказала ни Бьёрнару, ни Каосу.

Неделя прошла как обычно. Новые питомцы должны были прийти к Эве в следующий понедельник. Она просила, чтобы их привели к десяти часам. Бьёрнар с Каосом успели целый час поиграть вдвоём, около десяти они начали волноваться. Несколько раз Бьёрнар выезжал из своей комнаты в гостиную, бросал быстрый взгляд в окно и возвращался к себе.

Все игрушки, которые обычно лежали на полу, были спрятаны, в том числе и кубики.

— Не люблю, чтобы моими игрушками играли чужие,— сказал он.— Хорошо, энциклопедия стоит так высоко, что им до неё не добраться. Жаль, Каос, но больше мы уже не сможем играть с моей коляской.

— Почему? — Каос даже испугался.— Неужели она никогда больше не будет волшебным экипажем?

— Ни волшебным экипажем, ни космическим кораблём, ни подводной лодкой,— сказал Бьёрнар.— Это наша с тобой игра, и я не хочу, чтобы с нами играли другие дети.

— А помнишь, с нами один раз играл Пончик? Коляска была волшебным экипажем.

— Это не в счёт. Во-первых, это было только один раз, а во-вторых, Пончик не чужой.

— Что же мы с тобой будем делать целый день? — спросил Каос.

— Будем о чём-нибудь разговаривать. Только боюсь, эти дети и поговорить нам не дадут. Мне-то хорошо, я осенью пойду в школу, а вот тебе с ними будет совсем не сладко.

Каос нахмурился, он был даже обижен на Эву, которая всё им испортила.

— А как же наша поездка вокруг света? — спросил Каос.— Ведь мы собирались поговорить со всеми детьми.

— Теперь из этого ничего не получится,— ответил Бьёрнар.— Пойдём в гостиную, посмотрим, не идут ли они, там из окна видно.

Бьёрнар подъехал к самому подоконнику, Каос стал рядом. Вдали по улице ехала на

велосипеде женщина, на багажнике у неё сидел ребёнок. Каос и Бьёрнар видели только ноги ребёнка, а вот мальчик это или девочка, они понять не могли.

— Интересно, она едет к нам или нет? — проговорил Бьёрнар.

— Нет, — ответил Каос, он уже успел разглядеть женщину. — Это мама Пончика, а на багажнике сидит сам Пончик. Они не сюда.

Но велосипед остановился у крыльца. Мама сняла Пончика с багажника и позвонила в дверь.

— Они к нам в гости? — удивился Бьёрнар.

— Нет, не в гости, — улыбнулась Эва. — Это приехал мой дневной сын. Его мама снова устроилась на работу на почту, и три раза в неделю Пончик будет приходить к нам.

— Почему же ты нам не сказала, что это Пончик? — упрекнул её Бьёрнар.

— Сперва я об этом не знала. А когда получила письмо от его мамы, ничего не сказала, потому что хотела устроить вам сюрприз.

— Значит, всё хорошо! — обрадовался Каос. — Значит, мы сможем играть, как играли!

— А про девочку ты забыл? — напомнил ему Бьёрнар, но вид у него был уже не такой мрачный.

Каос запрыгал вокруг Пончика, потом он испуганно взглянул на Бьёрнара и снова подбежал к окну.

— Моя мама будет у вас со мной весь день! — торжественно объявил Пончик.

— Да, один день я побуду с вами и помогу Эве,— сказала его мама.

Эва попросила Каоса и Бьёрнара посмотреть в окно; девочка и её мама могли сразу не найти их дом.

— А ты точно знаешь, что должна прийти девочка? — спросил Бьёрнар у Эвы.

— Что-что, а это точно,— засмеялась Эва и увела маму Пончика на кухню.

Каос и Бьёрнар снова прилипли к окну, а Пончик то и дело бегал на кухню — проверить, не ушла ли его мама.

На улице было пустынно.

— Хоть бы они не нашли наш дом,— вздохнул Бьёрнар.

— Да, хоть бы не нашли,— поддержал его Каос.

Из-за угла выехало такси. Видно, водитель хорошо знал дорогу: он подъехал прямо к дому Бьёрнара и остановился.

— Давай спрячемся у меня в комнате! — предложил Бьёрнар.

— А может, посмотрим, кто приехал? — робко предложил Каос.

— Нет! — твёрдо решил Бьёрнар.— Пончик, пойдёшь с нами прятаться?

Пончик радостно кивнул.

— А где твои кубики, Бьёрнар? — спросил он, не увидев в комнате никаких игрушек.

— Я их спрятал от этой девочки,— ответил Бьёрнар немного смущённо.

— Тогда я не хочу здесь играть! — заявил Пончик.— Я хочу на кухню к маме!

Он выбежал в коридор. В эту минуту в прихожую вошли девочка и её мама. Каос

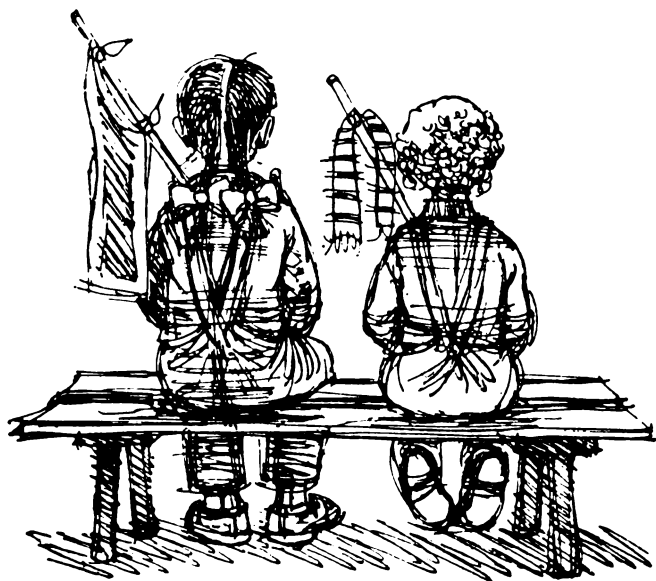
застыл от изумления. Девочка тоже удивилась.

— Здравствуй, Карл Оскар! — сказала она.— И ты тоже здесь?

— Здравствуй, Олауг,— заплетающимся языком ответил Каос.

Обиженные дети

Когда Каос и Бьёрнар решили не играть с новыми питомцами Эвы, они не знали, что это будут Пончик и Олауг. Теперь же Каос так растерялся, что зачем-то сел на пол и снял башмаки. Правда, он тут же снова надел их.

Бьёрнар с мрачным видом сидел у своего секретера и читал энциклопедию. Стоя в дверях, Олауг наблюдала за ними. По её лицу было видно, что она думает: «Я так и знала, что они не захотят играть со мной. Особенно этот угрюмый. А если он не захочет, то и Карл Оскар тоже не захочет. Ну и пусть, я тогда

буду играть с Пончиком!» Она взяла Пончика за руку, и он, готовый играть со всеми, послушно пошёл за ней.

— Давай пойдём во двор, там есть песочница,— предложила Олауг.

Они построили из песка дома, дороги и напекли много песочных куличей, потом по тропинке ходили по саду и обошли вокруг дома.

— Давай играть в 17 мая! — предложила Олауг.

— 17 мая стреляют,— сказал Пончик.— В тебя стреляли?

— Нет, у нас в горах не стреляли. Папа весь день готовил в гостинице разную еду, потому что туда приехало очень много народу, а мы с мамой смотрели по телевизору, как празднуют 17 мая в других городах. Потом мы с детьми устроили демонстрацию, и нас угощали плюшками и мороженым. Хочешь, мы тоже устроим демонстрацию? Сделаем из твоего шарфа и моей косынки флажки, пойдём мимо королевского дворца и будем ими размахивать. Я видела по телевизору — все так делают!

— А где мы возьмём музыку? — спросил Пончик.— У нас в городе играл оркестр. Та-та-та-та-та-та! — запел он вдруг и застучал лопаткой по ведёрку.

Под эту музыку Олауг с Пончиком обошли двор и сад, подошли к дому и стали махать флажками.

Бьёрнар в своей комнате слышал, как они играют.

— Молодцы малыши, придумали себе игру,— сказал он.

— Олауг столько же лет, сколько мне, она не малышка,— возразил Каос.

— Значит, Пончику повезло, что она с ним играет, а мы можем заниматься чем хотим.

Каоса так и подмывало убежать в сад — Пончику и Олауг было очень весело! Но ему не хотелось бросать Бьёрнара. На сердце у Каоса было тяжело.

Бьёрнар сделал вид, будто ничего не замечает.

— Будем играть в новую игру,— сказал он.— Ты знаешь, в мире много детей голодает, а другим страшно, потому что в их странах идёт война, таких тоже много.

Давай, как будто мы летим на самолёте и раздаём голодным еду. Голодных мы накормим, это я понимаю. А вот что делать с теми, кому страшно? Как помочь им?

— Может быть, взять их сюда? — предложил Каос, на этот раз он плохо слушал Бьёрнара.

— Они не захотят уезжать от своих пап и мам,— возразил Бьёрнар.— Нет, помочь голодным гораздо легче. Сбегай, пожалуйста, на кухню, принеси бутылку с водой и какой-нибудь еды.

Каос пошёл на кухню. Эва, мама Пончика и мама Олауг оживлённо беседовали, сидя за столом. Из окна им был виден двор, и они наблюдали за игрой детей.

— Что ты хочешь? — спросила Эва у Каоса.

— Дай нам немного еды и бутылку с водой,— попросил Каос.— Мы будем помогать голодающим.

Эва дала ему воды и сухариков.

— Только сами не ешьте,— предупредила она.— Мы скоро будем завтракать.

Каос вернулся к Бьёрнару, ему было невесело.

Олауг и Пончик, устав маршировать по саду, сели на скамейку, и Пончик стал рассказывать, как 17 мая он испугался взорвавшейся рядом петарды. Потом он вспомнил про кубики.

— У Бьёрнара такие красивые кубики! — сказал он.— Зимой я строил из них домики, а сегодня он их спрятал!

— Это из-за меня,— вздохнула Олауг.— Он не хочет, чтобы я в них играла. Обидно, правда? Тебя напугали петардой и не дают кубиков, а со мной не хочет играть Карл Оскар.

В это время Бьёрнар положил в свою коляску бутылку с водой и сухарики.

— Мы стартуем, Каос! — сказал он.— Почему ты не принёс из кухни табуретку? Как же ты полетишь, ведь в самолёте нет другого места?

— Я сяду на диванную подушку.— Каос был не похож сам на себя.

— Садись скорей и летим! — Бьёрнар тоже был не совсем такой, как всегда.— Мы направимся в Эфиопию, там уже давно голод, а потом посетим и другие африканские государства и, может быть, даже Азию. Наш самолёт летит очень быстро. Давай, как будто вся комната будет самолётом, тогда мы сможем ходить по нему и смотреть в окна. Внимание, мы пролетаем над страной, где много

голодных детей. Но главное — им всегда страшно, потому что в их стране идёт война.

Каос выглянул в окно.

— Бьёрнар, я вижу двух детей в Норвегии, они такие грустные, наверно, их обидели.

— Нет, в Норвегии наш самолёт приземляться не будет,— сказал Бьёрнар.— И потом, я не знаю, как помогают обиженным детям. Ведь они же не голодны!

— Можно выйти и поговорить с ними,— робко предложил Каос.

— На это я согласен,— сдался Бьёрнар.— Приземлимся в Норвегии. Заодно я на дворе смажу колёса. Так даже лучше!

— Смотри, как тепло и хорошо на улице,— сказал Каос, который обычно не обращал внимания на погоду.

Самолёт совершил посадку, и Бьёрнар поехал на кухню.

— Я выйду во двор,— сказал он Эве,— надо смазать колёса и протереть коляску.

— Хорошо. А ты поздоровался с мамой Олауг?

— Ещё нет.

— А с мамой Пончика?

— Поздоровался.

— Да-да, он поздоровался, ведь мы знакомы,— поспешила сказать мама Пончика.

— А Каос пойдёт с тобой? — спросила Эва.

— Наверно, пойдёт,— ответил Бьёрнар и выехал на двор.

Но Каос медлил. Он не мог решить, что ему делать. Если он на дворе подойдёт прямо к

Бьёрнару, значит, он не сможет играть с Пончиком и Олауг, а если начнёт играть с ними, на него обидится Бьёрнар. Наверно, лучше ему посидеть на кухне.

— Во что вы с Бьёрнаром сегодня играли? — спросила его Эва. — Вы, кажется, хотели помогать голодающим?

— Мы хотели полететь в Африку, но наша коляска не превратилась в волшебный экипаж, и мы вернулись в Норвегию.

— Бывают такие невезучие дни, но это пройдёт. Надо немного подождать, — сказала Эва и обернулась к мамам Пончика и Олауг. — Можно, я открою Каосу нашу тайну? — спросила она у них. — Мне хочется немного развеселить его, он столько раз утешал меня.

Обе мамы кивнули.

— Эта тайна касается вас четверых, но открою её я только тебе, — сказала Эва. — Остальным — потом. Пусть сперва получше узнают друг друга и подружатся.

У Каоса от любопытства загорелись глаза, он сразу забыл, что сегодня невезучий день.

— Подойди ко мне, я шепну тебе на ушко, — сказала Эва.

Он подошёл, и Эва зашептала ему на ухо, поглядывая то на одну маму, то на другую. Лицо у Каоса просияло, он заулыбался.

— А теперь беги к детям, — сказала Эва. — Ты должен доказать мне, что умеешь хранить тайны. Сидя на кухне, тайну хранить легко, а вот ты сохрани её, играя с детьми! Это совсем другое дело.

Каос, подпрыгивая, выбежал на двор. Бьёрнар удивился произошедшей в нём перемене,

ведь только что Каос был такой унылый, что с ним было даже неинтересно играть.

Каос прибежал в сад. Там на скамеечке, всё ещё обиженные, сидели Олауг и Пончик. Каос поманил их рукой и побежал дальше. Через минуту они все трое были уже на дворе. Бьёрнар ездил по кругу, проверяя, легко ли крутятся колёса. Угрюмость уже давно слетела с него.

— А ты умеешь ездить задом наперёд, как автомобиль? — спросил Пончик.

— Конечно, умею. А ещё я умею делать вид, будто падаю из коляски, — похвастался Бьёрнар.

— Правда?

— Да, я сам видел, — сказал Каос. — Я даже испугался, что он перевернётся вместе с коляской.

Олауг подошла к ним поближе.

— У тебя красивая коляска, — сказала она Бьёрнару. — А у одного мальчика я видела старую коляску. Она была такая тяжёлая, что он с трудом ездил на ней.

— Нет, моя — лёгкая! — сказал Бьёрнар. — Я сейчас смажу колёса, и она будет ездить ещё легче. Каос, принеси мне, пожалуйста, из сарая тряпку.

Каос обрадовался, что Бьёрнар опять стал самим собой, и быстро принёс тряпку.

— А ты, Пончик, беги на кухню и принеси мне тазик с водой. Эва тебе поможет.

Гордый, что ему тоже дали поручение, Пончик побежал на кухню.

— И тебе дело найдётся, Олауг, — сказал Бьёрнар. — В саду стоит ящик с крышкой.

В нём сверху лежит маслёнка, которая мне очень нужна. Ты увидишь, она маленькая, с мой палец.

— Сейчас принесу! — Олауг побежала в сад.

Через минуту она вернулась и протянула Бьёрнару маслёнку.

— Эта?

— Да, спасибо.

— А ты принеси мне, пожалуйста, водички, очень хочется пить! — попросила Олауг.

Каос с Пончиком даже замерли от удивления, а у самого Бьёрнара был такой вид, будто ему на голову упал кирпич. Впрочем, он тут же взял себя в руки и медленно проговорил:

— Водички? Сейчас принесу.

Ухватившись руками за колёса, он поехал к дому. В доме Бьёрнара не было ни ступенек, ни порожков, а к входной двери вела пологая горка, сделанная из цемента. Бьёрнар легко въехал по ней. На кухне он достал кружку, спустил воду из крана, чтобы она была похолоднее, и с полной кружкой снова уехал на двор.

Выглянув в окно, Эва увидела, как он протянул кружку Олауг, та кивнула и, что-то сказав, наверное «спасибо», выпила воду.

Бьёрнар занялся колёсами. Для этого он пересел на скамейку, а потом даже лёг на неё животом. Потом он смочил тряпку в воде и протёр всю коляску.

Дети окружили его и, чем могли, старались помочь ему.

— Зачем вы сняли руль, который тебе

сделал дядя? — спросил Каос. — Вчера ещё он был на коляске.

— Мы с Эвой сняли его вчера вечером, — ответил Бьёрнар. — Без руля удобнее садиться и слезать. Летом нетрудно править и руками. А зимой мы его снова приделаем.

— Никогда в жизни не сидела в такой коляске, — сказала Олауг. — Это интересно?

— Хочешь попробовать? — предложил Бьёрнар. — Каос с Пончиком прокатят тебя. Пусть каждый проедет по два круга!

Олауг забралась в коляску, и Каос с Пончиком повезли её, а Бьёрнар сидел на скамье и следил, чтобы всё делалось по правилам.

— Теперь очередь Пончика! — объявил он.

Пончик немного испугался, но, когда Олауг освободила коляску, решительно взобрался на сиденье. Теперь коляску везли Каос и Олауг. Пончик тоже проехал два круга.

— Твоя очередь, Каос! — сказал Бьёрнар.

— Неужели Каос никогда-никогда не катался в твоей коляске? — спросила Олауг.

Каос покачал головой, а Бьёрнар поспешил объяснить:

— Нам было некогда. У нас всегда столько дел! Ты сам поедешь, Каос, или хочешь, чтобы они тебя покатали?

Конечно, Каос хотел прокатиться сам. Он столько раз видел, как ездит Бьёрнар: нужно только крутить колёса руками вперёд, или назад, или поворачивать их вбок. Но ехать на коляске было совсем не так легко, как ему казалось со стороны. По правде говоря, даже трудно.

Каос медленно, с трудом проехал два круга и обрадовался, когда они кончились.

В это время во двор вышла Эва, она подкатила коляску к скамье и придержала её, пока Бьёрнар в неё садился.

— Идёмте завтракать,— пригласила она детей.— А потом я вам кое-что расскажу.

Каос взглянул на Эву. Он не выдал детям тайну. И Эва, конечно, это поняла.

Какая красивая планета!

Вот уже три дня Каос, Бьёрнар, Пончик и Олауг провели вместе. За это время они успели так хорошо узнать друг друга, что стали даже ссориться. Правда, они тут же и мирились. Поводов для ссор нашлось много: то Каосу казалось, что Бьёрнар разговаривает с Олауг больше, чем с ним, то Олауг обижалась, что Бьёрнар с Каосом важничают, будто знают больше других, во всяком случае Бьёрнар. А иногда Пончик начинал плакать, обнаружив, что его мама уже не сидит с Эвой на кухне, и все бросались утешать его.

Так прошли три дня. Настал четверг.

В этот день и должно было состояться то важное событие, о котором Эва по секрету рассказала Каосу. Впрочем, теперь об этом знали уже все, и все с самого утра были готовы к нему.

Пончик ждал у себя дома. Несмотря на солнечную погоду, на нём был свитер и тёплая куртка, а в рюкзачке, висевшем у него за спиной, лежали тёплые носки, тапочки и маленькая машинка.

Каос тоже оделся потеплее, он надел даже резиновые сапоги, хотя на площади перед Газетным домом давно было сухо.

— Желаю повеселиться,— сказала ему мама.— Тебе-то хорошо, с тобой будет папа.

Она даже встала, чтобы проводить Каоса, а ведь могла бы ещё поспать. Но это был особенный день.

Бьёрнар и Эва тоже встали раньше обычного и уже ехали куда-то по Главной улице.

А вот Олауг была у себя дома — в небольшом коричневом домике, что стоял возле горной гостиницы. Папа её ушёл на работу, а мама собиралась печь плюшки, хотя до воскресенья было ещё далеко. Но в этот четверг всё было необычно.

Олауг то и дело выбегала на крыльцо, прислушивалась, а потом бежала к маме и спрашивала, который час. Маме даже надоело отвечать ей, так часто Олауг повторяла этот вопрос.

А в это время в городе папа Каоса вышел из Газетного дома и, как всегда, направился к автобусной станции. За одну руку он вёл Каоса, а за другую — Пончика. Они прошли через зал ожидания и вышли на площадку, где

стояли автобусы. Там их уже ждали Бьёрнар и Эва!

— Здравствуйте! — приветствовал их папа.— Вы, я смотрю, ранние птички, но это хорошо. Сейчас мы погрузим твою коляску, Бьёрнар. Понимаешь, автобус у меня замечательный, но есть у него один недостаток — слишком узкая дверца. Коляска в неё не пройдёт. Придётся нам поставить коляску в багажник, а тебя я сам отнесу в автобус и посажу у окна. Идёт?

Папа поднял Бьёрнара на руки и внёс в автобус. Тем временем Эва шепнула Каосу:

— Ты помоги там Бьёрнару, если понадобится. Он не захотел, чтобы я ехала вместе с вами, потому что остальные дети едут без мам. И костыли не взял: в коляске он чувствует себя уверенней, особенно в незнакомом месте. Ну, желаю вам повеселиться! Вас ждёт интересный день!

Дети тоже так считали и с нетерпением ждали отправления автобуса. Бьёрнар позвал Каоса, чтобы тот сел рядом с ним, но Пончик расплакался.

— Я хочу, чтобы Каос сидел рядом со мной! Я хочу к маме!

— А мы все трое тут поместимся! — сказал Каос.— Иди к нам, Пончик! Смотри, сколько тут места!

Конечно, они поместились втроём, и Пончик перестал плакать.

Как и все пассажиры, они купили у папы билеты и заплатили за них деньги. Всё было по-настоящему.

Потом папа сел на своё место, и автобус

тронулся. Бьёрнар, Пончик и Каос помахали на прощание Эве — путешествие началось. Автобус быстро проехал по Главной улице, а на площади, возле Газетного дома, замедлил ход. Можно было сказать, что он ползёт, как улитка. Каос выглянул в окно. Там, у Газетного дома, стояли рядышком его мама и мама Пончика и махали им. Как обрадовался Пончик, увидев свою маму, как замахал ей в ответ! Автобус уже давно проехал площадь, и Газетный дом давно скрылся из глаз, а он всё махал и махал, так что у него в конце концов чуть не отвалилась рука.

— Сейчас вы увидите настоящие деревенские усадьбы,— сказал Каос Бьёрнару и Пончику, он чувствовал себя экскурсоводом, который ведёт экскурсию.— Там есть овцы с маленькими ягнятами.

Пончик смотрел во все глаза. К дороге подбежала большая собака, Каос её хорошо знал.

— Я иногда играю, будто это моя собака и мы вместе едем в автобусе,— сказал он.

— А я люблю маленьких собачек, таких маленьких-премаленьких,— пропищал Пончик.

— Нет, мне больше нравятся крупные собаки,— сказал Бьёрнар.— Я бы себе завёл огромную овчарку!

— Смотрите, трактор! — воскликнул Пончик.

— Хлев!

— Амбар!

— Лес!

— Как много деревьев! — Пончик был в восторге.

— Орёл! — воскликнул Бьёрнар.

— Где? Я не вижу! — заволновался Каос.

— Я пошутил,— признался Бьёрнар.— Просто мне захотелось, чтобы мы увидели орла.

— Воробышек! — Пончику тоже хотелось принять участие в разговоре, а воробьёв он хорошо знал.

— Давайте перечислять птиц, всех, кто каких знает,— предложил Бьёрнар.— Я начинаю: ласточки, трясогузки, снегири, чижики, синицы.

— Вороны, сороки, скворцы,— подхватил Каос.

— И всякие маленькие птички,— сказал Пончик, и Каос с Бьёрнаром засмеялись так, что забыли про свою игру, а ведь они наверняка знали птиц гораздо больше.

— Мы скоро приедем,— предупредил друзей Каос, ведь только он знал эту дорогу.

Лес кончился, и стало светлее. Горные вершины громоздились одна над другой. Автобус подъехал к маленькой гостинице, но Каос, Бьёрнар и Пончик тут не вышли, им надо было ехать до конца, до самой большой гостиницы.

А Олауг уже надоело ждать автобус. Она решила, что он сегодня не приедет, пошла домой, взяла мяч и стала играть.

— Может, автобус сломался и они вообще не приедут? — сказала она мячу.— Будем играть с тобой вдвоём.

«Да-да-да-да!» — подпрыгивая, ответил ей мяч.

Вдруг Олауг прислушалась.

— Там едет какая-то машина! — воскликнула она.

«Гру-зо-вик-вик-вик!» — сказал мяч.

— Или такси!

Но это был не грузовик, и не такси, а маленький голубой автобус. Он выехал на площадь перед гостиницей, и Олауг, подхватив мяч, отбежала в сторону.

Она сразу увидела Бьёрнара, Каоса и Пончика, но растерялась, застеснялась и за чем-то снова стала играть в мяч.

— Здравствуй, Олауг! — сказал папа, спрыгнув на землю.— Принимай гостей!

Он достал из багажника коляску и подкатил её к дверце, потом он помог выйти из автобуса Пончику.

— Присмотри-ка за ним,— попросил он Олауг.

Папа снова вернулся в автобус и теперь поднял на руки Бьёрнара. Бьёрнар был больше Каоса, но весил он не особенно много. Сильный папа без труда вынес его из автобуса и посадил в коляску. Настала очередь Каоса. В папиных руках он пролетел по воздуху, точно птица,— папа был сегодня в весёлом настроении.

— И я тоже! — закричал Пончик, подбегая к папе.— Я тоже хочу полетать!

Пришлось папе снова поднять Пончика в автобус, потом подхватить его на руки с верхней ступеньки и покружить по воздуху. Теперь Пончик был доволен. Олауг взяла его за руку и повела к своему дому. Каос и папа шли рядом с коляской Бьёрнара.

— Прежде чем уехать, мне надо посмотреть, какое тут крыльцо, сможет ли Бьёрнар сам на него въехать,— сказал папа Каосу.

Крыльцо было достаточно широкое, но на него вели три довольно высокие ступеньки.

— Что будем делать, Бьёрнар? — спросил папа.

— Вообще-то поднять коляску не так трудно,— сказал Бьёрнар.— Надо только развернуться и въезжать задом наперёд.

Из дома вышла мама Олауг.

— Добро пожаловать,— сказала она.— Как, Бьёрнар, справимся мы с тобой с этим крыльцом?

— Конечно, справимся,— ответил Бьёрнар.— Я разверну коляску задом наперёд, ты втаскивай её на крыльцо, а я буду держаться за колёса, чтобы не упасть.

— Внимание! Устраиваем генеральную репетицию! — объявил папа.

Мама Олауг ухватила за коляску и стала втаскивать её со ступеньки на ступеньку, Каос помогал ей, а Бьёрнар держался за колёса.

— Молодцы! — сказал папа. — Я вижу, вы справитесь. А теперь, счастливо оставаться. Я приеду вечером!

Дети осмотрели весь дом: кухню, спальню, гостиную и комнату Олауг, всюду было красиво и уютно. Но больше всего им понравились игрушки Олауг, особенно куклы, привезённые её папой из разных стран.

— Давайте играть, как будто это дети со всей земли, — предложил Бьёрнар.

— И мы к ним сегодня поедem, да? — спросил Каос. Ему очень хотелось, чтобы Бьёрнар превратил свою коляску в волшебный экипаж, и они понеслись бы в разные страны вместе с Пончиком и Олауг.

— Только не сейчас, Каос, — ответил Бьёрнар. — Сперва мы будем играть в другую игру.

— В какую?

— Для этого надо выйти на улицу.

Мама Олауг поспешила к ним на помощь. Теперь коляске предстояло съехать с крыльца. Мама и дети придерживали её, чтобы она не упала, Бьёрнар тоже помогал как мог, и всё сошло хорошо.

Холодный горный воздух был так прекрасен, что казался даже вкусным. Дети были тепло одеты и могли долго играть на улице.

Каоса грызло любопытство: он понял, что

Бьёрнар вычитал в своей энциклопедии что-то интересное, и теперь с нетерпением ждал новой игры.

— Мы с вами находимся на сётере,— начал наконец Бьёрнар.— Сетер — это горное пастбище, на нём стоят дома, в которых живут пастухи, они пасут скотину, доят коров и коз и варят из молока сыр. Я буду пастухом, а вы — коровами.

— А овцы на сетере есть? — спросил Пончик, он никак не мог забыть овец с ягнятами, которых видел из окна автобуса.

— Конечно, есть, и овцы и ягнята,— ответил Бьёрнар.

— А чем же будет твоя коляска? — нетерпеливо спросил Каос.

— Пока ничем,— ответил Бьёрнар.— Представьте себе, что здесь поляна, она вся заросла травой. Я лежу на траве и размышляю о всякой всячине, пастухи всегда так делают. В старые времена всем крестьянским детям приходилось пасти скотину, многие из них потом стали поэтами, наверное, потому, что у них в детстве было много времени для размышлений. В общем, представьте себе, что мы в горах...

— А мы и на самом деле в горах,— перебила его Олауг.— Только здесь на сетер не похоже, за домом гораздо лучше, пошли туда.

Дети направились за дом, дорожки туда не было, но они дружно толкали коляску и, не смотря на камни, легко преодолели весь путь. Бьёрнару очень понравилось за домом — отсюда была видна вершина Высокой.

— Как будто я только что выпустил вас из

хлева,— сказал он.— Вы разбредились по пастбищу и щиплете траву. Когда я заиграю на рожке, вы должны вернуться ко мне.

Каос, Пончик и Олауг побежали. Каосу и Олауг приходилось останавливаться и поджидать Пончика, который не мог бежать быстро; иногда они брали его за руки.

— Как будто мы — корова, бык и телёнок,— сказала Олауг.

Они скрылись за скалой, а Бьёрнар, откинувшись на спинку коляски, задумчиво смотрел на вершину Высокой. Зимой Высокая была покрыта снегом, но теперь на ней появились тёмные пятна. Налюбовавшись вершиной, Бьёрнар заиграл в рожок. Первым прибежал Пончик. Олауг пришла не так быстро, потому что, изображая корову, шла на четвереньках. А Каос нашёл веточку карликовой берёзы и прикрепил к шапке — получились рога. Ему казалось, что у него очень грозный вид, он даже сердито мычал.

Бьёрнар остался доволен своим стадом.

— А теперь вы опять люди,— сказал он.— Мы отправляемся в путешествие.

— Куда? — Глаза у Каоса загорелись от любопытства.

— На вершину Высокой!

— Но ведь это очень далеко! — воскликнула Олауг.

— А мы полетим на летающей тарелке, — объяснил Бьёрнар.

— Значит, нам надо привязаться? — спросил Каос.

— Зачем? — Олауг ничего не понимала, ведь она первый раз играла в такую игру.

— На космических кораблях всегда привязываются во время старта и во время посадки,— объяснил ей Каос.— Один раз мы так крепко привязались, что Эва с трудом нас отвязала.

— На летающей тарелке можно не привязываться,— сказал Бьёрнар.— Только найдите, на чём вы будете сидеть.

Олауг принесла себе ящик, Каос нашёл доску, а Пончик был такой маленький, что поместился на подножке коляски.

— На летающей тарелке лететь приятнее, чем на космическом корабле,— сказал Бьёрнар,— её не трясёт. Знаете, когда в газетах в первый раз написали про летающую тарелку? В 1837 году. Её видели в Техасе, это в Америке. С тех пор про них писали много раз, но что это такое, не знает никто. А вот мы знаем, потому что мы не люди! (Пончик даже засопел от восторга.) Да, мы с вами — инопланетяне и живём на другой планете, далеко в космосе. Сейчас мы просто совершаем прогулку на летающей тарелке. (Пончик взвизгнул.) Мы говорим не по-норвежски, но понимаем всё, что говорят норвежцы. Ну-цзи, летим-цзи!

— Как-цзи будто-цзи мы-цзи летим-цзи уже-цзи очень-цзи давно-цзи! — подхватил Каос.— Где-цзи мы-цзи сейчас-цзи?

— Мы прилетели на незнакомую планету и совершили посадку в горах,— продолжал Бьёрнар уже по-норвежски.— Сперва — возле гостиницы, а теперь перелетаем на вершину Высокой. Вот наша тарелка поднялась. Сейчас мы висим над гостиницей. Видишь, Пончик? Каос, как ты думаешь, на какой мы высоте?

— Высота тысяча метров,— сказал Каос.
— Да, наверно, так,— согласился Бьёрнар.— В летающей тарелке есть узкие щели, через которые можно смотреть.

— Иси кана цен дзун,— сказала Олауг.

Это было похоже на китайский язык. Олауг не знала, на каком языке говорят инопланетяне, знала только, что не по-норвежски.

— Какая красивая планета! — перевёл её слова Бьёрнар.— Такой красивой планеты мы ещё не встречали,— задумчиво добавил он.— Давайте приземлимся на эту горку!

Он имел в виду вершину Высокой, и хотя дети сидели за домом Олауг, им всем показалось, будто они вправду находятся на Высокой.

— Как отсюда далеко видно! — воскликнул Бьёрнар.

— Да, в хорошую погоду отсюда виден и Ютенхейм и Рёндские горы,— сказал Каос, он один из всех поднимался на Высокую.

— И даже гораздо дальше,— сказал Бьёрнар.— Нам виден и Трёлльхейм, и горы далеко на севере, и Швейцарские Альпы.

— Да-да, и Альпы! — подхватила Олауг, услышав знакомое слово, ведь она когда-то жила в Швейцарии.

— Какая красивая планета! — повторил Бьёрнар.— Видно, жители берегут её. Воздух тут, по-моему, вполне чистый, я вижу зверей и птиц... А вон какие-то коробки!

— Какие коробки? — не понял Пончик.

— Из них выходят какие-то существа,— сказал Бьёрнар.— Наверное, они в них живут.

— Бьёрнар говорит про дома,— шёпотом объяснил Каос Пончику и Олауг.— Он инопланетянин и поэтому не знает, что это дома.

— А шокидводс шо я лес касенбус,— сказала Олауг.

— Ванд косл мив дёсус,— сказал Каос.

— Му-му! — промычал Пончик.

— Яп! — сказал Бьёрнар.

Они сидели на вершине Высокой и беседовали на своём инопланетянском языке, пока мама Олауг не позвала их завтракать.

— Скорей! — воскликнул Бьёрнар.— Надо скорей расколдовать летающую тарелку!

— Ты успеешь? — испуганно спросил Каос.

Бьёрнар кивнул. В поисках детей мама Олауг пришла за дом. Там она увидела мальчика в инвалидной коляске, девочку, сидящую на ящике, и другого мальчика — на дощечке. Самый маленький мальчик сидел на подножке коляски. У них был такой вид, будто они только что завершили долгое, необыкновенное путешествие.

— А как называется та планета? — спросила Олауг.

— Может быть, Земной Шар? — предложил Каос.

— Мы назовём её просто Земля,— задумчиво сказал Бьёрнар.

СОДЕРЖАНИЕ

КАОС И БЬЕРНАР

МАЛЕНЬКИЙ ГОЛУБОЙ АВТОБУС	1
ЭВА И БЬЕРНАР	16
ПОДГОТОВКА К ПОЛЁТУ	17
В КОСМОСЕ	23
В ГОРАХ	27
ЛИЛИПУТНО	29
НОВЫЙ ГОД	37
ЗИМА	41
ПЕРЕТЫСЬ ЧЕЛОВЕКА	47
ЧТО-ТО ВРОДЕ ДОЖДЕВАТА	57

ОЛАУГ И ПОПЧИН

ВЕТЛЕБЮ	101
«СКОРАЯ ПОМОЩЬ»	106
ВОСКРЕСНОЕ УТРО	146
ВОЗЛЕ ТРАМПЛИНА	160
ВОЛШЕБНЫЙ ЭКИПАЖ	171
17 МАЯ	180
ОЛАУГ	193
ПЕРЕМЕНЫ	203
ОБИЖЕННЫЕ ДЕТИ	215
КАКАЯ КРАСИВАЯ ПЛАНЕТА!	225

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ
Литературно-художественное издание

Для младшего возраста

ВЕСТЛИ АННЕ-КАТ.

КАОС И БЬЁРНАР

ОЛАУГ И ПОНЧИК

Повести

Ответственный редактор Л. И. СЕРЕБРЯКОВА. Художественный редактор М. А. ТРУБЕЦКОЙ. Технические редакторы Е. П. КУДИЯРОВА, Т. П. ТИМОШИНА. Корректоры И. Н. МОКИНА, Э. Н. СИЗОВА.ИБ № 10034. Сдано в набор 07.08.87. Подписано к печати 21.03.88. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. кн.-жури. № 2. Шрифт бодони. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,6. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 8,59. Тираж 150 000 экз. Заказ № 6877. Цена 55 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Суховский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Вестли Анне-Кат.

В38 Каос и Бьёрнар. Олауг и Пончик: Повести/Пер. с норв. Л. Горлиной; Рис. Ю. Вестли; Оформление Е. Карелиной.— М.: Дет. лит., 1988.—239 с.: ил.— (Библиотечная серия).

ISBN 5—08—001236—6

Маленькие герои двух повестей известной норвежской писательницы А.-К. Вестли любознательны, умы, общительны. Книга рассказывает также о жизни их родителей — простых людей, живущих в маленьком норвежском городке, но решающих общие для всех людей на Земле проблемы.

4803020000—258
В М101(03)-88 445—88

ББК 84.4Нр

